

Федеральное агентство по образованию и науке Российской Федерации
Пензенский государственный педагогический университет
им. В.Г. Белинского

В.И. Первушкин

**ГУБЕРНСКИЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ КОМИТЕТЫ И
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА**

Пенза – 2007

ББК 60.6 (235.54)
П 26

Первушкин В.И. Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. – Пенза: ПГПУ, 2007. – 214 с.

Научный редактор: директор Государственного учреждения «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», доктор исторических наук, профессор **В.А. Юрченков**

Рецензенты: кафедра всемирной истории МГПИ им. М.Е. Евсеевьева, зав. кафедрой д.и.н., профессор **Н.Ф. Беляева**
доктор исторических наук, профессор **Н.Б. Баранова**

Монография посвящена деятельности Пензенского, Саратовского и Тамбовского губернских статистических комитетов с момента их открытия (1835 – 1836 гг.) до конца XIX века. На основе привлечения широкого круга архивных и опубликованных материалов представлен опыт их историко-краеведческой деятельности, что открывает для исторической науки малоизученную страницу. В центре внимания автора – процесс формирования провинциальной исторической науки во всем его многообразии. Проблема рассматривается в контексте развития российского общества 1830 – 1900-х годов.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, учителей школ и всех, кто интересуется историей.

ISBN 5-94321-076-8

© Первушкин В.И., 2007

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время наблюдается значительное повышение интереса к историческому краеведению. Причина этого связана с отсутствием конкретных исследований локальных исторических процессов. Абстракция без конкретизации привела к появлению в исторической науке множества «белых пятен». Между тем провинциальная историография как особое направление исторической мысли России XIX века в значительной мере игнорировалась, а вместе с ней игнорировались и научные общества в недрах которых она зарождалась. Огромный массив созданных и опубликованных в провинции исторических, археологических и этнографических источников и материалов остался в основном невостребованным в исторической науке XX века. В данной связи опыт историко-краеведческой деятельности Пензенского, Саратовского и Тамбовского губернских статистических комитетов открывает для исторической науки малоизученную страницу.

Ориентация в масштабе страны на субъекты Федерации повышает значение краеведческих исследований и способствует их дальнейшему развитию. Пореформенная эпоха по масштабам структурных сдвигов общества и науки во многомозвучна проблемам современности. Поэтому не случайно тематика и проблематика историко-краеведческих исследований этого периода сегодня актуальна как никогда.

Настоящая монография посвящена краеведам XIX – начала XX века. Имена известных и не очень известных исследователей можно встретить на её страницах. Наша цель – оглянуться назад, в прошлое, найти связующую нить с днем сегодняшним, определить те человеческие ценности, на которые ориентировались прошлые поколения исследователей и которые в третьем тысячелетии сохранят свое значение и будут служить ориентиром людям будущего. Мы рассматриваем становление и развитие исторического краеведения в связи с деятельностью Пензенского, Саратовского и

Тамбовского губернских статистических комитетов. С их открытия (1835 – 1836 гг.) до конца XIX века, когда историко-краеведческая работа почти полностью переходит в Губернские ученые архивные комиссии. В связи с этим возникает закономерный вопрос. Почему именно эти статистические комитеты взяты нами в качестве объекта исследования? Ответ на него требует более обстоятельного пояснения. Прежде всего, необходимо заметить, что мы не принимаем сложившегося в пензенской исторической науке районирования, которое традиционно выделяло регион, состоявший из Пензенской Симбирской и Самарской областей (губерний). В силу того, что оно основано на *историко-экономических связях*. В контексте поднятой нами проблемы районирование территории России по *историко-культурному* является более объективным. На наш взгляд, оно имеет несколько уровней. Первый уровень – приданье столице особого статуса и её выделение из остальной России. Он нашел самое яркое выражение в термине «провинция».

В последнее время стал употребляться более нейтральный термин «регион». Он используется для обозначения объединения нескольких административно-территориальных единиц (Поволжский регион).

Понятие «локальный» раскрывается как местный, отнесенный к определенному месту, как ограничение места действия, распространение какого-либо явления, процесса. Обозначение явления «локальным» говорит о том, что за пределами данной местности (несколько деревень, районов области) это явление больше не встречается.

Однако из всех понятий первого уровня именно слово «провинция» стало одним из основных образных понятий, выражающих строение, «рельеф» российского социально-географического и историко-культурного пространства.

Вторым немаловажным уровнем районирования являются критерии, по которым объединяются те или иные территории страны. Прежде всего, исследователи за основу берут экономико-географический опыт деления России. В роли критериев здесь фигурируют естественно-исторические,

хозяйственные или земледельческие признаки, в меньшей степени географические или территориальные. В данном случае аспекты удобства классификации преобладают над качеством различия регионов. В этом, на наш взгляд, проявляется искусственность самой процедуры районирования России.

К сожалению, те немногие попытки культурного районирования, которые имели место в научной литературе 1920-х годов, в конце концов были жёстко привязаны к экономическому делению. Культура мыслилась как просветительская работа, которая была вписана в общегосударственный план народного хозяйства.

В связи с вышеизложенным, для нас остается открытой проблема мотивации при выборе территориальных рамок исследования провинциальными историками. Почему в большинстве случаев они исходят из экономико-географических критериев районирования России? Так, например, в пензенской историографии сложилась устойчивая традиция включать Пензенскую область (губернию) в состав Среднего Поволжья, куда относят также Самарскую и Ульяновскую области (губернии). Однако при изучении историко-культурных проблем такое районирование себя не оправдывает, так как Пензенская область, в данном научном контексте, не в меньшей, а в некоторых случаях и большей степени тяготеет к Тамбовской и Саратовской областям. На наш взгляд, изменив подобный консервативный подход при изучении региональной истории можно добиться более объективных результатов, что будет способствовать выбору правильного направления движения в будущее.

Историографический анализ поставленной проблемы помог нам понять, почему именно Губернские статистические комитеты (ГСК) стали первыми историко-краеведческими учреждениями в российской провинции. На протяжении всего XIX века ученые в России и за рубежом понимали статистику как науку, изучающую очень широкий спектр общественных проблем. Даже в середине XIX века это была единственная общественная (в

современном понимании этого слова) наука. Один из крупнейших специалистов XIX века по статистике в России профессор Ю.Э. Янсон в своем фундаментальном исследовании «Теория статистики» отмечал: «... предмет, подлежащий исследованию статистики, есть общество, его строение, уклад и все жизненные направления, словом – все то, что совершается в обществе, во всей его совокупности, может служить предметом статистики»¹.

Такое расширительное толкование позволяло относить к разряду статистических работ в той или иной мере исследования по географии, истории, археологии, этнографии России. Для очень многих ученых и неспециалистов статистика была, прежде всего, методом исследования, возможным в любой гуманитарной дисциплине. Поэтому тысячи работ, созданных историками-любителями в XIX веке носят название «статистическое описание», «историко-статистический очерк» и т.д. Широкое использование однородного конкретно-исторического материала было в представлении любителей занятиями статистикой. Важно отметить, что к 1890-м годам в связи с бурным ростом, дифференциацией и специализацией по всему спектру гуманитарных наук идет сужение тематики собственно статистических исследований и в начале XX века на первое место в ней выходят проблемы демографической статистики.

Исходя из вышеизложенного, исследования по данной проблеме можно разделить на две группы. Первую группу составляют труды, характеризующие статистику в целом. Вторая группа представлена работами историков и краеведов.

Первая группа представлена обширной историографией. Труды по общей статистике впервые были опубликованы ещё в XVIII столетии. Они

---

¹ Янсон Ю.Э. Теория статистки. СПб., 1913. С.1.

представлены такими именами как И.К. Кириллов, В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов и М.Д. Чулков¹.

В начале XIX века в России появляется такое понятие как «академическая статистика». Её представители занимались вопросами теории статистики и вели специальные курсы в высших учебных заведениях России. Русская академическая статистика в процессе своего развития была представлена многими широко разветвлёнными направлениями. Некоторое время в ней господствовало описательное направление. Его представителями были Е.Ф. Зябловский, И.А. Гейм, А.Г. Ободовский и др. Они придерживались точки зрения на статистику как на науку о достопримечательностях государства, связывая её с вопросами либо истории, либо географии, либо, наконец, политической экономии². В целом работы начала XIX века становятся более детальными, насыщенными цифровыми данными.

К числу выдающихся статистиков первой половины XIX века принадлежит К.Ф. Герман. Под его руководством издаётся «Статистический журнал». Выход в свет специального статистического журнала является показателем статистической культуры и Россия в этом отношении оказалась в числе наиболее развитых стран мира. Кроме Франции ни в одном другом государстве в то время не было статистических журналов. В 1810 году К.Ф. Германа назначают руководителем статистического отдела при Министерстве полиции. Он одним из первых предпринял попытку изложить историю статистики в работе «Историческое обозрение литературы статистики, в особенности Российского государства». Сопоставляя статистику и историю, он писал: «Статистика старается все исчисляемые

---

¹ Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977; Татищев В.Н. Рассуждения о ревизии поголовной и касающейся оной. СПб., 1738; Ломоносов М.В. Сочинения. М., 1957; Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. СПб., 1771.

² Зябловский Е.Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем его состоянии с предварительными понятиями о статистике и с общим обозрением Европы в статистическом виде. СПб., 1815; Гейм И.А. Опыт начертания статистики главнейших государств по нынешнему их состоянию. СПб, 1821; Ободовский А.Г. Теория статистики в настоящем состоянии с присовокуплением краткой истории статистики. СПб., 1839.

предметы представить в числах, и может быть славна только хорошо расположеными... таблицами»¹.

Крупнейшими статистиками первой половины XIX века определившими полный отход статистики от описательного направления и заложившими теоретические основы статистики как самостоятельной науки были Д.П. Журавский и В.С. Порошин². Их труды послужили основой перехода от эпизодического сбора сведений к систематической и целенаправленной работе. Именно в этот период в России создаются губернские статистические комитеты.

Русские революционеры-демократы оказали заметное влияние на историю развития отечественной статистики. Вопросами теории и практики статистики занимался А.Н. Радищев. Однако его труды в этом направлении носят описательный характер, они относятся к разряду экономико-географических³.

А.И. Герцен во время своей ссылки в Вятку разработал программу статистического изучения Вятской губернии. О своих занятиях статистикой он писал: «Министерство внутренних дел было тогда в припадке статистики, оно велело везде завести комитеты и разославо такие программы, которые вряд ли возможно было бы исполнить где-нибудь в Бельгии или в Швейцарии... На комитет и на собрание сведений денег не назначалось ни копейки; все это следовало делать из любви к статистике, через земскую полицию, и приводить в порядок в губернской канцелярии. Канцелярия, заваленная делами, земская полиция, ненавидящая все мирные и теоретические занятия, смотрели на статистический комитет как на ненужную роскошь, как на министерскую шалость...»⁴.

---

¹ Герман К.Ф. Историческое обозрение литературы статистики, в особенности Российского государства. СПб., 1819. С. 3.

² Журавский Д.П. Об источниках и употреблении статистических сведений. М., 1836; Порошин В.С. Критические исследования об основаниях статистики. СПб., 1838.

³ Радищев А.Н. О собирании статистических сведений //Литературное наследство. М., 1941. № 39 – 40.

⁴ Герцен А.И. Былое и думы. Л., 1946. С. 131.

Большой интерес к статистике проявлял Н.П. Огарёв. В 1847 году в «Московских ведомостях» была опубликована его статья «Замечания на статью, помещённую в «Московских ведомостях» № 98 под заголовком «Опыт статистического распределения Российской империи»». Н.П. Огарёв считал статистику общественной наукой и придавал ей большое значение в изучении совокупности общественных явлений¹.

Вторая половина XIX – начало XX века – одна из самых ярких страниц истории отечественной статистики. Это время формирования основных научных концепций, время развития описательной статистики. В 1860-е годы стал издаваться «Статистический временник Российской империи». В нем давался обзор деятельности статистических учреждений страны, что позволило статистике перейти на более высокую ступень развития.

Создателем оригинальной теоретической концепции был Ю.Э. Янсон. Он считал статистику самостоятельной наукой, не зависящей от математики. Ю.Э. Янсон признавал ограниченное значение для статистики теории вероятностей и закона больших чисел. Он утверждал, что статистика имеет предметом своего изучения не государство, а общество². Теории статистики начала XX века также посвящены работы А.И. Чупурова, Н.А. Каблукова и А.А. Кауфмана³.

Первые крупные исследования по истории статистики вышли только в советское время. Прежде всего, хотелось бы назвать фундаментальные труды М.В. Птухи «Очерки по истории отечественной статистики» и «Очерки по

---

¹ Огарёв Н.П. Опыт статистического распределения Российской Империи //Московские ведомости. М., 1847. № 98.

² Янсон Ю.Э. Теория статистики. СПб., 1913.

³ Чупров А.А. Очерки по теории статистики. СПб., 1909; Каблуков Н.А. Статистика. М., 1915; Кауфман А.А. Теория и методы статистики. М., 1912.

истории отечественной статистики XVII – XVIII вв.». Правда, его исследования доведены только до второй половины XIX века¹.

К истории отечественной статистики обращался Н.К. Дружинин. Но его исследования затрагивали лишь содержание и значение писцовых и переписных книг, государственных ревизий и обзора развития статистической науки в России от К.Ф. Германа до Ю.Э. Янсона². Монография А.И. Гозулова «Очерки истории отечественной статистики» охватывает историю статистики от начала возникновения учёта на Руси и до Октябрьской революции³. На сегодняшний день наиболее полным исследованием по истории статистики можно считать монографию Б.Г. Плошко и И.И. Елисеева «История статистики», причем авторами показано зарождение и развитие статистической науки как в России, так и за рубежом⁴.

Данная группа литературы лишь опосредовано затрагивает нашу проблему, но её анализ помог нам разобраться в структуре статистических учреждений России XIX – начала XX века и месте в ней ГСК. Кроме того, мы выяснили, что обобщающих работ по губернским статистическим комитетам не создано.

Вторая группа исследований не представлена столь обширно как первая, т.к. она включает в себя труды, касающиеся истории отдельных статистических комитетов и, в частности, Пензенского, Саратовского и Тамбовского губернских статистических комитетов в области историко-краеведческой деятельности.

---

¹ Птуха М.В. Очерки по истории отечественной статистики. М., 1936, Птуха М.В. Очерки по истории статистики XVII – XVIII вв. М., 1945.

² Дружинин Н.К. Подушные переписи в русской переписи // Вестник статистики. 1955. № 5.

³ Гозулов А.И. Очерки по истории отечественной статистики. М, 1972.

⁴ Плошко Б.Г., Елисеева И.И. История статистики. М., 1990.

Первыми историками краеведческого движения второй половины XIX века стали члены ГСК. В небольших юбилейных очерках по истории отдельных губернских статистических комитетов сосредоточен ценный фактический материал по некоторым аспектам интересующей нас проблемы. Можно выделить очерки А.С. Гацисского, В.А. Ратькова-Рожнова, Н.В. Воскресенского по истории соответственно Нижегородского, Вятского и Воронежского статистических комитетов. В их трудах мы можем видеть определенные подходы к проблемам становления русской провинциальной истории, хотя в целом такого рода издания носили описательный, фактографический характер и привлекались нами почти исключительно в качестве источника¹.

Попытки осмыслиения результатов практической деятельности историков в русской провинции дореволюционного периода были сделаны во время подъема отечественного краеведения 1920-х годов. В обобщающе-программных краеведческих работах Н.К. Пиксанова, И.М. Грэвса, В.В. Богданова, С.И. Архангельского, А.А. Спицына и других известных тогда краеведов мы находим элементы анализа историко-краеведческой деятельности ГСК². Особо следует выделить небольшую, но очень ценную в теоретическом отношении работу В.В. Богданова «Задачи краеведения и история краеведения в России», в которой автор дает четкую и обоснованную оценку деятельности провинциальных историков до 1917 года

---

¹ Гацисский А.С. Обзор деятельности Нижегородского статистического комитета за десятилетний период (1865 – 1875) //Сборник в память Первого русского статистического съезда 1870 года. Н.Новгород, 1875. Вып. 11; Ратьков-Рожнов В.А. Вятский губернский статистический комитет (исторический очерк по подлинным документам). Вятка, 1896; Воскресенский Н.В. Исторический обзор деятельности Воронежского губернского статистического комитета. Воронеж, 1896.

² Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М., 1928; Грэвс И.М. История краеведения //Краеведческий альманах Отечество. М., 1991; Богданов В.В. Задачи краеведения и история краеведения в России //Вопросы краеведения. Н.Новгород, 1923; Архангельский С.И. Локальный метод в исторической науке //Краеведение. М., 1927. Т.2; Спицын А.А. Мои научные работы //Семинарий Кондакова. Прага, 1928. Т. 2.

и на основе анализа тематики и проблематики их исследований намечает перспективы дальнейшей работы историков российской провинции.

После разгрома краеведения уже в 1930 – 1950-е годы тема «провинциальная историография», по существу, совершенно выпала из официальных схем развития историографии в России и круга исследовательских интересов советских историков. Начиная с 1960-х годов расширение тематики и проблематики исторических исследований в центре страны, появление историко-краеведческой литературы на местах привело к расширению использования историками научного наследия провинциальных историков. В связи с этим возникла настоятельная необходимость обобщения опыта дореволюционной русской историографии в целом и деятельности отдельных ГСК, в частности. Появились исследовательские работы по проблемам истории дореволюционных научных обществ (А.Д. Степанский, И.И. Комарова, А.А. Формозов, Т.Е. Сиволап, А.Е. Миронос), которые в определенной мере подготовили почву для постановки данной проблемы¹. Ближе всего проблемы нашего исследования касается статья И.И. Комаровой «Научно-историческая деятельность статистических комитетов», в силу того, что в ней затрагиваются вопросы соотношения науки и краеведения, определяются основные задачи, направления и методы историко-краеведческой деятельности статистических комитетов.

Начиная с 1990-х годов появляются обобщающие труды по развитию исторического краеведения в масштабах одной области: Г.П. Присенко (Тула), А.А. Куратов (Архангельск), А.А. Севастьянова (Ярославль) и т.д.².

---

¹ Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России //Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975; Комарова И.И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов //Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987; Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990; Сиволап Т.Е. Охрана памятников старины в России в конце XIX – начале XX в. Дис. ... канд. истор. наук. СПб., 1997; Миронос А.Е. Ученые подразделения в системе административного управления России в первой половине XIX века: задачи, структура, эволюция. Автореф. дис. ... док. истор. наук. Н.Новгород, 2000.

² Присенко Г.П. Тульская провинциальная историография конца XVIII – начала XIX в. в истории отечественной культуры //Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции. Пенза, 1996; Куратов А.А. Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера: Учеб.

На примерах Вятской, Нижегородской и Пермской губерний была написана яркая, оригинальная и наиболее полная диссертация В.А. Бердинских «Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860 – 1890-х годов», в которой впервые в отечественной историографии исследованы основные направления историко-краеведческой деятельности ГСК. В 2003 году он издает монографию «Уездные историки: Русская провинциальная историография». В её основу положен текст докторской диссертации. Он составляет первый раздел монографии. Во втором разделе находится книга «Вятские историки». По логике автора вслед за теоретическим осмыслением проблемы, иллюстрируя и углубляя её на конкретно-историческом материале Вятского края и России, следует практическое подтверждение посылов первой работы. В реальных судьбах конкретных людей автор видит отражение общих закономерностей и процессов развития исторической науки в российской провинции¹. Подобному подходу придерживаемся и мы в своем исследовании.

О деятельности Пензенского губернского статистического комитета в начале 1990-х годов было написано две небольшие по объёму статьи В.И. Лебедевым «Роль Пензенского губернского статистического комитета в развитии провинциальной культуры» и С.Л. Шишловым «Музей Пензенского губернского статистического комитета – первый краеведческий музей Пензенской области и его руководитель В.П. Попов». В первой работе представлен общий конспективный обзор деятельности Пензенского ГСК. Она явилась в каком-то смысле отправной точкой при написании этой монографии. Вторая статья посвящена малоизученному направлению деятельности статистического комитета – музеиному делу, что придаёт

пособие к спецкурсу. Архангельск, 1992; Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Автореф. дис. ... док. истор. наук. СПб., 1993.

¹ Бердинских В.А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860 – 1890-х годов. Дис. ... док. истор. наук. М., 1994; Он же. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003.

ей особую значимость¹. В начале текущего столетия автор данной монографии посвятил ряд статей Пензенскому губернскому статистическому комитету. В них мы рассматривали роль ГСК в формировании краеведческого интереса у православного приходского духовенства, отчеты комитета как исторический источник и его издательскую деятельность². Пензенский губернский статистический комитет явился объектом специального научного исследования. Под нашим руководством в 2004 году Н.Е. Старчиковой была защищена кандидатская диссертация «Историко-краеведческая деятельность губернских статистических комитетов России во второй половине XIX – начале XX века (на примере Пензенской губернии)». В ней проанализированы исторические работы, археологические и этнографические исследования членов комитета, его персональный состав и издательская деятельность, а также место комитета в системе изучения и охраны памятников старины³.

В работе Т.А. Захаровой «Из истории Саратовского краеведения» первая часть посвящена работе Н.И. Костомарова в Саратовском статистическом комитете⁴. В монографии В.М. Захарова и Т.А. Захаровой «Саратовская ученая архивная комиссия (1886 – 1920)» лишь один параграф посвящен истории Саратовского ГСК.

---

¹ Лебедев В.И. Роль Пензенского губернского статистического комитета в развитии провинциальной культуры //Российская провинция XVIII - XIX веков. Материалы III Всероссийской научной конференции. Пенза, 1996. Кн. 2; Шишлов С.Л. Музей Пензенского статистического комитета – первый краеведческий музей Пензенской области и его руководитель В.П. Попов //Там же.

² Первушкин В.И. Приходское духовенство в Пензенском краеведении во второй половине XIX – начале XX века //Исторические записки. Межвуз. сб. науч. статей. Пенза, 2002. Вып. 6; Он же и Голоштанова Н.Е. Отчеты Пензенского губернского статистического комитета как исторический источник //Актуальные проблемы науки в России. Материалы научно-практической конференции. Кузнецк, 2003. Вып. 1; Он же. Издательская деятельность губернских статистических комитетов (на примере Пензенской губернии) //Исторические записки. Межвуз. сб. науч. статей. Пенза, 2004. Вып. 8.

³ Старчикова Н.Е. Историко-краеведческая деятельность губернских статистических комитетов России во второй половине XIX – начале XX века (на примере Пензенской губернии). Дис. ... канд. истор. наук. Пенза, 2004.

⁴ Захарова Т.А. Из истории Саратовского краеведения. Балашов, 2003.

В нем авторы в основном уделили внимание некоторым аспектам краеведческой деятельности комитета и его персональному составу¹.

Историко-краеведческая деятельность Тамбовского ГСК затронута в монографии В.А. Аленовой и Ю.А. Мизиса «История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.)». К сожалению, в ней комитету посвящена лишь часть параграфа «Общественные и государственные организации краеведческой направленности в Тамбовской губернии», где авторы в тезисной форме попытались осветить основные направления краеведческой деятельности ГСК².

Источниковую базу нашего исследования составили как архивные, так и опубликованные документальные материалы. Всю совокупность использованных источников можно разделить на следующие четыре основные группы. К первой мы относим комплексы архивных материалов, образовавшиеся в результате деятельности губернских статистических комитетов и Центрального статистического комитета, а также крупных научных обществ – Русского географического, Московского археологического и Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Фонды этих учреждений (особенно губстаткомитетов Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 9; Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 421; Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 63) отражают их многообразную научную и издательскую деятельность. Помимо регулярной протокольной и отчетной документации, списков членов, финансовой отчетности, трудов провинциальных историков, материалов о составе библиотек и музеев мы находим здесь обширную и очень содержательную текущую переписку с другими статкомитетами, научными обществами и учреждениями, а также с профессиональными историками – членами

---

¹ Захаров В.М., Захарова Т.А. Саратовская ученая архивная комиссия (1886–1920). Волгоград, 2005.

² Аленова В.А., Мизис Ю.А. История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). Тамбов, 2002.

комитетов. Однако следует заметить, указанные фонды имеют разную степень сохранности, что соответственно влияет на их информативность, следовательно и освещение нами того или иного вопроса.

Ценнейшим источником по истории исторической науки в российской провинции исследуемого периода является (вторая группа источников по нашему счету) большой комплекс опубликованных документов: годовых отчетов и протоколов заседаний ГСК. Изданые чаще всего тиражом в 50 – 150 экземпляров такого рода «Отчеты» и «Протоколы» дают нам наглядную картину развития научно-исторических знаний в Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерниях.

Третью, также очень обширную, группу источников составляют периодические издания ГСК: «Памятные книжки», «Справочные книги», «Адрес-календари», «Сборники ГСК». Целенаправленная систематическая публикация местных источников, материалов по истории, археологии и этнографии превратила эти издания в своеобразные краеведческие комплексы, ценность которых сегодня трудно переоценить.

К четвертой самостоятельной группе источников следует отнести работы провинциальных историков, которые мы также широко использовали в своем исследовании.

Подводя итог вышесказанному, нам хотелось бы заметить, что данная монография является итогом многолетней работы автора и его учеников. Мысль о написании этой работы была инициирована его научным руководителем профессором В.И. Лебедевым еще в начале 1990-х годов. И это не случайно. Именно в это время к нам пришло отчетливое осознание законченности определенного общественного и научного этапа в истории России. Как справедливо заметил В.А. Бердинских : «Уже следует не просто подводить итоги XX века, но и в какой-то мере изменить свое отношение к

источниковой базе, тематике, проблематике исторических исследований прошлого – то есть, прежде всего, XIX и XX веков»¹.

Сформировать позитивное отношение к комплексу провинциальных исторических источников и работам провинциальных историков XIX – начала XX века, как определенной системе знаний, вспомнить их имена – главная цель нашей монографии.

---

¹ Бердинских В.А. Уездные историки... С. 16.

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

I.1. Российское общество 1830 – 1900-х годов.

Начало XIX века характеризуется разложением хозяйственной системы крепостничества. Оставаясь главной отраслью экономики России, сельское хозяйство развивалось крайне медленно. Между тем рост промышленности требовал расширения сельскохозяйственного производства. Первая половина столетия характеризуется крахом крепостной промышленности. Очевидными становятся преимущества наёмного труда рабочих. В стране начинается промышленный переворот. Эти процессы сопровождались изменениями социальной структуры страны.

Первые годы правления Александра I характеризовались либеральными веяниями. К государственному управлению были привлечены прогрессивные деятели, прежде всего М.М. Сперанский, проведены крупные реформы, в том числе и в структуре управления. Все коллегии, за исключением иностранных дел и военной, были ликвидированы и в 1802 году были созданы министерства.

Шаги по созданию сетей ведомственных ученых подразделений в провинции вызывались вполне объективными потребностями центральных административных органов как в получении необходимой информации с мест, так и стремлением повысить технический уровень производств, находившихся в сфере непосредственного государственного интереса.

Однако по своим последствиям эти мероприятия центральных правительственные органов далеко выходили за рамки прагматических ведомственных задач. Здесь можно согласиться с В.А. Бердинских в том, что «стимуляторами процесса» активного формирования провинциальной интеллигенции «явились разнообразные общественные центры», в том числе, научные общества, к числу которых он относит и действовавшие в

провинции губернские статистические комитеты¹. Вместе с тем отсутствие слоя образованных кадров за пределами столичных центров выступало ощутимым сдерживающим фактором в возможности развития подобных структур в провинции в первой половине XIX века.

Шаги, предпринимавшиеся Д.Н. Блудовым на посту министра внутренних дел (1832 – 1839), включали в себя комплекс мер, направленных на совершенствование губернского звена управления, но не только путем усиленияластной вертикали: разработка «Наказа» гражданским губернаторам, организация полицейских станов в уездах и т.п. Важным и весьма значительным по своим последствиям шагом явилось решение об издании «Губернских ведомостей» во всех губерниях, и о дополнении публикуемых административных материалов изданием неофициальной части². Уже в 1840-е годы в ряде губерний неофициальная часть «Ведомостей», где печатались статьи исторического, этнографического, статистического характера, становится заметным явлением провинциальной общественной жизни, пробуждающегося общественного мнения³. Однако в условиях николаевской политической системы данные мероприятия с неизбежностью выхолащивались целым рядом сословных ограничений, но и столь незначительные шаги создавали определенную базу последующего развития.

Развитие исторической науки во второй половине XIX века во многом было обусловлено кардинальным изменением общественно-политической ситуации в стране, начавшимся после Крымской войны. Отмена крепостного права не только освободила крестьян, дала мощный толчок общественному движению в стране и росту провинциальной интеллигенции, она

---

¹ Бердинских, В. А. Русская провинциальная историография второй половины XIX века /В. А. Бердинских. М. - Киров, 1995. С. 21.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание первое. СПБ., 1835. Т. XII. № 10303. § 31; № 10304. § 86 – 96.

³ Станько А.И. Официальная газетная печать в литературно-общественной борьбе 1840-х годов //Ученые записки Горьковского университета. Серия. Историко-филологическая. Горький, 1996. Вып. 78.

раскрепостила в той или иной степени все без исключения социальные слои общества, словно замороженные эпохой Николая I. Исследователи справедливо отмечают «... крепостной характер административно-хозяйственного строя местного управления» в дореформенное время и то, что сильнее всего контролировалась жизнь низших слоев общества¹. Один из видных либеральных деятелей, готовивших крестьянскую реформу, А.М. Унковский писал в 1859 году: «Вся жизнь народа взята под опеку правительства. Нет ни одной мелочи, безусловно, доверенной самому народу; все делается с разрешения высших властей. Народ не может починить дрянного мостика, даже не имеет права нанять общего учителя грамоты... Вся администрация наша представляет целую систему злоупотреблений, возведенную в степень государственного устройства»². Под народом автор подразумевает, прежде всего, крестьянство. Российская общественность той эпохи видела свою миссию в том, чтобы занять место правительства и местных властей в опеке над народом, в его образовании и просвещении. Сам термин «народ» оставался в 1860 – 1880-е годы понятием идеологизированным и толкуемым чрезвычайно многообразно. Тема народа, понимаемого, прежде всего, как русское крестьянство, оказавшаяся в центре общественных интересов, быстро стала входить и в круг интересов обновляющейся российской исторической науки.

В новую историческую эпоху, писал К.Н. Бестужев-Рюмин в своей программной статье 1859 года «Современное состояние русской истории как науки», первым требованием к историку является для него «... необходимость проникнуться духом того народа, историю которого он пишет, показать существенные элементы народного характера и из памятников старины восстановить «живой образ народа»³. Такого рода идеи нашли живой отклик в русской провинции.

---

¹ Цит. по: Веселовский Б.Б. История земства. СПб., 1911. Т 3. С. 1.

² Там же. С. 6.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской истории как науки //Московское обозрение. М., 1859. Кн. 1. С. 3.

Новую науку должны были делать и новые люди. Приток с 1860-х годов демократически настроенной молодежи, в значительной мере разночинной по происхождению, в университеты и на кафедры позволил существенно обновить преподавательский состав учебных заведений России. По своему социальному составу значительная часть студентов университетов – разночинцы, выходцы из духовенства и других слоев общества. Однако количества готовящихся специалистов с высшим образованием было явно недостаточно для огромной империи. Необходимо учесть и то, что значительная часть их оставалась работать в столичных центрах. Даже в близких к центру страны губернских городах – Рязани, Туле, Твери – людей с университетским образованием можно было в 1860-е годы перечесть по пальцам, не говоря о таких городах как Пенза, Саратов и Тамбов. Поэтому-то такую значительную роль в провинции сыграли в исторических исследованиях люди, имевшие хоть какое-то образование. Это с одной стороны. С другой – священники, врачи, учителя, чиновники увлеченно занимались историей, археологией и этнографией, не имея никакой конкуренции. Ведь число специалистов с гуманитарным образованием было еще меньше.

В дальнейшем в нашей работе будет довольно часто встречаться понятие «провинциальная интеллигенция». Уточним его содержание. Отметим, что лишь с 1860-х годов слово «интеллигенция» приобрело социологический смысл и стало обозначать часть общества. В обстоятельных монографиях В.Р. Лейкиной-Свирской и В.А. Бердинских справедливо отмечено, что в тот период в либеральных кругах интеллигенцией считались люди образованные, поборники реформ и постепенных форм развития¹. В изучаемое время шел процесс активного формирования провинциальной интеллигенции. В губернских городах стимуляторами этого процесса явились разного рода общественные центры (в первую очередь земства), научные общества,

---

¹ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971; Бердинских В.А. Уездные историки...

органы городского самоуправления. В Европейской части России этот процесс начался в самом начале 1860-х годов, на окраинах империи несколько позднее.

Для того чтобы жизнь народа смогла стать объектом изучения местной интеллигенции, последняя должна была, с одной стороны, находиться достаточно близко к нему, чтобы уметь наблюдать и уметь понимать народную жизнь (хотя бы в этнографическом аспекте), а с другой стороны, уже быть отстраненной, отчужденной от изучаемых ею слоев общества.

Такого рода требованиям отвечала русская разночинная интеллигенция 1860 – 1900-х годов. Проблемы генезиса разночинной интеллигенции, как особого социального слоя в русской провинции 1860-х годов, детально исследованы в монографии Г.Н. Вульфсона¹. Кроме студентов в этот слой общества, по наблюдениям исследователя, входила в начале 1860-х годов интеллигентная молодежь обоего пола: сыновья купцов и мелких чиновников, большое количество бывших семинаристов, бедных мещан, прочих выходцев из городских сословий. Действительно, по своим политическим взглядам эти люди были очень многоголики: от защитников народа – глашатаев крестьянства до «маленьких людей» – людей колеблющихся, аполитичных, а также группы людей, настроенных, консервативно-охранительно².

Если этим людям удавалось «проложить себе дорогу» в жизни: стать учителем, священником, врачом, ученым, – то этим они обязаны были только своему природному уму и упорному труду. Достигнув же определенного положения в обществе, многие из этих людей проводили многообразнейшую просветительскую работу в народе. Они испытывали своеобразный комплекс вины перед народом. Об этом писали А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Н.В.

---

¹ См.: Вульфсон Г.Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань, 1974.

² Там же. С. 49.

Шелгунов и многие писатели-народники. Обращение к любительским занятиям историей во второй половине XIX века нескольких тысяч представителей провинциальной интеллигенции России невозможно объяснить, не поняв идейного воздействия народничества на эти поколения людей.

Феномен народничества осмысливался в нашей научной литературе последних трех десятилетий очень активно. Но основная масса исследований посвящена либо революционным организациям народников, либо политически активной части народнической интеллигенции. Между тем влияние идей народничества (в широком понимании этого слова) в той или иной мере ощутила значительная часть разночинной молодежи 1860 –1880-х годов.

Философ С.Л. Франк, с нашей точки зрения, преувеличенно политизируя эту тему, в целом справедливо отмечал, что народничество, в широком смысле слова, не определенное социально-политическое направление, а широкое духовное течение. «По своему этическому существу русский интеллигент приблизительно с 70-х годов и до наших дней остается упорным и закоренелым народником, – писал он в широко известном сборнике «Вехи», подводя итоги целой исторической эпохе развития русской интеллигенции. – Его Бог есть народ, его единственная цель есть счастье большинства, его мораль состоит в служении этой цели, соединенном с аскетическим самоограничением и ненавистью или пренебрежением к самоценным духовным запросам. Этую народническую душу русский интеллигент сохранил в неприкосновенности в течение ряда десятилетий... до последних дней народничество было всеобъемлющей и непоколебимой программой жизни интеллигента...»¹. Безусловно, русское народничество было не столько идеологией, сколько способом мышления, общим для нескольких поколений разночинской молодежи 1860 –1880-х годов. Причем

---

¹ Франк С.Л. Этика нигилизма //Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 188 – 189.)

вера в народ, идеализация его сочетались с большой практической работой и колоссальным трудолюбием, присущим многим деятелям этой эпохи (в том числе и историкам-любителям). Без осознания этого нам сложно будет понять мотивы внезапного обращения к занятиям русской историей, археологией, этнографией (прошлым и настоящим народа) многих сотен провинциальных интеллигентов начиная с середины XIX века. Сам по себе общественный подъем 1860 – 1870-х годов не означал направления интересов разночинской молодежи именно в область русской истории, но в сочетании с мощным мировоззренческим народническим комплексом идей и вновь созданными организационными возможностями русской науки привел именно к такому результату.

Рассматривая психологические основы личности молодого разночинца той эпохи, мы должны обратить особое внимание на два момента. Во-первых, он чувствовал себя в обществе человеком безродным, бедным, незащищенным и одиноким изгоем. Русская классическая литература дает нам много образов людей такого типа (со своеобразным комплексом неполноценности). Именно отсюда массовая тяга местной интеллигенции в разного рода научные общества и ученые учреждения типа губернских статистических комитетов, широко развернувших свою работу в это время. Такого рода общества были своеобразной отдушиной для этих людей, полуофициальной защитой от окружающего невежества.

Второй важный момент – это малая численность всего надкрестьянского социального слоя общества в пореформенной провинциальной России. Достаточно типичен для средней полосы России социальный состав населения Пензенской губернии. В 1880 году ее населяло 1 337 155 человек обоего пола, причем в городах проживало лишь 183 543 человека. Потомственных дворян в губернии насчитывалось 3 891 человек, приходского духовенства 7 689 человек. В составе городских сословий было 3 398 почетных граждан, 2 472 человека относились к купечеству 54 725 – к

мещанству¹. Крестьянство здесь составляло значительное большинство населения. То есть тот народ, изучением которого активно занялись местные интеллигенты, был вокруг них, практически везде, и составлял основную социальную массу общества. Характерно, что самым значительным массово грамотным сословием в губернии (как и в большинстве других великорусских губерний) было приходское духовенство. Представители именно этого сословия станут важнейшей опорой на местах, в уездах и волостях, первых массовых научных учреждений в России XIX века – губернских статистических комитетов.

Другой важной социальной основой формирующейся местной интеллигенции стало учительство. В той же Пензенской губернии к 1914 году было 966 начальных школ (земские, церковно-приходские школы и школы грамоты), в которых трудилось две тысячи учителей. Социальный состав народных учителей показывает, что это были в основном выходцы из семей крестьян, низшего духовенства и мещан. Они были действительно народные учителя, выходцы из народа и работающие в народных школах². Отметим огромное воздействие системы духовного обучения на формирование учительства той эпохи и в целом на процесс обучения и воспитания детей. Важно реально представлять себе и достаточно низкий образовательный и культурный уровень подавляющей массы учительства. Гимназии, где уровень преподавания был значительно выше, существовали, как правило, лишь в губернских городах, но и там научной работой занимались единицы из учителей. Тем не менее, по сравнению с предыдущим периодом это было значительным шагом вперед. Это – своеобразные социальные и идейные предпосылки для распространения исторической науки в русской провинции.

---

¹ ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 428. Лл. 1об, 2, 2об.

² Гошуляк Л.Д. Становление и развитие системы народного образования в Пензенской губернии //Очерки истории народного образования Пензенского края. Пенза, 1997. С. 146 – 147.

Важным благоприятным фактором стали и изменения в развитии исторической науки. Русская историческая наука сделала в это время мощный рывок вперед, хотя мы должны отчетливо представлять себе, что развивалась она в трех-четырех университетских центрах. По мнению В.О. Ключевского, русское историческое изучение переживало в 1850 – 1860-х годах глубокий перелом. В своем дневнике 28 мая 1868 года молодой ученый отметил: «Наука русской истории стоит на решительном моменте своего развития. Она вышла из хаоса более или менее счастливых, но всегда случайных, частных, бессвязных, часто противоречивых взглядов и суждений. В ее ходе открылся основной смысл, связавший все ее главные явления, части, остававшиеся доселе разорванными. С этого момента и начинается развитие науки в собственном смысле...»¹.

Подводя итоги развитию русской истории, казанский краевед Н.Я. Аристов в очерке «Разработка русской истории в последние 25 лет (1855 – 1880)» вспоминал 1855 год как тяжелое время, когда «... отсутствие жизненных ученых трудов и интересов при строгой тридцатилетней цензуре приводило в уныние молодые умы... Тогда издание памятников было позволено только до XVIII столетия... Очевидно, что исторические труды не могли сближаться с современным состоянием России и иметь жизненное влияние на практику... Все это время царил поэтический идеализм немецкой фантазии на русской почве»². По мнению Н.Я. Аристова, за истекшие 25 лет сложился живой, действующий организм русской исторической науки³. Думается, что можно согласиться с этим выводом, хотя многие стороны этого процесса для нас сегодня неясны.

Большую роль сыграли преобразования университетской системы. Как уже говорилось выше, к 1862 году произошла замена примерно половины

---

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 290.

² Аристов Н.Я. Разработка русской истории в последние 25 лет (1855 – 1880) //Исторический вестник. 1880. Т. 2. С. 666.

³ Там же. С. 668.

состава преподавателей и профессоров университетов России¹. На смену «окаменелостям» николаевского режима пришли молодые талантливые профессора, зачастую с ярко выраженной либеральной или демократической нацеленностью (Н.И. Костомаров, А.Н. Бекетов, Б.Н. Чичерин, А.П. Щапов, А.Н. Пыпин и другие.) Многие из них стали умелыми организаторами научных обществ при университетах, активными деятелями Русского географического общества, испытали влияние идей славянофилов, поставивших вопрос об изучении национального своеобразия истории России, народной жизни в целом. Серьезно изменилась тематика исторических исследований.

Отличительной чертой развития русской историографии тех десятилетий А.Н. Пыпин считал стремление исследователей раскрыть народную сторону истории – роль народа в создании государства и судьбу народа в новейшем государстве. Такого рода научный интерес к народной тематике, по его мнению, развивался параллельно с ходом крестьянской реформы и общественным интересом к ней, а также в связи с быстрым ростом науки в целом². Хочется отметить, что тема народа стала тем узлом, в котором сошлись интересы писателей и историков, географов и языковедов, гуманитариев самых разных направлений. Безусловно, это помогало ученым более глубоко осмыслить эту проблематику. Говоря о 1860-х годах, А.Н. Пыпин подчеркивает: «Но главнейшим и основным интересом времени стал народ; всего обильнее была литература о народе. Никогда еще этот интерес не бывал столь всеобщим, столь одушевляющим и волнующим... Народ... только теперь перестал быть запретным предметом для общественной мысли и литературы»³.

---

¹ Эймонтова Р.Г. Профессора старые и новые на рубеже 50 – 60-х годов XIX в. //Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 128.

² Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2. С. 171.

³ Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 298.

Важной предпосылкой для развития исторической науки в изучаемый период стал быстрый рост книгоиздания, периодики в центре и на местах, увеличение числа библиотек и книжных магазинов. По данным В.Р. Лейкиной-Свирской, если в 1860 году в России вышло свыше 2 тысяч названий книг, то в 1867 году – 3,4 тысячи названий, в 1877 году – более 5,4 тысяч названий, а в 1895 году – более 11,5 тысяч названий книг. В 1887 – 1893 годах на русском языке вышло почти 45 тысяч названий книг, тиражом, близким к 148 млн. экземпляров. Средний тираж научной книги достиг в 1887 году 870 экземпляров, а уже в 1901 году – 1600 экземпляров.

По-прежнему важнейшим источником духовной пищи для образованных людей в провинции оставалась периодическая печать. Если в 1859 году в России выходило 280 периодических изданий, в 1872 году – 378, в 1882 году – 554, то в 1895 году уже 841¹. Значительная часть этих изданий – губернские ведомости, епархиальные вестники, местные частные газеты. В России 1860 – 1880-х годов вырос массовый читатель в лице провинциальной интеллигенции. С 1890-х годов начался бурный рост читателей из широкой народной среды. Губернские города стали крупными издательскими центрами и обеспечивали определенного рода литературой и периодикой свои губернии.

Кроме периодики, оказывавшей значительное влияние на мировоззрение провинциальной интеллигенции, появились более широкие возможности взять нужную книгу в библиотеке или приобрести ее даже в небольшом городе, хотя ассортимент книжных лавок в уездных центрах был по-прежнему очень небогат и ориентирован, прежде всего, на грамотные низы общества. В 1830 году президент Императорского Вольного экономического общества граф И.С. Мордвинов выступил с предложением: «... о создании в провинции публичных библиотек», т.к. он считал их одним из средств распространения просвещения и поднятия промышленности и сельского

---

¹ Лейкина-Свирская В.Р. Указ. соч. С. 213, 214, 216.

хозяйства. К 1887 году в 659 городах Европейской России насчитывалась уже 591 библиотека¹.

Как правило, в губернских центрах типа Пензы, Саратова, Тамбова в середине XIX столетия кроме публичной существовало по 2 – 3 частных библиотеки. Но настоящий бум библиотечного дела в российской провинции наступает лишь на рубеже XIX – XX веков. В Пензе первая публичная библиотека была открыта 20 декабря 1837 года. «Библиотека состоит под главным заведованием гражданского губернатора. Попечителем библиотеки избран статский советник Александр Григорьевич Киселев. Должность библиотекаря поручена титулярному советнику Вотопетову... Ныне (1838 г. – В.П.) библиотека заключает в себе 434 названия – 1218 томов книг...»². В Саратове подобная библиотека была открыта 19 февраля 1831 года, но фактически общедоступной она стала только в 1856 году³.

В Саратовской губернии в 1860 – 70-х годах существовало шесть типографий, кроме публичной библиотеки, открывались частные библиотеки и бесплатные народные читальни. Библиотеки нередко существовали и при книжных магазинах, количество которых возрастало. Открылись саратовские филиалы товарищества Сытина, «Нового времени», Суворина. Известны в городе были также «Приволжская книжная торговля» В.Ф. Лятошинского, книжные магазины И.Е. Григорьева, М.А. Кудрявцева, Д.Г. Смолин-Степанов открыл «Антикварную книжную торговлю»⁴.

В конце XIX века в Пензе насчитывалось три государственных и пять частных типографий, а также 9 публичных и 7 частных библиотек⁵.

Знание означало благо для рационалистически настроенной разночинной русской интеллигенции тех лет. Овладение знанием означало также для

¹ Лейкина-Свирская В.Р. Указ. соч. С. 215.

² ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1597. Л. 208 – 208об.

³ Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 504.

⁴ Энциклопедия Саратовского края... С. 504.

⁵ Попов В.П. Столетие типографии Пензенского губернского правления (1804 – 1904). Пенза, 1904; ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4918, 5058, 6209, 6758; Ф. 7. Оп. 1. Д. 5, 9, 10, 32.

интеллигента необходимость этим знанием поделиться. Просветительская нацеленность мировоззрения широких слоев интеллигенции, стремление не изолироваться в своем социальном кругу, а активно служить народу своими знаниями – все это серьезно помогло провинциальным любителям-историкам, археологам, этнографам в сборе нужной информации у местных крестьян. Решимость отдаваться научной работе диктовалась у многих образованных людей той эпохи теми же мотивами, что и решимость революционных народников идти в народ. Идеи служения народу, сформировавшиеся в 1880-е годы в популярную теорию «малых дел», овладели значительными слоями учащейся молодежи.

Как вспоминал русский историк А.А. Кизеветтер, «... призыв к малым делам, но ради больших результатов» диктовался велениями правильно понятого гражданского долга. «Мысль о том, что путь к большим результатам лежит через упорную работу в области малых дел – капля долбит камень! – превозобладала в поколении восьмидесятников...»¹.

Таким образом, создавалась благоприятная общественная атмосфера для любительской и общественной деятельности местной интеллигенции, деятельности, выходящей за пределы основного круга профессиональных обязанностей. Увлеченность наукой (на любом уровне, даже самом примитивном) оценивалась обществом как высоконравственное явление.

В условиях консолидации местной интеллигенции вокруг почти повсеместно созданных в губернских центрах ученых обществ и статистических комитетов, а также земств, провинциальная интеллигенция стала ощущать некоторое отличие своих собственных целей и интересов от интересов столичной интеллигенции. Да это и понятно, мы должны хорошо представлять значительные расхождения между европейским уровнем развития науки в университетских центрах и удручающее низким состоянием общественно-исторической мысли в Российской провинции. Думаю, что

---

¹ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (воспоминания 1881 – 1914). Прага, 1919. С. 169.

можно согласиться с принципиально важным выводом современного исследователя В.П. Макарихина о ситуации во второй половине XIX века в России: «Наука все более работала сама на себя, а провинциальная мысль обречена была сама решать проблемы местной и общероссийской истории»¹.

Стоит согласиться и с философским анализом ситуации в стране, проделанным в начале XX века русским философом Н.А. Бердяевым. По его мнению, Россия совмещала тогда в себе несколько исторических и культурных возрастов, от раннего Средневековья до самых вершин мировой культуры. Централизация науки и культуры, произошедшая в стране, очень опасна для будущего такой огромной страны. Поэтому неотложная задача – духовно-культурная децентрализация России, культурный подъем самых недр русской народной жизни. При этом одинаково неверна и столичная ориентировка жизни, и ориентировка провинциальная. Это две стороны одного и того же разрыва в народной жизни. Должна начаться общенациональная ориентировка жизни, идущая изнутри всякого русского человека, всякой личности, сознавшей свою связь с нацией².

Думается, что такого рода идеи активно муссировались в кругах русской интеллигенции второй половины XIX века. Своебразным преломлением их в исторической науке стала концепция «областной» (или местной) истории Афанасия Прокопьевича Щапова (1831 – 1876). Основные положения его теории «областничества» заключались в следующем. Общественный подъем 1860-х годов, по его мнению, был вызван крестьянской реформой. «Великим крестьянским вопросом нарушена была монотонность, апатия нашей жизни. Мысль возбудилась к политической работе. Мы лицом к лицу обратились к почве нашего развития, к народу, – писал он в 1862 году. – Наружен вековой застой провинциальной жизни»³. Основным содержанием русской истории

---

¹ Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Н.Новгород, 1991. С. 10.

² Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 67.

³ Щапов А.П. Сочинения. СПб., 1906. Т. 1. С. 760.

Щапов считал «саморазвитие» областей, их самообразование путем колонизации. Отсюда необходимость изучать самодеятельность народа в русской истории, внутреннюю организацию этой самодеятельности. Местная история провозглашалась не просто предметом, достойным изучения, а предметом – важнейшим в русской истории. «Русская история в самой основе своей есть по преимуществу история областных масс народа, история постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации», – писал он, придавая политическую злободневность своим научным рассуждениям¹. По мысли Щапова, общество, начинаясь с малых кругов, внутренне самобытных и в себе законченных миров сельских, связывает общиной, естественно-бытовой связью миры сельские и городские (тоже внутренне самобытные и в себе законченные) в единый областной земский мир, который в свою очередь посредством федеративной связи распространяется во всенародный русский земский мир². Это – идеал щаповского политического устройства России. Вряд ли он вызывал горячие симпатии широких масс провинциальной интеллигенции, в подавляющей своей массе весьма законопослушной и лояльной режиму. Их привлекали научно-практические рекомендации, следовавшие из этой теории. Знакомясь с русской историей по Н.Г. Устрялову и Н.М. Карамзину, они, вслед за Щаповым, также недоумевали, отчего в их историях не видно нашей сельской Руси, истории простого народа. Установка Щапова на конкретно-историческое и этнографическое изучение прошлого и настоящего отдельного села, волости, уезда, и в конце концов всей области была принята широкими массами русской провинциальной интеллигенции как призыв к действию. Безусловно, большинство из них о Щапове даже не слышали, а

---

¹ Он же. Неизданные сочинения //Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1926. Т. 33. Вып. 2/3 С. 13.

² Щапов А.П. Новая эра //Собрание сочинений. Дополнительный том. Иркутск, 1937. С. 16, 17.

формировали свой идеинный багаж опосредованно – через губернскую периодическую печать, тон в которой в этом отношении задавали руководители и активисты губернских статистических комитетов, хорошо знакомые с идеями Щапова.

Обращение местной истории, начиная с 1860-х годов, к темам народной жизни, стремление дать народную историю в краевом разрезе чрезвычайно обогатило тематику и резко увеличило круг авторов в каждой губернии. Внезапно оказалось, что источником для археологической, исторической, этнографической статьи (по образцам, уже напечатанным в местной периодике) может служить живое окружение каждого образованного и даже полуобразованного человека. Сельские священники, учителя, врачи, юристы, волостные писари, чиновники, купцы в значительных количествах начали составлять сводки внешнего фактического материала по истории в связанной повествовательной форме. Таким образом, историописание в русле местной (провинциальной) русской истории становится с 1860-х годов специфически характерным направлением исторического изучения, едва ли не самым распространенным любительским занятием просветительски настроенной части провинциальной интеллигенции во многих областях России.

Однако, будучи глубоко оригинален в собственно исторической части своей теории, Щапов вместе с тем был в своих попытках вторичен по переносу законов естествознания на историческую жизнь общества. Сами условия жизни (учеба в провинциальном центре, краткий период преподавания, длительная ссылка в Сибирь) не дали ему условий для широкой научной подготовки. Приходилось все время доучиваться на ходу, брать источники из вторых рук (исключим лишь начальный период творчества Щапова), так же как и научную методологию. Сила и слабость провинциальной историографии отразились в деятельности этого ученого чрезвычайно ярко.

Подведем некоторые итоги. Интерес к истории местного края сформировался как культурная традиция во многих губерниях России к 1860-

м годам. Провинциальная интеллигенция, разночинная по своему происхождению, формируется в этот период в весомую социальную группу, объединенную общими мировоззренческими установками. Именно в составе этой группы появляются в широких масштабах (по меркам того времени, конечно) во всей России историки-любители, консолидирующиеся в каждой губернии в 1860 – 1890-х годах вокруг губернского статистического комитета, а затем губернской ученой архивной комиссии. Думается, что именно с них началось формирование провинциального краеведения в России.

Идейное воздействие народничества на этот круг людей выразилось, прежде всего, в обращении их к народной истории и этнографии данного региона. Происходит обновление местной тематики исследований. Интересы русской провинциальной интеллигенции нашли яркое отражение в деятельности замечательного русского историка той эпохи А.П. Щапова. Созданная им концепция «областничества» послужила теоретическим обоснованием для занятий местной историей множества русских историков-любителей.

I.2. Первые опыты историко-краеведческих описаний.

Краеведение в России прошло долгий, трудный, временами мучительный путь. Его зарождение большинство исследователей относят к XVIII веку. Это время может по праву считаться начальным этапом развития краеведения, когда результаты краеведческих исследований оказались зафиксированными в сочинениях по местной истории и в различного рода «описаниях». Именно тогда местные историки-краеведы ведут активную работу по сбору и фиксации различных исторических источников, записывают легенды, предания, сказания на исторические темы. Много внимания обращали краеведы и на поиски старинных книг и других памятников письменности.

Здесь необходимо отметить, что в XVIII веке на местах сохранился такой жанр исторических произведений как летописи. Это были первые попытки использования документов региональных архивов в осмыслиении истории своего края. Они писались не профессиональными историками, а монахами монастырей или приходскими священниками. К таким произведениям можно отнести и первую работу по Тамбовскому краю, написанную в начале XVIII столетия в стиле русских летописей «Древний Тамбовский летописец». В научный оборот его ввел тамбовский краевед С.А. Березнеговский (1797 – 1868). Он родился в селе Мосаловка Усманского уезда Тамбовской губернии в семье дьякона местной церкви¹. В 1809 году он поступил в Тамбовскую духовную семинарию, которую он закончил с отличием. В 1820 году епископ Рязанский и Зарайский Сергий посвятил его в духовный сан. С.А. Березнеговский был назначен настоятелем больничной Александро-Невской церкви города Тамбова. Одновременно он преподавал в Тамбовском приходском училище. Однако в 1824 году Стефан Абрамович ушел с преподавательской работы и занял должность эконома Тамбовской семинарии². С 1835 года и до конца жизни он занимался строительно-архитектурной работой в пределах Тамбовской епархии. Труды С.А. Березнеговского на строительной ниве не остались без внимания начальства, и в 1840 году его произвели в сан протоиерея. В 1847 году его назначают временно-присутствующим членом Тамбовской духовной консистории и вторично экономом Тамбовской духовной семинарии. В 1851 году его награждают наперстным крестом, а в 1861 году ему был пожалован орден святой Анны третьей степени. В 1867 году С.А. Березнеговский вышел за «штат», полностью переключившись на научные изыскания³.

В его жизни немалое место занимали и исторические исследования, выражаясь современным языком, краеведение было его хобби. Стефан

---

¹Аносов И. Призренский протоиерей Стефан Березнеговский //ИТУАК. Тамбов, 1913. Вып. 55. С. 3.

² Аносов И. Указ. соч. С. 5.

³ Там же. С. 12.

Абрамович обнаружил подлинный текст одного из вариантов «Тамбовского летописца», который не сохранился до нашего времени. Впервые документ был полностью опубликован в 1881 году в газете «Тамбовские губернские ведомости» священником Д. Вяжлинским¹.

«Тамбовский летописец» представлял собой сравнительно небольшое по объему произведение с погодным описанием событий. Он охватывает события с 1636 по 1708 год, то есть 72 года. Начало рукописи относится ко времени основания города Тамбова. Учитывая плохую сохранность в архивах России источников о начальном этапе строительства и существования Тамбова, данный документ содержит немало ценных фактов. Например, автор приводит точные даты основания города 17 апреля 7144 (1636) года и времени завершения работ по его строительству (1 октября того же года), дает описание построек в крепости и слободах, называет численность первоначального населения городских слобод, повествует о набегах татар на Тамбовский уезд, о строительстве «засечной черты», об открытии Тамбовской епархии и т.п. Таким образом, «Тамбовский летописец» содержит разнообразную информацию по истории Тамбовского края XVII – начала XVIII века. По мнению тамбовского историка Ю.А. Мизиса, его автором был кто-то из местных священнослужителей, возможно, монах одного из тамбовских монастырей, имеющий доступ в архивы местных государственных учреждений. Это косвенно подтверждают приводимые им данные о церковной жизни края. Автор отбирал события и факты для записи не по мере их важности, а в зависимости от наличия источников. Например, упоминая о татарских набегах 1644 года, он ничего не говорит о не менее многочисленных приходах татар в 1642 и 1643 годах².

Близки по стилю и содержанию к «Тамбовскому летописцу» летописи Козловского Троицкого мужского монастыря, составленные его монахами.

---

¹ Тамбовские губернские ведомости. 1881. № 9.

² Аленова В.А., Мизис Ю.А. Указ. соч. С. 9 – 10.

Известны три рукописи подобного содержания, ранее находившиеся в библиотеке монастыря. Первая из них «История Троицкого Козловского монастыря», состоит из монастырского синодика, написанного в 1727 году архимандритом монастыря Пахомием, с перечнем лиц похороненных в монастырской ограде. Вторая часть рукописи имеет подзаголовок «Известия о начале Козловского Троицкого монастыря». В ней рассказывается об основании в 1627 году в трех верстах от Козлова монастыря. Далее в рукописи повествуется об основных монастырских событиях, связанных со сменой игуменов и хозяйственной деятельностью братии. Третья рукопись – «История Троицкой обители за 1672 – 1798 годы» описывает строительство монастырских храмов и оформление их интерьера. Рукопись была составлена при игумене Варлааме, когда в 1797 году проводились большие работы по росписи и смене внутреннего убранства Троицкого собора¹.

Подобные летописи были и в Саратовской губернии. Они писались дьячком Герасимом Скопиным и его сыном священником Н.Г. Скопиным. На протяжении шести десятилетий – вторая половина XVIII – первые десятилетия XIX века они вели систематические дневники происшествий, отразив события как общегосударственной, так и местной истории².

К сожалению, подобных летописей в Пензенской губернии не сохранилось.

Сведения об истории отдельных регионов содержались и в других рукописных материалах XVIII века. Их появление отражало стремление к сохранению исторической памяти о прошлом местных населенных пунктов. Одним из таких источников стали «Экономические примечания к генеральному межеванию», которые готовились по всей России на рубеже XVIII – XIX веков местными органами управления. Такие примечания были составлены по всем городам и уездам Тамбовской, Саратовской и

---

¹ ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 127, 245.

² Захарова Т.А. Саратовская губернская ученая архивная комиссия в 1886 – 1920 годах. Дис. ...канд. истор. наук. Пенза, 2003. С. 25.

Пензенской губерний¹. В них содержались, наряду с экономическими описаниями городов и статистикой, справки по их истории. Эти факты подбирались на основе имевшихся в местных архивах документов или сохранившихся преданий.

В конце XVIII века появляются описания наместничеств и губерний исследователь А.А. Севастьянова фиксирует около 100 подобных сочинений².

Отметим в этой связи «Описание Саратовского наместничства», составленное первым саратовским губернатором И.И. Поливановым³. В 1818 году по поручению пензенского губернатора М.М. Сперанского А.Г. Раевским было составлено «Географическое, статистическое и топографическое описание Пензенской губернии»⁴. По сути этот труд являлся отчетом состоящем из 33 параграфов на 146 страницах, но в нем имелась историческая справка.

Переход к серьезным занятиям краеведением произошел к середине XIX века. Этому способствовал ряд обстоятельств культурной жизни провинции. Отечественная война 1812 года пробудила в русском обществе национальное самосознание, давшее мощный толчок развитию исторических исследований. В это время появляются различные исторические общества и объединения. К ним можно отнести «Общество истории древностей российских» при Московском университете (1804), «Общество истории и древностей» в Одессе (1839), деятельность Археографических экспедиций П.М. Строева, приведших к созданию Археографической комиссии в 1834 году. В России стали выходить научно-литературные журналы типа «Вестник Европы», «Москвитянин», «Московский телеграф» и другие. Они предоставляли свои

---

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Экономические примечания к генеральному межеванию.

² Севастьянова А.А. Историография русской провинции второй половины XVIII века (к постановке проблемы) //История СССР. 1991. № 1. С. 136.

³ Собрание сочинений, выбранных из «Месяцесловов» на разные годы. СПб., 1790. Ч. VI.

⁴ Тюстин А.В. «В любви к Отечеству потомков назидая...». История пензенского краеведения //Краеведение. Пенза, 1997. № 1. С. 8.

страницы для исторических очерков, в том числе, и по региональной тематике. Интерес к местной истории стал отчетливо проявляться в деятельности провинциальной интеллигенции, численность которой в связи с появлением широкой сети учебных заведений резко возросла. Новые учебные заведения способствовали появлению в городе образованных преподавателей и священнослужителей с широким кругозором и разнообразными интересами. Некоторые из них имели университетское или высшее богословское образование. Именно эта группа провинциальной интеллигенции стала питательной средой для появления первых краеведов. А местные периодические издания, такие, как Пензенские, Саратовские и Тамбовские «Губернские» и «Епархиальные ведомости», создали краеведам благоприятные условия для реализации творческих сил. Газеты, в отличие от специальной литературы, предназначались для широкого круга читателей, будили их мысль и интерес к прошлому края, втягивали не одно поколение любителей старины в исследовательскую работу.

Наиболее яркой фигурой в плеяде первых тамбовских краеведов-любителей был, вне всякого сомнения, С.А. Березнеговский. Став членом Тамбовского губернского статистического комитета он начал интересоваться историей края. Его первые публикации относились к 1850-м годам и носили во многом компилятивный и эклектичный характер. Он использовал труды Н.М. Карамзина и Н.А. Полевого, исторический словарь М.А. Максимовича и А.М. Щекатова, делая из них выписки событий и фактов, связанных с историей Тамбовского края. В статьях «Некоторые исторические и статистические замечания о Тамбовской губернии» и «Замечания на некоторые места исторического описания Тамбовской губернии» автор привел множество фактов из российской истории, в той или иной мере связанных с Тамбовским краем¹.

---

¹ Березнеговский С.А. Некоторые исторические и статистические замечания о Тамбовской губернии; Замечания на некоторые места исторического описания Тамбовской губернии //ИТУАК. Тамбов, 1913. Вып. 55.

С.А. Березнеговский был одним из первых исследователей истории Тамбовской епархии. В 1861 году в «Тамбовских епархиальных ведомостях» он опубликовал статью «История Тамбовской епархии».

Основные направления саратовского исторического краеведения были заложены А.Ф. Леопольдовым (1800 – 1875). Он родился в с. Ртищево, Сердобского уезда Саратовской губернии в семье дьячка Филиппа Гречушкина. Фамилия Леопольдов дана ему была ректором при зачислении в Пензенское духовное училище. Закончив которое А.Ф. Леопольдов поступил в Пензенскую духовную семинарию, однако её он не окончил и поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию, затем некоторое время был слушателем Петербургской духовной академии. В 1820 году он поступил в Московский университет, где обратил на себя внимание как «способный и благомыслящий» человек. Его перу принадлежит целый ряд оставшихся в рукописи религиозно-философских сочинений: «Об отношениях религии к разуму и разума к религии», «Спасутся ли язычники?», рассуждения «О невозможности постепенного образования в целом роде человеческом», «Мысли на рассуждение о духе древних стихотворцев, ораторов и историков», «О разделении церквей восточной и западной»¹.

В 1831 году А.Ф. Леопольдов переезжает в Саратов, где начал службу в штате саратовской городской полиции, затем служил столоначальником камерных дел в отделении питейных сборов. С 1841 – 1847 годы он был секретарем Саратовского губернского статистического комитета и одновременно редактировал «Саратовские губернские ведомости»; в 1847 – 1850 годах управлял Дубовской конно-железной дорогой. Затем на протяжении семи лет (с 1851 года) состоял чиновником особых поручений при самарском губернаторе, советником Самарского губернского правления и, одновременно состоял редактором «Самарских губернских ведомостей». С

---

¹ Захаров В.М., Миронов В.Г. Первый краевед //У истоков саратовского исторического краеведения: Учебное пособие. Балашов, 1991. С. 7.

1858 по 1861 год Леопольдов был советником Тамбовского губернского правления, а в 1861 – 1863 годах – старшим советником губернского правления в Саратове. В 1863 году по причине столкновения с губернатором Муравьевым он получил отставку с чином статского советника. Умер в 1875 году в Саратове¹.

Свои исторические исследования он начал в 1826 году статьей «Краткое статистическое обозрение Саратовской губернии»² и очень быстро превратился в активного сотрудника местной и центральной печати. В 1833 году публикуется «Статистическая записка о народах, населяющих Саратовскую губернию», а в 1835 году – «Взгляд на Заволжский край Саратовской губернии»³. По инициативе саратовского губернатора А.П. Степанова, А.Ф. Леопольдов составляет двухтомное «Статистическое описание Саратовской губернии», используя при этом необходимые материалы местных губернских учреждений и их архивы⁴. Он провел обширные исследования по самым различным аспектам экономического развития Саратовского края. В этой связи он изучал состояние в регионе шелководства⁵, пчеловодства⁶, птицеводства⁷, садоводства⁸, торговли⁹ и

---

¹ Соколов С.Д. Саратовцы писатели и ученые //Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1915. Вып. 32. С. 266.

²Леопольдов А.Ф. Краткое статистическое обозрение Саратовской губернии //Вестник Европы. 1826. Ч. 148. № 14.

³ Он же. Взгляд на Заволжский край Саратовской губернии //Московский телеграф. 1833. Ч. 52; Северная пчела. 1835. №№ 289 – 291.

⁴ Он же. Статистическое описание Саратовской губернии: В 2-х ч. СПб., 1839.

⁵ Он же. Шелковый сад при Ахтубе и добывание шелка //Журнал Министерства внутренних дел 1837. Ч. 25. № 8; Он же. О шелководстве на Ахтубе //Саратовские губернские ведомости (СГВ). 1859. №№ 8 – 9; Он же. Шелководство в Саратовском крае //Саратовский справочный листок (ССЛ). 1873. №№ 103, 104.

⁶ Он же. Состояние пчеловодства в 1842 году в Саратовской губернии //СГВ. 1843. №1.

⁷ Он же. Птицеводство //СГВ. – 1843. № 22.

⁸ Он же. Садоводство в Саратовской губернии //СГВ. – 1843. № 43; Он же. Садоводство в Саратовской губернии и особенно в городе Саратове //ССЛ. 1869. №№ 229, 230, 231.

⁹ Он же. Торговля в Саратовской губернии //Журнал Министерства государственных имуществ. 1842. № 3; Он же. Некоторые замечания на статью «О хлебной торговле в России» //СГВ. 1843. № 2.

транспорта¹. Эти исследования А.Ф. Леопольдова по большей части носят описательный характер. В основе их лежат консервативные убеждения автора, стремившегося на саратовском материале проиллюстрировать успехи внутренней политики Николая I.

А.Ф. Леопольдов занимался и историей Саратовского края в этой связи им написаны статьи: «Исторический очерк Саратовского края», «Ахтубинские развалины», «Древности Саратовской губернии», «Древнее население Саратовского края», «Местоположение Саратова», «О нашествии Пугачева в Саратовский край»² и другие. А.Ф. Леопольдов одним из первых обратил внимание на изучение народов Саратовского края. Им написан ряд историко-этнографических работ: «Статистическая записка о народах населяющих Саратовскую губернию», «Татары», «Народные Поверья», «Старинные наряды в Саратовской губернии», «Моленья и поминки у мордовов Саратовской губернии», «Некоторые обыкновения простого народа в Саратове», «Отношение русских к киргизам», «Замечательный народный факт (о мордве)»³ и другие.

А.Ф. Леопольдов не был оригинальным историком-мыслителем, для его работ характерен чисто описательный подход к рассматриваемым событиям.

---

¹ Он же. Нечто о Саратовской пристани //СГВ. 1842. №1; Он же. О Тамбово-Саратовской железной дороге //СГВ. 1869. № 122; Он же. Пассажирский вокзал железной дороги //СГВ. 1870. № 123.

² Леопольдов А. Ф. Исторический очерк Саратовского края. Сочинение Андрея Леопольдова. М., 1848; Он же. Древнее население Саратовского края //ССЛ. 1873. №№ 103, 104; Он же. Ахтубинские развалины //Журнал МВД. 1837. № 4; Он же. Древности Саратовской губернии //Известия Императорского русского Археологического общества. 1861. Т. II; Он же. Местоположение Саратова //СГВ. 1843. № 35; Он же. О нашествии Пугачева на Саратовский край //СГВ. 1843. № 30.

³ Он же. Статистическая записка о народах населяющих Саратовскую губернию //Московский телеграф. 1833. Ч. 52; Он же. Татары. //СГВ. 1842. № 35; Он же. Народные поверья //СГВ. 1844. № 12 – 14, 18; Он же. Старинные наряды в Саратовской губернии //СГВ. 1844. № 50; Он же. Моленья и поминки у мордовов Саратовской губернии //Журнал Министерства внутренних дел 1844. № 25, Московские ведомости. 1844. № 88; Он же. Некоторые обыкновения простого народа в Саратове //СГВ. 1850. № 21; Он же. Отношение русских к киргизам //СГВ. 1850. № 43; Он же. Замечательный народный факт (о мордве) //СГВ. 1851. № 9, Самарские губернские ведомости. 1854. № 22.

Вместе с тем Леопольдов первым сделал своеобразную попытку проследить ход исторических событий в крае с древнейших времен до конца XVIII века.

К подобным краеведам в Пензенской губернии относился Н.В. Прозин. В 1864 – 1865 гг. в «Пензенских губернских ведомостях» выходят его первые работы «Город Краснослободск и Краснослободский уезд» и «Город Пенза»¹, где автор дал их природно-географическое и социально-экономическое описание. Краевед также коснулся и истории этих мест, записав рассказы старожилов. Он первым обнародовал предание о походе Ивана Грозного на Казань связанных с Пензенским краем.

Заметив литературные способности Николая Васильевича губернские власти предложили ему переехать в Пензу. С 1865 по 1867 годы он был секретарем губернского статистического комитета, а также редактором неофициальной части «Пензенских губернских ведомостей». При нем в газете стали публиковаться документальные источники по местной истории. В круг его научных интересов также входили быт и культура мордвы и татар Пензенской губернии, что подтверждается его этнографическими этюдами: «Простонародные песни Краснослободского уезда», «Картины мордовского быта», «Татары и татарские деревни»². Н.В. Прозин затрагивал развитие промышленности³, медицины⁴ и театральную жизнь Пензы и губернии⁵. Не осталось без внимания краеведа и пребывание в Пензе М.М. Сперанского⁶. В

---

¹ Прозин Н.В. Город Краснослободск и Краснослободский уезд; Он же. Город Пенза //Приложение к Памятным книжкам Пензенской губернии за 1865, 1866 и 1867 годы. Пенза, 1868.

² Прозин Н.В. Простонародные песни Краснослободского уезда //Пензенские губернские ведомости (ПГВ). 1865. № 38; Он же. Картины мордовского быта //ПГВ. 1865. № 39, 40; 1866. № 23, 24; 1896. № 244 – 247, 249, 252; Он же. Татары и татарские деревни //ПГВ. 1866. № 30 – 32.

³ Он же. Наш мелкий промышленник //ПГВ. 1896. № 178.

⁴ Он же. Заметка из народной медицины. О лечении рожи в Керенском уезде //ПГВ. 1894. № 48; Он же. Выдержки из записок земского врача //ПГВ. 1895. № 22, 23, 31, 36, 41, 45, 51.

⁵ Он же. Наш народный театр //ПГВ. 1897. № 153; Он же. Театральная клака //ПГВ. 1897. № 265.

⁶ Он же. Сперанский в бытность свою пензенским губернатором //ПГВ. 1892. № 269, 270.

1867 году им была предпринята не совсем удачная попытка создания «Очерков истории Пензенской губернии», где рассказывалось о реках и климате, землях и урожаях, промышленности сельском хозяйстве, промыслах и ремеслах губернии и совсем мало информации содержалось по истории края. В целом его работы, равно как С.А. Березнеговского и А.Ф. Леопольдова, носили чисто описательный характер и не выдвигали какой-либо новой исторической концепции.

Работы вышеуказанных авторов не являлись в прямом смысле этого слова историческими произведениями и носили скорее прикладной характер. Тем не менее, их наличие свидетельствовало о нарастающем интересе к региональной истории и отражало процесс накопления исторической информации. Подобные работы закладывали основу будущих историко-краеведческих описаний.

I.3. Губернские статистические комитеты в системе российских научных обществ.

Вторая четверть XIX века в истории России являлась неким инкубационным периодом для проведения реформ, правительство проводило «починку некоторых учреждений, которые её настоятельно требовали»¹ и настоятельно нуждалось в объективной информации о состоянии отдельных регионов. Поэтому и был осуществлен переход от эпизодического сбора региональных сведений к систематической и целенаправленной деятельности в этом направлении. Важным инструментом в проведении данной работы были губернские статистические комитеты. Их функционирование опиралось на значительную правовую базу.

Фактическим началом реальной организации административной статистики в России является 1834 год, когда в Министерстве внутренних

---

¹ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 160.

дел было образовано статистическое отделение, занимавшееся разработкой сведений, получаемых из департаментов и от губернаторов. ГСК получили юридический статус 20 декабря 1834 года на основании «Положения о создании губернских и областных статистических комитетов», принятых ещё 3 декабря, они вошли в качестве составной части в «Высочайше утверждённые правила для статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел и статистических комитетов губерний»¹. В этом документе, прежде всего, определялись основные функции ГСК: «Губернский статистический комитет по собранию сведений, занимается проверкой оных и приведением в единообразный порядок, или внося их в табели по данным от статистического отделения Совета МВД формах, или составляя на основании оных подробные и точные описания состояния губернии вообще, или же отдельно некоторых в оной части управления, хозяйства, промышленности, торговли»². Причём, согласно параграфа 41 «Правил» губернские статистические комитеты должны были собираться не реже двух раз в месяц.

Организация сбора административных и экономических данных возлагалась на «непременных» членов вновь созданных учреждений. К ним относились: губернатор (председатель), вице-губернатор, управляющие отделениями государственного банка, дворянского и крестьянского земельного банка, управляющие государственным имуществом, директор народных училищ, почётный попечитель гимназии, прокурор, инспектор врачебной управы, управляющий удельной конторой, член духовной консистории по избранию епархиального архиерея, уездные предводители дворянства, управляющие казённой палатой. Предполагалось, что такой

---

¹ ПСЗ. Собрание первое. СПБ., 1835. Т. IX. № 7684; Журнал Министерства внутренних дел (ЖМВД). СПб., 1835. Вып. 3. С. 37 – 39.

² ПСЗ. Собрание первое. СПБ., 1835. Т. IX. № 7684.

состав позволит собрать интересующие Министерство внутренних дел материалы без привлечения новых должностных лиц¹.

ГСК имели также своих членов-корреспондентов из жителей губернии, которые могли обеспечить поступление информации из уездов. Так, пензенский губернатор А.А. Панчулидзе писал директору Пензенских училищ: «При открытии Пензенского статистического комитета сделано положение, чтобы членами-корреспондентами назначать штатных смотрителей училищ, которые должны были утверждены Министром внутренних дел»².

Однако, открывшись практически во всех губерниях Российской империи, статкомитеты бездействовали. Причиной этому послужили загруженность её членов своими непосредственными обязанностями, отсутствие указаний о методах отбора и обработки сведений (разъяснения были даны лишь через 18 лет), не решенный вопрос о финансировании комитетов и отсутствие в провинциальной чиновничьей среде сколько-нибудь существенной прослойки образованных и подготовленных кадров для этой работы. Полное отсутствие средств ставило комитет в зависимость от отношения губернской администрации, в первую очередь, от отношения губернатора, хотя МВД и выпустило несколько постановлений, направленных на совершенствование структуры комитетов и их деятельности. В 1837 году вышел «Общий наказ гражданским губернаторам» согласно которому губернаторы обязаны были предоставлять ежегодно в центр статистико-экономические данные по своей губернии³. Циркуляр Статистического комитета от 30 декабря 1853 года за № 190 указывал, что на содержание комитетов отпускается ежегодно одна тысяча рублей из средств губернских типографий. Введена оплачиваемая

---

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 1. Д. 104.

² ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 77. Л. 3.

³ Янсон Ю.Э. Указ соч. С. 152.

должность секретаря, обрабатывающего поступающие материалы и ведущего документацию¹. В результате осуществления этих распоряжений в течение двух десятилетий были организованы ГСК в 33 губерниях². Но случались и парадоксы. Так, об открытии Витебского комитета в 1835 году забыли и его открыли повторно в 1853 году. Оценивая работу ГСК более чем за двадцатилетний период можно сказать, что в большинстве губерний заседания статкомитетов проводились эпизодически, когда следовали указания из центра. Стало очевидно, что работать так дальше невозможно.

В 1860 году МВД выпустило новое «Положение о губернских и областных статистических комитетах», которое в 1863 году было утверждено Александром II, в нем уже более конкретно указаны направления деятельности ГСК. Комитеты имели двойное подчинение, с одной стороны ими руководили губернаторы, с другой – Центральный статистический комитет (ЦСК), который находился в ранге департамента МВД и действовал на основании «Положения об устройстве статистической части при Министерстве внутренних дел» от 30 апреля 1863 года. По сути, он стал основным исполнительным органом, на который возлагались сбор, обработка и издание статистических данных, предоставленных местными статкомитетами. Основное периодическое издание ЦСК – «Статистический временник Российской империи» – рассыпалось во все ГСК, т.к. по замыслу его создателей оно должно было стать настольной справочной книгой не только для чиновников, но и для всех образованных людей России. На наш взгляд, ведущую роль в деятельности комитетов все же играли губернаторы. Они в силу своих служебных обязанностей были призваны проводить в жизнь государственную программу развития провинции и должны были принимать конструктивные меры, направленные на распространение просвещения и культуры в том регионе, куда они назначались на службу.

---

¹ Комарова И.И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов... С. 85 – 86.

² Настоящее устройство местных административно-статистических учреждений в России // ЖМВД. СПб., 1861. Ч. 60. Кн. 2 . Отд. 2.

Одни губернаторы в силу своих воззрений и понимания своего места и роли в государственной системе власти и структуре местного управления ограничивались лишь четким исполнением распоряжений, поступавших сверху. Другие стремились значительно расширить рамки и границы своей созидательной активности. Прогрессивный губернатор, чаще всего новатор и инициатор по своей натуре, стремился сделать всегда значительно больше как в плане активизации социальной жизни провинциального общества, так и в плане созидания культурных ценностей. В качестве примера приведем Пензенскую губернию. При губернаторе А.А. Панчулидзе статкомитет как историко-краеведческое учреждение существовал лишь на бумаге. Пензенский краевед А.Ф. Селиванов писал: «В этом году благодаря содействию пензенского губернатора А.Н. Волкова, я мог кое-что сделать. Единственное учреждение, которое могло взять на себя изучение памятников старины в Пензенской губернии – губернский статистический комитет – не существовал в течение 18 лет, члены его не собирались, а обязанности секретаря исполнял один из помощников правителя канцелярии. Изучения губернии в историческом и этнографическом отношениях не было. И лишь с 1887 году с новым губернатором А.Н. Волковым, деятельность которого известна как председателя Вятского статистического комитета его работа возобновилась»¹.

По новому «Положению» увеличивается число «непременных» членов комитета, сюда ещё стали входить: губернский или областной предводитель дворянства, инспектор удельной управы, во всех губернских и областных городах – городской голова и представитель от ведомства путей сообщения, в университетских городах – профессор статистики университета, в губерниях, где находилось большое число жителей иноверческих

---

¹ ГАПО.Ф. 9. Оп. 1. Д. 605. Л. 43.

исповеданий – члены от духовенства тех исповеданий, а в губерниях, входящих в состав горных округов – представитель от горного ведомства»¹.

В отличие от «Правил» 1834 года по этому «Положению» стали избираться действительные и почётные члены (ст. 8 – 10). Они заменили членов-корреспондентов. Как правило, действительными членами были специалисты, известные своими работами, посвящёнными губернии. Они проводили самостоятельные исследования, пользуясь отчасти материалами комитетов. В действительные члены «... должны были приглашены и избраны только лица, которые, по любви к науке, по участию в общественных интересах и по-своему образованию, могут своими трудами принести действительную пользу статистике, в деле разностороннего изучения губерний; особенно важно, в этом отношении, участие духовенства, члены которого сообщают много точных и тщательно собранных статистических данных Императорскому Русскому географическому и другим учёным обществам»².

Выборы в действительные члены комитета проходили на его заседаниях. Для этого было необходимо личное желание кандидата и рекомендация членов статкомитета. Таким путем в 1873 году на общем годичном собрании Тамбовского губернского статистического комитета в состав его действительных членов избрали ректора духовной семинарии, протоиерея Д.И. Самбикина, инспектора гимназии В.А. Никитина и учителя истории и географии Екатерининского и Александринского институтов И.И. Дубасова. Каждый новый член комитета получал специальный диплом установленной формы.

Звание почётных членов «... равным образом, должно быть предоставлено с особенной разборчивостью только лицам, которые приобретали почётную

---

¹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 310. Лл. 77 – 79.

² РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 310. Лл. 91 – 91 об.

известность своими учёными трудами, или изъявляющим готовность сделать значительное пожертвование для помощи статистическим работам по губернии»¹. Так, почетным членом Тамбовского губернского статкомитета был избран церемонимейстер императорского двора, известный тамбовский меценат Э.Д. Нарышкин, внесший в кассу комитета 100 рублей серебром, а в 1873 году это звание получил Николай Максимельянович, герцог Лейхтенбергский, почетными членами были также известные тамбовские помещики Л.А. Воейков и Н.Ф. Токмаков. Почетными членами Пензенского губернского статкомитета были известные российские ученые филолог Ф.И. Буслаев и историк В.О. Ключевский.

В соответствии с «Положением» поднимался статус секретаря комитета, приравнивавшегося к государственным служащим, соответственно секретарь обязан был иметь университетское образование. «Вся проверка, приведение в систематический порядок и окончательная разработка первоначальных материалов, для составления требуемых положением ведомостей и таблиц; равно как и содержание в порядке всех учёно-административных материалов комитета, входят в прямую обязанность секретаря»². Личность секретаря играла огромную роль в работе комитета. Как уже отмечалось выше, с 1865 по 1867 годы секретарем Пензенского губернского статкомитета был Н.В. Прозин. По свидетельству одного из пензенских краеведов второй половины XIX столетия Г.П. Петерсона: «... после ухода Н.В. Прозина на целых 15 лет наш статистический комитет как бы замер в бездействии»³.

Таким образом, структура ГСК стала в большей степени напоминать структуру научного общества. Так, например, обширные научные связи поддерживал Пензенский губернский статистический комитет, помимо

---

¹ Там же. Л. 92.

² РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 310. Л. 106.

³ Петерсон Г.П. К истории учреждения в г. Пензе ученой архивной комиссии //Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Пенза, 1903. Вып. 1. С. 33.

Центрального и ряда губернских статистических комитетов, он проводил активную работу с Академией наук, Политехническим музеем, Русским географическим обществом, Московским археологическим обществом, Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Казанским университетом, Казанским военным окружным штабом, а также другими научными учреждениями и обществами страны. Вся деятельность статкомитетов была разделена на «обязательные» и «необязательные занятия». «Обязательные занятия имеют целью доставления необходимых правительству по части административной статистики данных, а именно: а) почему-либо замечательных в губернии или области местностей в отношении топографическом, историческом, промышленном, торговом, сельскохозяйственном и прочем и об издании трудов своих в свет. Издание этих трудов может быть производимо: печатанием соответствующих статей и описаний в статистических таблиц, установленных Центральным статистическим комитетом; б) статистических ведомостей, прилагаемых к отчётом начальников губерний и областей о состоянии вверенных им губерний; в) статистических ведомостей»¹. Обязательные сведения могли расширяться или изменяться только по предложениям или рекомендациям Центрального статистического комитета при Министерстве внутренних дел. Под «необязательными занятиями», которые также с этого времени были вменены комитетам в обязанность, имелось в виду «... заботиться о составлении подробных описаний губерний и областей, равно как и частей оных, также городов и особенно губернских ведомостях, составлением и печатанием «Памятных книжек» о губерниях и областях и об отдельных городах и, наконец, печатанием отдельных монографий или описаний губерний и областей или частей оных»². Однако издание «Памятных книжек» впоследствии становится обязательным занятием ГСК. К необязательным работам статкомитетов стало относиться выполнение разовых работ по

¹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 310. Л. 123.

² ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 127. Лл. 2 – 2 об.

просьбе какого-либо учреждения или общества. Так, например, в 1896 году по просьбе управляющего Пензенским отделением государственного дворянского земельного банка Пензенским ГСК были собраны сведения о количестве земельных угодий: надельных и арендованных, а по запросу санитарного отделения губернской земской управы были собраны сведения о количестве детей в возрасте от 8 до 14 лет. Кроме того, в 1902 году комитетом были собраны уникальные сведения о нерусском населении Пензенской губернии, с указанием в каких селениях они проживают. При этом описывалась их народная одежда, давались сведения о курганах, могильниках, валах и других памятниках старины.

Таким образом, статкомитеты были не только наделены правами ведения самой широкой исследовательской работы в рамках своей губернии (тематика могла быть самая многообразная), но становились значительными издательскими центрами преимущественно работ своих членов. Действуя на основании «Положения» ГСК реально могли превратиться, и нередко превращались, в местные ученые общества с некоторыми административными правами и обязанностями. В этой роли статкомитеты рассматривались на Первом археологическом съезде в 1869 году в Москве. В частности, там поднимался вопрос об участии ГСК в археологических исследованиях. На съезде говорилось «... статистические комитеты, как единственные ученые учреждения, существующие в каждом губернском городе..., которым более или менее известны местные памятники старины, должны быть деятельными пособниками специальных археологических учреждений»¹. Его участники высказались за привлечение губернских статистических комитетов к составлению региональных археологических карт². Предлагалось создать при них специальные историко-археологические комиссии, музеи, библиотеки. Саратовский ГСК был одним из первых, откликнувшихся на рекомендации этого съезда. При нем существовал

---

¹ Труды Первого археологического съезда в Москве. М., 1871. Т. 1. С. 509.

² Там же. С. 511.

археологический музей, состоявший «... из 20 названий и в 90 экземплярах, из вещей более выдающихся: череп лося, кольчуги, зуб мамонта, верхний щит, черепки, старинный меч и старинные монеты»¹.

В 1880 году Саратовским губстаткомитетом была разработана специальная программа по исследованию отдельных районов губернии, для осуществления которой были привлечены учащиеся Мариинского земледельческого училища, собиравшие историко-этнографические данные о своих родных селах².

Как мы видим, при благоприятных условиях ГСК становились центрами, около которых группировалась местная интеллигенция в силу того, что комитеты давали самые широкие права личной исследовательской инициативе. Это обстоятельство способствовало тому, что в 1860-е годы в члены Пензенского ГСК были избраны известные пензенские краеведы В.Х. Хохряков и Н.В. Прозин. Несколько иная картина складывалась в Тамбовском статкомитете. В 1861 году из краеведов в действительные члены выбирают лишь П.И. Пискарева, а в 1873 году церковного краеведа протоиерея Д.И. Самбикина и известного тамбовского краеведа И.И. Дубасова³, которые в рамках комитета смогли подготовить почву для создания в 1884 году Тамбовской губернской архивной комиссии (ТГУАК).

Подводя итог, необходимо отметить – формирование правовой и организационной базы губернских статкомитетов прошло долгий и трудный путь, на котором были и промахи и удачи. Однако правительству удалось наладить деятельность этих учреждений, более того, до 1880-х годов ГСК были единственными учреждениями в России вокруг которых формировалась провинциальная интеллигенция.

---

¹ Отчет о деятельности и занятиях Саратовского губстакомитета в 1882 году. Саратов, 1883. С. 5.

² См., например: Поляков П. Село Боцманово //СГВ. 1881. № 1.

³ Аленова В.А., Мизис Ю.А. Указ. соч. С. 47 – 48.

I.4. Краеведческие учреждения русской православной церкви.

Мысль привлечь духовенство к сбору сведений о памятниках древности с целью их изучения и охраны высказывались ещё в начале XIX века: «Приведение в известность памятников всего ближе и удобнее произвестъ чрезъ почтеннейшее духовенство. Каждый изъ священников совершенно ознакомлен со своимъ приходомъ: онъ известенъ всемъ обывателямъ, знаетъ всехъ владельцевъ и всехъ жительствующихъ; почетенъ и пользуется должнымъ уважениемъ и достоверностью; ведаетъ все места, все уроцища земли. Первые на вопросы его скажутъ ему, ежели что имеютъ у себя въ семъ родѣ достойнаго любопытства, и не откажутся снабдить темъ; удовольствиемъ почтутъ поведать и указать, что есть другого, неизвестного отъ старожиловъ»¹. Первоначально была сделана попытка привлечь духовенство къ краеведческой деятельности черезъ губернские статистические комитеты. Однако изучение памятниковъ вообще и церковныхъ въ частности лежало на периферии деятельности ГСК, тогда какъ потребность въ такой работе сознавалась все больше и больше.

Бурное развитие краеведения въ 50 – 60 гг. XIX века не оставило въ стороне и церковь. Наряду со светскими историко-археологическими организациями, такими какъ Русское археологическое общество въ Петербурге (1846) и Московское археологическое общество (1864) была создана Комиссия по разбору и описанию архива Святейшего Синода (1865), которая возглавляла и координировала церковно-краеведческую деятельность и въ провинции. Въ 1860-е годы церковно-краеведческая деятельность оформляется организационно. Кроме того, на местахъ въ этотъ периодъ формировалась собственная полиграфическая база, въ это время въ большинстве епархий стали выходить «Епархиальные ведомости». Не были исключениемъ, въ данномъ случае, Пензенская, Саратовская и Тамбовская епархии. Церковные

---

¹ Приглашение смоленского губернатора (1820 г.) //Переписка митрополита Киевского Евгения съ государственнымъ канцлеромъ Н.И. Румянцевымъ. Воронеж, 1868. Вып. 1. С. 17.

краеведы получили возможность публиковать результаты своих исследований и делать их достоянием общественности.

Основой церковно-краеведческой деятельности служило законодательство в области охраны памятников церковной старины. Причем в середине XIX века осознается важность их сохранения и изучения не только в столицах, но и в провинции. В 1841 году вышел Устав духовных консисторий, в статье 50 которого говорилось о недопустимости перестройки и изменения внешнего вида древних церквей, исправления древних росписей икон без согласия Святейшего Синода и археологических учреждений. Этот документ соответствовал статье 207 «Строительного устава», включенного в «Свод законов Российской империи». Конец XIX века ознаменовался указом «О непременном и точном исполнении существующих по духовному ведомству постановлений относительно охранения в монастырях и церквях предметов древности». Указывая на недоступность нарушения Устава духовных консисторий Синод напоминал также о необходимости и возможности передавать принадлежащие монастырям и церквям предметы древности в существующие в самом духовном ведомстве древлехранилища (музеи)¹.

С этой целью создаются церковные археологические общества в обязанности которых вменялось «... собрание местных исторических памятников и развития в местном обществе и особенно в среде духовенства и духовных воспитанников археологического интереса и знаний»². Как правило, эти учреждения состояли из почетных и действительных членов и членов-сотрудников. После избрания на собрании общества они утверждались председателем, которым являлся епархиальный преосвященный. Лица, входящие в них не причислялись к государственным служащим и не получали доходов за эту деятельность, т.е. они являлись

¹ О непременном и точном исполнении существующих по духовному ведомству постановлений относительно охранения в монастырях и церквях предметов древности: Определение Святейшего Синода 20 октября – 16 ноября 1890 г. № 1694 // Церковные ведомости. 1891. № 1. С. 5 – 6.

² Церковно-археологические учреждения // Зодчий. 1904. Вып. 32. С. 365.

общественными организациями и от большинства научных обществ отличались лишь большей подчиненностью председателю.

Обобщенно под церковно-краеведческими мы понимаем организации, занимающиеся изучением локальной территории с точки зрения археологии, истории церкви, религиозной жизни народа. Их основные типы: 1) церковные древлехранилища; 2) церковно-археологические и церковно-исторические комитеты и комиссии; 3) комитеты для историко-статистического описания епархий; 4) комиссии для разбора консistorского архива. Причем наибольшее распространение получил второй тип учреждений.

К концу XIX столетия формы деятельности научных обществ были хорошо отработаны и состояли в проведении заседаний, сборе материалов, подготовке к изданию трудов, ответах на запросы правительственные учреждений и других научных обществ. С 1914 года начинается координация деятельности этих учреждений, создается Архивно-археологическая комиссия при Синоде. Она контролировала действия церковных комитетов, а также руководила созданием новых обществ.

Финансовое положение церковно-краеведческих учреждений не всегда было прочным. Их денежные средства складывались из членских взносов, пособий от епархиального духовенства, выручки от продажи изданий комитетов, пожертвований. Все эти источники были непостоянны и недостаточны. Основные ассигнования из епархиальных сумм колебались в зависимости от решения духовенства от 40 до 300 рублей в год. В качестве примера приведем Пензенский историко-археологический и статистический комитет. Так, в 1911 году: «Денежных средств у комитета имеется по книжке № 33047 сберегательной кассы при Пензенском губернском казначействе – 279 руб. 92 коп. и на руках у председателя – 30 руб., а всего – 309 руб. 92

коп., в каковую сумму вошли 100 рублей, пожертвованные на нужды комитета его Преосвященством епископом Митрофаном»¹.

Содержательная сторона деятельности этих учреждений включала четыре основных направления:

1. Собирательно-охранительное, выявление, описание и сохранение вещественных и письменных памятников из монастырей, духовных учебных заведений, епархиальных учреждений.
2. Изучение церковной жизни определенного региона: изучение местных религиозных обычаяев, преданий и обрядов.
3. Пропаганда историко-археологических знаний в среде духовенства.
4. Издательская деятельность.

Следует оговориться, что в XIX веке понималось под термином «церковная археология». Церковные краеведы вкладывали в него очень широкий смысл. Понимая под предметом археологии всю жизнь человека в его бытовом, социально-нравственном и религиозном отношении.

При всем разнообразии формулировок § 1 уставов, церковных историко-археологических комитетов и комиссий их цель определялась в изучении церковно-религиозной и общественной жизни местного края в ее прошлом и настоящем, обследовании, охране и сборе памятников древности. Эта цель определила задачи, которые также были сформулированы в уставах и соответствовали общим задачам краеведческой деятельности церкви: 1) историческое исследование местной церковно-религиозной и общественной жизни; 2) исследование и изучение вещественных памятников старины, а также местного фольклора, народных обычаяев, обрядов и традиций; 3) приведение в порядок и подготовка описей памятников древности и архивов церквей, монастырей, епархиальных и других учреждений; 4) наблюдение за сохранностью старинных храмов и других церковных принадлежностей,

---

¹ ГАПО. Ф. 269. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.

письменных документов и принятие мер против их порчи и истребления; 5) сбор и хранение в своем музее церковно-религиозных и других памятников старины; 6) пропаганда в обществе, по преимуществу среди духовенства, археологических сведений, пробуждение внимания и интереса к древностям, создание археологических выставок и чтение лекций.

В состав церковно-археологических учреждений, обычно, входили древлехранилище и библиотека. Как правило, церковно-краеведческие учреждения возникали на базе духовных семинарий.

31 декабря 1851 года Тамбовское епархиальноеправление приняло решение об учреждении Тамбовского церковно-исторического комитета при Тамбовской духовной семинарии. Однако уже с самого начала своей деятельности комитет столкнулся с нежеланием, а иногда и открытым саботажем местных благочинных и настоятелей тамбовских монастырей в организации сбора церковно-статистических данных. Отказы мотивировались отсутствием специалистов по истории и статистике, а настоятели монастырей почти повсеместно ссылались на старость и слабость здоровья¹.

Второй этап деятельности церковно-исторического комитета относится к периоду руководства Тамбовской епархией епископом Палладием. Его распоряжением от 27 сентября 1877 года в Тамбове вновь была восстановлена деятельность этого учреждения. В постановлении епископа говорилось: «Признавая и в настоящее время полезным и необходимым учреждение в Тамбове церковно-исторического комитета для разбора старинных документов, хранящихся в различных архивах духовного ведомства, и для составления на основании оных подробного историко-статистического описания Тамбовской епархии, предлагаю консистории открыть упомянутый комитет»². Председателем комитета распоряжением

---

¹ Сведения о бывшем в г. Тамбове церковно-историческом комитете //ТЕВ. 1878. № 12. С. 325.

² Там же. С. 325.

тамбовского епископа был назначен ректор семинарии архимандрит Д.И. Самбикин, а его помощниками – протоиереи П.В. Аквилонов и Г.В. Хитров.

Согласно устава члены комитета должны были не менее одного раза в месяц проводить собрания и заслушивать на них текущие дела, а также зачитывать церковно-исторические статьи для их последующей публикации в неофициальном отделе «Тамбовских епархиальных ведомостей».

Первоначально члены комитета активно взялись за дело. За отчетный период с 27 октября 1877 по 27 октября 1878 года состоялось 12 собраний его членов¹. Однако с отъездом в 1881 году архимандрита Дмитрия из Тамбова в Воронеж деятельность комитета свернулась, а вскоре фактически прекратилась.

Правопреемником Тамбовского церковно-исторического комитета стал Тамбовский церковно-археологический комитет, созданный 11 января 1912 года². Его возникновение было связано с циркулярным указом Святейшего Синода от 25 июня 1911 года о доставлении епархиальными церковно-археологическими учреждениями печатных трудов и отчетов в Комиссию Синодального архива.

Поскольку в Тамбовской губернии к этому времени не существовало общества церковно-исторической направленности, а деятельность прежнего безвозвратно канула в Лету, руководство Тамбовской епархии проявило инициативу по его созданию. Организационное собрание, состоявшееся в архиерейских покоях епископа Тамбовского и Шацкого Кирилла, постановило учредить Тамбовский церковно-археологический комитет. Председателем совета комитета был назначен ректор духовной семинарии, протоиерей И.А. Пономарев, секретарем – преподаватель семинарии И.И. Зелинский. Разработка устава комитета была также поручена преподавателям семинарии А.Е. Андреевскому и Н.Н. Миловскому. Устав комитета

---

¹ ТЕВ. 1879. № 11.

² Отчет о деятельности Тамбовского церковно-археологического комитета за 1912 год. Тамбов, 1913. С. 1.

рассматривался на его заседаниях, затем 6 февраля 1912 года был одобрен епископом Кириллом и отправлен в Святейший Синод. Последний утвердил устав нового общества 13 сентября 1912 года. Устав состоял из трех основных частей. В первой его части определялись цели и задачи, которые были в русле общей направленности работы подобных учреждений. В частности в уставе говорилось: «Комитет должен заботиться о распространении в обществе и по преимуществу среди духовенства историко-археологических сведений и возбуждать интерес к ним посредством устройства археологических выставок и публичных чтений местными деятелями и другими лицами...»¹.

Другой раздел устава определял структуру комитета. Он также не отличался оригинальностью от уставов комитетов других епархий. Предусматривалось избрание почетных и действительных членов, а также членов-сотрудников. Почетными членами избирались лица, оказавшие особые заслуги комитету, или известные своими трудами ученые. В действительные члены избирались лица обоего пола, вносящие в комитет взнос в размере трех рублей ежегодно. Членами-сотрудниками могли стать лица, вносящие ежегодный взнос в размере одного рубля или содействующие комитету своими трудами по изучению церковной старины. Попечителем и покровителем комитета становился епархиальный Преосвященный, а почетными членами – преосвященный викарий, губернатор и губернский предводитель дворянства.

Третий раздел устава посвящался управлению делами комитета. Текущими делами и финансами ведал совет из девяти членов, включая председателя, товарища председателя, трех членов, секретаря, казначея, библиотекаря и заведующего древлехранилищем. Они утверждались на годовом общем собрании членов комитета на трехлетний срок. Совет должен

---

¹ Устав Тамбовского церковно-археологического комитета. Тамбов, 1912. С. 1.

был собираясь не реже одного раза в месяц и оформлять свои заседания протоколами, утверждаемыми епископом.

В отличие от Тамбова в Пензе впервые подобное учреждение было создано лишь в 1902 году¹. Пензенский историко-археологический и статистический комитет имел такие же цели, задачи и структуру как и Тамбовский церковно-археологический комитет, поэтому на них мы не будем останавливаться. Заметим лишь, что в Пензе «первый блин не оказался комом» комитет начал работать стабильно. В «Журнале заседания совета комитета» от 7 декабря 1911 года, в частности, говорится: «Комитетом во исполнение § 1 его устава, предположено было дать подробное описание Пензенской епархии в отношениях церковно-историческом, археологическом и статистическом; для этой цели выработана была подробная программа описания, отпечатанная в Пензенских епархиальных ведомостях за 1902 год и в отдельных оттисках разосланная предполагаемым участникам намеченной работы; на призыв комитета отзывались многие лица: получено было до 100 (приблизительно) описаний, часть коих напечатана в Епархиальных ведомостях, а другая – большая – осталась в рукописях, хранящихся в правлении семинарии и у некоторых членов комитета, взявшими эти описания для изучения»².

Пензенский комитет имел собственное древлехранилище. Его фонды пополнялись, в основном, за счет пожертвований учреждений и частных лиц. Иногда фонды древлехранилища пополнялись путем обмена с другими историко-краеведческими учреждениями. Приведем такой пример: «Журналами Пензенской ученой архивной комиссии от 13 декабря 1911 года и Пензенского церковного историко-археологического и статистического комитета от 18 декабря того же года было установлено соглашение между означенными учреждениями меняться памятниками старины с целью сосредоточения в первом – памятников, имеющих гражданское значение, во

---

¹ ГАПО. Ф. 269. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

² Там же. Л. 10 об.

втором – церковное»¹. По данным на 1908 год в Тамбовской и Саратовской епархиях древлехранилища не были открыты². Но здесь следует оговориться. В 1881 году при Саратовском епархиальном духовном просветительском союзе была предпринята попытка открыть церковно-археологический музей, однако о его работе сведениями мы не располагаем³.

Научно-исследовательская деятельность церковно-краеведческих учреждений не исчерпывалась организацией музеев и библиотек. Много времени уделялось археологическим и этнографическим экспедициям для краеведческого изучения епархий. Так, в § 19 устава Пензенского историко-археологического и статистического комитета говорилось: «Совету комитета предоставляется право командировать действительных членов в удобное для них время, с разрешения епархиального Преосвященного, для проверки и проведения исследований на местах непосредственными личными изысканиями»⁴. И комитет пользовался этим правом: «Для приведения в известность и сохранения церковно-археологических памятников, находящихся в пределах епархии, ходатайствовать перед его Преосвященством о выдаче В.М. Терехину, Н.А. Оковичу и П.И. Коровину, как знатокам церковной старины, разрешение на осмотр церквей Пензенской епархии в археологическом отношении, с тем, чтобы означенные лица сообщали совету комитета о результатах этих осмотров, причем, если в осмотренных церквях окажутся предметы, ценные в археологическом отношении приобрести эти предметы в церковное древлехранилище...»⁵.

---

¹ ГАПО. Ф. 269. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

² Здравомыслов К.Я. Сведения о консисториях архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях, с проектом «Правил высочайше утвержденной архивно-археологической комиссии при Святейшем Синоде» и «Положения церковно-археологических комитетах». СПб., 1908. С. 16 – 21.

³ По поводу устройства при Саратовском епархиальном духовном просветительском союзе церковно-археологического музея //СЕВ. 1881. № 3.

⁴ ГАПО. Ф. 269. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

Там же. Л. 12 об.

Кроме экспедиций, важным источником изучения местной церковной истории являлись архивы духовного ведомства. Согласно указа Святейшего Синода от 19 января 1869 года в епархиях должны были создаваться комиссии для разбора консistorских архивов. Потребность в специальном указе возникла из-за частого обращения в Синод с просьбой о разрешении на уничтожение архивов духовного ведомства. Создаваемым комиссиям рекомендовалось отправлять отобранные материалы в ближайший от консистории монастырь или церковь, по возможности в самом епархиальном городе, но предварительно этим делам должен составляться каталог, по которому они передавались настоятелям монастырей¹. В результате деятельности комиссий создавались епархиальные архивы. По данным на 1908 год архивы имелись в Тамбовской и Саратовской епархиях в Пензенской же он отсутствовал².

Создание в России во второй половине XIX века церковно-исторических учреждений способствовало распространению таких уникальных краеведческих источников как церковноприходские летописи. Здесь многое определялось степенью активности местных церковно-краеведческих обществ, которая, судя по переписке синодального архива с этими учреждениями в 1912 году, была далеко неравномерной в разных епархиях. Поэтому Синод вынужден был в декабре 1915 года сделать специальное определение (опубликованное в «Церковных ведомостях» № 51) о необходимости регулярного ведения летописей по всем церквям. Однако ещё в 1890-е годы в «Тамбовских епархиальных ведомостях» существовала специальная рубрика «Церковно-приходская летопись». Широкое распространение церковного летописания именно в 1880-е – 1890-е годы, на наш взгляд, нужно связывать не только с активизацией деятельности

---

¹ О разборке архивных дел в духовных консисториях //Странник. Духовный учебно-литературный журнал. СПб., 1869. № 9.

² Здравомыслов К.Я. Указ. соч. С. 16 – 21.

церковно-исторических учреждений, общественных объединений и изданий, но и с повсеместным развитием краеведения.

Подводя итог, отметим – церковно-краеведческие учреждения начинают создаваться в России в середине XIX столетия, но попытки административными мерами подтолкнуть духовенство к развернутой краеведческой работе были заранее обречены на провал. Большинство священников в силу своего образовательного уровня, интеллектуального потенциала и интересов были не готовы к такой работе. Но все же некоторые из них заинтересовались перспективами церковно-краеведческой деятельности и стали активно подключаться к подобным описаниям.

Массовый характер этот процесс получил лишь на рубеже XIX – XX веков. Успех церковно-краеведческой деятельности во многом зависел от организации краеведческого дела в провинции. И пока между светской и церковной властью шла борьба за приоритетное право охраны церковных памятников, в епархиях, создавались церковно-археологические учреждения, которые эти памятники охраняли, изучали, описывали. Зачастую они появлялись под влиянием центра, как это было в Тамбове в 1912 году. Эти организации имели определенный юридический статус в форме уставов, которые были написаны с опорой на законодательные акты Святейшего Синода. Однако возникали они по инициативе отдельных лиц, поэтому личностный фактор здесь играл решающую роль. Благодаря деятельности этих учреждений появляются новые малоизвестные авторы из числа приходских священников, учащихся семинарий, и местной интеллигенции о которых пойдет речь во втором параграфе третьей главы монографии.

К сожалению, работа церковно-краеведческих учреждений была не длительной. В годы Первой мировой войны она сворачивается, т.к. духовенство больше внимания уделяло благотворительной деятельности: сбору средств для нужд действующей армии, поддержке семей фронтовиков, оказанию помощи раненым. Научные проблемы отошли на второй план. Так, например, в 1917 году деятельность Тамбовского церковно-археологического

комитета фактически была прекращена, а в 1918 году органы Советской власти официально его закрыли. О судьбе Пензенского историко-археологического и статистического комитета известно лишь то, что он работал до 1913 года. Документов более позднего периода в архивах не сохранилось. О Саратовском церковном комитете вообще не сохранилось сведений. Однако в целом их роль в изучении церковной истории и охране памятников старины нельзя недооценивать. Благодаря деятельности комитетов в Пензе в 1896 году увидело свет историко-статистическое описание А.Е. Попова «Церкви, причты и приходы Пензенской епархии. Пензенская губерния и епархия (Краткие исторические сведения)», в Тамбове – в 1861 году Г.В. Хитрова «Историко-статистическое описание Тамбовской епархии», в Саратове – в 1882 году Г.И. Чернышевского «Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской епархии 1851 – 60 гг.»¹.

---

¹ Попов А.Е. Церкви, причты и приходы Пензенской епархии. Пензенская губерния и епархия (Краткие исторические сведения). Пенза, 1896; Хитров Г.В. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861; Чернышевский Г.И. Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской епархии 1851 – 60 гг. //СЕВ. 1882. №№ 31 – 33; 36 – 40.

ГЛАВА II. ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕНЗЕНСКОГО, САРАТОВСКОГО И ТАМБОВСКОГО СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

II. 1. Исторические работы и исследования.

С массовым появлением историков-любителей, объединенных губернскими статкомитетами, во второй половине XIX века появляется стойкий интерес к частной, приватной жизни отдельного человека, внутренней самостоятельной жизни отдельного поселения, города, области. Постараемся рассмотреть, прежде всего, вопросы формирования тематики и проблематики работ провинциальных историков той эпохи, определенные стереотипы в их научном творчестве.

Исследовательские работы местных историков были невозможны без опубликованного комплекса местных источников. Но наличие только ведомственных, недоступных для историков провинциальных архивов уже в 1860-е годы сильно тормозило научную деятельность на местах. Отсюда стремление местных историков осмысливать явления, факты провинциальной жизни по канонам, данным столичными историками. Но уже к началу XX века пришло понимание порочности такого слепого переноса шаблонов и схем, понимание необходимости изучения мелочей своего прошлого.

Внимание к мелочи, к отдельному историческому факту, которое станет принципиальной установкой в творчестве историков-любителей, что было одной из особенностей развития провинциальной русской историографии второй половины XIX века. Предполагалось, что из такого рода исторической мозаики можно будет создать грандиозную историю своего региона, русской провинции, страны в целом.

Нацеленность в мировоззрении историка-любителя на изучение конкретно-исторического факта, документа, живого явления современной ему жизни известный русский философ Н.А. Бердяев объяснял ещё и

идейной отсталостью широких слоев русской интеллигенции, моралистическим складом её мышления, при котором философского осмыслиения исторического процесса не требуется¹.

Науки о природе и науки об обществе и человеке мыслились подчиняющимися одним и тем же правилам познания. Именно такими установками в своей деятельности руководствовались многие центральные научные общества России (Русское географическое общество, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии), идеино направлявшие научную деятельность губернских статистических комитетов России. Не случайно и историки-любители на местах, и активисты, руководители научных обществ исследовали одновременно или поочередно очень широкую географическую, историческую, этнографическую, естественно-научную тематику. Неразграниченность сфер исторических и естественно-научных интересов характерна для их работ. Исключение здесь составляют исследования Н.И. Костомарова и Д.Л. Мордовцева, которые четко разграничивали эти сферы.

Массовое написание активистами губстаткомитетов статей для «Губернских ведомостей» заставляло многих смотреть на свои упражнения как на литературно-публицистические опыты.

Ярким примером, в данном контексте, может служить творчество Н.В. Прозина о котором мы уже упоминали в третьем параграфе первой главы. В «Очерках Пензенской губернии» он сделал попытку выявить закономерности, обусловившие современное автору социально-экономическое состояние Пензенского края. Наиболее значительным, с точки зрения исследователя, является природно-климатический фактор. «Невыгодное географическое положение губернии, в отношении других населенных пространств, – замечает Н.В. Прозин, – задерживает развитие в ней промыслов и торговли, отнимая удобства сообщений и тем способствует

---

¹ Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 75.

нравственному застою...»¹. По его мнению подобные трудности тормозили развитие сельского хозяйства. «Пензенский хлебопашец встречается при своих трудных работах несравненно с большими препятствиями, затруднениями, неудачами, нежели хлебопашец других губерний. Основные неудобства для здешнего сельского хозяйства заключаются в самих климатических условиях»². В этих доводах любителя-краеведа, несомненно, есть здравый смысл, однако определять отсталость сельского хозяйства лишь природно-климатическими условиями, на наш взгляд не совсем верно. Проведи автор сопоставительный анализ развития сельского хозяйства в Пензенской губернии, по крайней мере, с соседними губерниями и он, возможно, пришел к несколько иным выводам, но увы Николай Васильевич этого не сделал.

Распределение жителей по роду занятий уже не требовало от исследователя проведения глубокого анализа, поэтому в этой части работы мы видим лишь констатацию фактов: «Земледелие привлекает большую, исключительную часть рук, за ним следует заводское, а потом фабричное дело, торговля, овцеводство и самую незначительную часть местной деятельности составляют ремесла и промыслы»³.

Характеризуя земледелие, Н.В. Прозин отмечает, что пензенские крестьяне в основном занимаются производством ржи, овса и гречихи. «Средний урожай, – говорит он, – для ржи и овса сам-шесть, а для гречи сам-десять»⁴. Часть собранного зерна закупалась винокуренными заводами, небольшое количество поступало на рынок северных регионов страны. Изучение процесса хлебной торговли позволило исследователю сделать вывод о том, что «... недостаток в удобных и скорых путях сообщения,

---

¹ Прозин Н.В. Очерки Пензенской губернии. Пенза, 1867, С. 8 – 9.

² Там же. С. 62.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 17.

понижая цену на хлеб, делает здесь землевозделывание мало прибыльным и даже совершенно невыгодным»¹.

Скотоводство, по мнению Н.В. Прозина, также развито слабо. В 60-е годы XIX века в губернии насчитывалось 900000 голов крупного и мелкого рогатого скота, 50000 лошадей. «Крестьянин часто не имеет достаточного количества лошадей для полевых работ, лишняя корова в доме почти тоже редкость»². Невысокий доход крестьянским хозяйствам приносили овощеводство, садоводство и пчеловодство.

Все это привело к тому, что «... пензенские крестьяне, во время зимы занимаются извозами, с которых возвращаются не ранее конца марта месяца»³.

Подробно описывает Н.В. Прозин состояние промыслов и промышленного производства. Отметив, что промыслы и ремесла между пензенскими крестьянами развиты в тех уездах губернии, где нет чернозема, он сообщает, что в разных местах губернии имелось 46 гончарных заведений, 549 маслобоен, 100 поташных заводов, на которых было занято 300 рабочих; 117 кирпичных сараев с 500-ми рабочими.

Промышленность губернии включала 119 разных заводов и фабрик. «Сумма, на которую вырабатывается разного рода продуктов на всех заведениях и фабриках в губернии, равняется ежегодно средним числом, восьми миллионам рублям с половиною»⁴. Распределение производств по отраслям позволило исследователю сделать вывод о том, что «... самое большое число заводов из всего числа, существующих в губернии, это число винокуренных заводов (76 винокуренных и 8 пивоваренных и медоваренных заводов), затем следуют салотопенные заводы, которых здесь 32, затем

---

¹Прозин Н.В. Очерки Пензенской губернии... С. 62.

² Там же. С. 67 – 68.

³ Там же. С. 68 – 69.

⁴ Там же. С. 86.

кожевенные – 31 и 27 суконных фабрик»¹. Кроме того, Прозин отмечает 5 мыловаренных, 8 сахароваренных, 5 писчебумажных, 5 чугуноплавильных предприятий, 1 хрустальный завод.

Большое внимание уделяет Прозин развитию в Пензенском крае торговли. На территории губернии, по подсчетам исследователя, насчитывалось 1553 лавки и 392 постройки для склада товаров. Ежегодно функционировали 18 городских и 157 сельских ярмарок. «На городских ярмарках продается разного товара средним числом на сумму до 600000 р., на сельских же до 3235000 р.»².

Основные виды товаров, ввозимых в Пензенскую губернию, составляли «... необходимые для местного потребления колониальные товары, бакалейные и овощные», а вывозился хлеб, спирт, сало, преимущественно говяжье, овечья шерсть и поташ»³. На развитие торговли большое влияние оказывает прохождение торговых путей. «За неимением других более удобных путей сообщения, – говорит он, – большая часть произведений губернии сплавляется за пределы ее водой... Сплав в 1866 году разного груза по Суре в общем количестве равнялся 830060 пудов, а по Мокше – 602819 пудов – в первом случае на сумму 626137 р., а во втором на 295674 р.»⁴.

Характеризуя этнический состав населения, Прозин констатирует наличие здесь русских, мордвы, татар и мещеры. «Мордва и мещера, – как неверно, утверждал он, – образовали здесь самые древнейшие поселения, начало которых относят к девятому столетию»⁵. В данном контексте автор безлично указывает «относят», а кто? Для читателя остается загадкой.

Русская колонизация края, полагает исследователь, стала появляться с середины XVII столетия. Памятниками той эпохи, как совершенно верно,

---

¹ Прозин Н.В. Очерки Пензенской губернии... С. 91.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 91 – 92.

⁴ Там же. С. 97.

⁵ Там же. С. 13.

указал Прозин являются остатками земляных валов, построенных для защиты от набегов крымских татар и ногайцев.

Помимо общей характеристики губернии, Прозин исследует и отдельные регионы. Так, описывая Городищенский уезд, исследователь подробно останавливается на флоре и фауне уезда, его природно-климатических условиях. Однако главный интерес для него составляют демографические и экономические данные. Из проживающих на территории уезда 122449 человек, государственные крестьяне составляли 54736, временнообязанные крестьяне – 49998, крестьян, ставших собственниками было 12523, дворян потомственных – 84 и личных – 26, представителей православного духовенства 1053, а мусульманского – 24, 3 почетных потомственных гражданина, 54 купца и 850 мещан. Социальный состав населения накладывал отпечаток на его занятия. «Главный предмет труда в уезде, составляет хлебопашество; здесь сеют преимущественно рожь, овес и гречу; просо, ячмень, пшеница и горох возделываются в малом количестве»¹.

В крестьянской среде распространен целый ряд промыслов. Это изготовление кулей и рогож, поташа, заготовка воска и изготовление конопляного масла. Наряду с промыслом в уезде существовало и промышленное производство. «По статистическим сведениям за 1865 год в уезде находится кожевенных заводов 4, суконных фабрик 13, сахароваренных заводов 1, поташных 2, винокуренных 27, писчебумажных фабрик 2, хрустальный завод 1 и стеклянных 2»². Торговыми контактами Городищенский уезд был связан с Москвой, Нижним Новгородом, Симбирском, с Саратовской и Оренбургской губерниями.

Город Городище характеризуется статистическими сведениями, относящимися к 60-м годам XIX века. Приводятся данные о социальном

---

¹ Прозин Н.В. Городищенский уезд и город Городище //Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии. Приложение к Памятной книжке за 1868 и 1869 годы. Пенза, 1870. С. 108.

² Там же. С. 110.

составе населения, о профессиональных занятиях, о количестве казенных зданий, жилых домов, лавок, помещений для хранения товаров.

Более подробно описывается город Саранск. Используя «Книгу по хозяйственной части Пензенской казенной палаты» за 1806 год и еще целый ряд архивных источников, Н.В. Прозин сумел проследить развитие города с конца XVIII до 60-х годов XIX века, подробно описав расширение города, строительство новых зданий, открытие монастырей, городские ярмарки и городские пожары.

Анализ хозяйственного состояния Саранского уезда позволил Н.В. Прозину сделать вывод о том, что главным занятием жителей, как и в Городищенском уезде, является земледелие, которое, однако, не приносило высокого дохода. Поэтому в крестьянской среде существовали источники дополнительных заработков. «Жители лесной части уезда, – отмечает исследователь, – занимаются дrevодельною работою, изготовление полозьев, обручей и осей. Русские зажиточные крестьяне, а также и татары, имеющие хороших лошадей, принимают на себя перевозку рыбы и соли от Астрахани до Москвы и товаров на Нижегородскую и Симбирскую ярмарки. В прежнее время более двух тысяч человек уходило на бурлацкую работу»¹.

Промышленное производство Саранского уезда было представлено одной суконной фабрикой, одним сахарным заводом, девятью кожевенными и двумя поташными заводами, одним воскобойным и двумя салотопленными предприятиями, четырьмя винокуренными заводами.

Анализируя уровень жизни как в губернии в целом, так и в отдельных уездах, Н.В. Прозин рассматривает эту проблему в прямой зависимости от уровня культурного развития населения. Поэтому особое внимание исследователя привлекало состояние народного образования. Этот вопрос он рассматривает при характеристике Городищенского и Саранского уездов.

---

¹ Прозин Н.В. Саранский уезд и город Саранск //Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии... С. 138.

Этому же посвящено и специальное исследование «О населении и народных училищах Городищенского уезда». Так, в уездном училище городе Городище обучалось 45 детей, преимущественно выходцев из мещан (25 детей), а в Городищенском приходском училище обучалось 39 детей¹, большинство из которых были выходцами из крестьянских семей. В Саранском уезде функционировало одно уездное и два приходских училища. «Учащихся в училище детей дворян и чиновников – 15, купцов и мещан – 44, разночинцев и крестьян – 21 – всего 80... В приходском мужском училище учащихся: детей дворян и чиновников 2, духовного звания 1, купцов и мещан 46, разночинцев и крестьян 37, всего 41»².

Особый интерес вызывала у Н.В. Прозина проблема образования нерусского населения Пензенской губернии, в основе которого, по его мнению «... должно лежать нравственно-религиозное начало»³. В Городищенском уезде имелось 15 мордовских училищ и 2 мусульманских школы в татарских селах. Он выдвинул программу перевода на мордовский и татарский языки церковной литературы и подготовки национальных учительских кадров.

Как мы видим работы историка-любителя представляют собой скрупулезное собирание фактического материала, иногда не достаточно проверенного, и, практически в них отсутствует собственный анализ. Но как мы говорили выше, такого рода работы были наиболее типичными для провинциальных историков того времени.

В целом же для развития русской историографии 1860 – 1890-х годов характерно пристальное внимание к историческим источникам, преимущественно неизданным и неисследованным. Поиски и публикация исторического источника стали самостоятельной научной работой,

¹ Прозин Н.В. О населении и народных училищах Городищенского уезда //Там же. С. 117.

² Он же. О населении и народных училищах... С. 130.

³ Там же. С. 131.

получившей широкое распространение в провинции. Одновременно активистами губстаткомитетов велась большая работа по их публикации. Ярким примером здесь может служить пензенский краевед Г.П. Петерсон, который много сил уделял сохранению и популяризации документальных источников. Не видя поддержки у местных чиновников, он даже обращался за помощью к тамбовским краеведам. 28 декабря 1887 года выступая на общем собрании Тамбовской губернской ученой архивной комиссии Г.П. Петерсон сообщил о своей работе в некоторых частных архивах города Саранска. В заключение он просил комиссию ходатайствовать перед Пензенским губернским и епархиальным начальством о разрешении ему пользоваться архивами присутственных мест и церквей Саранска. Собрание постановило удовлетворить его просьбу¹.

Настоящим научным подвигом был разбор Г.П. Петерсоном дел и документов архивов Саранского полицейского управления и составление на основе этого «Описи», частично опубликованной в «Трудах Пензенской ученой архивной комиссии». К 1903 году было разобрано и внесено в опись 2107 документов, составивших 329 связок².

Исследователь прекрасно понимал значимость провинциальных архивов, он отмечал: «... несмотря на опустошительные пожары и иные неблагоприятные условия, до сих пор еще в наших губернских и уездных архивах сохраняются вороха связок письменных документов, которые до сих пор остаются не разобранными и не приведенными в известность. Сколько в то же время, может быть, находится разного рода грамот, выписей из отказных и писцовых книг и иных документов в ризницах церквей, монастырей или в старинных барских усадьбах»³.

---

¹ Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1888. Вып. 18. С. 4.

² Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Пенза, 1903. Кн. 1. С. 147.

³ Там же. С. 36.

Особенностью научно-исторической деятельности ГСК было также спонтанное ведение научных исследований, когда они не планировались, а велись местными историками стихийно и непредсказуемо. Толчком для них могли послужить вопросник, запрос, выставка, приглашение на археологический съезд, циркуляр и так далее. Хочется подчеркнуть, что желание русской провинциальной интеллигенции «снизу» изучать местную историю, этнографию, археологию совпало с указаниями «сверху» и возможностями созданных правительством и общественностью организационных структур (губстаткомитеты и научные общества). При этом власти относились к организации и тематике научных работ на местах достаточно бережно и тактично. В циркуляре министра внутренних дел от 8 апреля 1861 года, поясняющем «Положение» о статистических комитетах, указывалось, что необязательные занятия ГСК состоят «... в ученых трудах всякого рода, имеющих целью исследование губернии в разных отношениях. Развитие трудов этого рода и издание их в свет может зависеть преимущественно от внимания к ним начальника губернии и от ученой деятельности членов губстаткомитета; установление для того определенных правил было бы стеснительно мерою, не соответствующей цели свободного изучения быта, производительных сил и местных потребностей каждой губернии»¹.

Волновавшие в 1860-е годы интеллигенцию глобальные проблемы переустройства общества, справедливого и нравственного мира сменились рядом отдельных, более мелких, но зато живых, практически осуществимых дел в образовательной, научной, медицинской сферах. Восьмидесятник стал замечать те мелочи жизни, которые для человека предшествующей эпохи были скрыты². Поэтому 1880-е годы – время историков в русской провинции, людей, скрупулезно, сосредоточенно и уединенно работающих. Внешние

---

¹ Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1876. Т. 1. Вып. 1. С. 111.

² История русской литературы XIX века /Под ред. Д.Н. Овсянико-Куликовского. М., 1910. Т. 3. С. 88.

условия жизни, господство консерватизма во внутренней политике России тех лет также способствовали такого рода отчужденной научной работе изолирующихся от внешнего мира историков-любителей.

Появление восьмидесятников стало возможно благодаря эволюции идей разночинной интеллигенции 1860-х годов – решительных реформаторов и нигилистов, а затем идеализации народа и хождениями в народ семидесятников. Разочарование в возможности что-либо изменить в настоящем у восьмидесятников было очень плодотворно для их ухода в прошлые эпохи. Тем более что идеи долга перед народом, стремление просветить его оставались в мировоззрении этого поколения разночинной интеллигенции.

Необходимо также учитывать, что научные и литературные вкусы, пристрастия и познания провинциальной интеллигенции формировались в значительной мере под влиянием чтения не книг, но центральных демократических журналов: «Отечественные записки», «Современник», «Русское слово» и др. Поэтому нацеленность любителя-историка в своем творчестве на тип журнальной статьи была часто неосознаваемой.

Быстрому росту общественного влияния исторической науки в России начиная с 1860-х годов способствовало падение официального запрета «... печатать акты и вести Русскую историю только до Петра Великого»¹. Исследователи отмечают, что до 1860-х годов в России публиковались документы по преимуществу древнего происхождения, как правило, за пределы XVII века не выходившие². Изучение истории XVIII – XIX веков позволяло выходить на злободневные вопросы современности, интересные широкой публике.

---

¹ Аристов Н.Я. Разработка русской истории в последние 25 лет (1855 – 1880) //Исторический вестник. 1880. Т. 2. С. 670.

² Софинов П.Г. Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957. С. 124.

Появление более широких возможностей доступа, изучения и публикации документальных источников сравнительно недавнего прошлого обратило внимание многих любителей на многочисленные провинциальные архивы.

Однако методы издания исторических источников, применяющиеся в трудах статистических комитетов, были очень примитивны и зачастую не выдерживали ни какой критики. Но, во-первых, невысок был уровень документальных публикаций и в центральных исторических журналах, а во-вторых, постепенное накопление опыта позволяло в дальнейшем повышать научное качество публикаций.

Основными типами местных изданий, в которых помещали свои труды историки-любители – активисты губстаткомитетов, были местные тематические и юбилейные сборники; сборники трудов статистических комитетов; «Памятные книжки»; «Адрес-календари»; «Губернские» и «Епархиальные ведомости». Рассмотрим поочередно содержательную сторону этих изданий. Сама же издательская деятельность ГСК будет анализироваться в четвертом параграфе этой главы.

Сборники статистических комитетов, которые появляются в России в 1860-х годах, на наш взгляд, были наиболее серьезными изданиями, с точки зрения историко-краеведческих публикаций. Они рассчитывались на длительное и периодическое издание и как многотомные публикации.

В предисловии к двухтомному «Саратовскому сборнику», посвященному 100-летию Саратовской губернии определялась цель издания, которая также соответствовала пензенским и тамбовским «Сборникам» «... сделать известными и доступными те источники и материалы, которые могут послужить ко всесторонней характеристике края»¹.

В 1893 году под редакцией В.П. Попова вышел первый «Сборник Пензенского губернского статистического комитета». Он открывался работой А.Ф. Селиванова «Пензенские архипастыри». Были напечатаны «Материалы для истории, археологии, статистики и колонизации

---

¹ Саратовский сборник. Саратов, 1881. С. 1.

Пензенского края XVII и XVIII столетия» братьев Холмогоровых, статья Г.И. Мешкова «Пензенский Троицкий женский монастырь», а также метеорологический обзор 1892 года для города Пензы, составленный на метеорологической станции при Первой мужской гимназии.

Определенный интерес вызывает статья В.М. Терехина «Археологические раскопки и разыскания, произведенные в 1892 году в уездах: Краснослободском и Наровчатском», где описывались результаты обследования древних мордовских могильников в Краснослободском и Наровчатском уездах¹.

В первом номере были также опубликованы подготовленные к печати В.П. Поповым «Статистические таблицы о состоянии пчеловодства в Пензенской губернии за 1891 год». Здесь же помещены «Краткие статистические сведения о лесах Пензенской губернии за 1891 год» Ф.Ф. Федоровича. В последующих номерах этим же автором опубликован материал «Фауна Пензенской губернии».

В третьем номере «Сборника» напечатаны собранные Н.П. Барсовым бытовые и исторические песни мордвы-мокши. Так было положено начало изучению мордовского фольклора Пензенского края, о котором будет идти речь в третьем параграфе данной главы.

Шестой выпуск «Сборника» содержал новую подборку мордовских песен и загадок, собранных Н.П. Барсовым.

В историко-краеведческом плане самым ценным является пятый, юбилейный «Сборник», выпущенный к столетию восстановления Пензенской губернии, отмечавшемуся 9 сентября 1901 года. В нем помещен краткий исторический очерк В.Х. Хохрякова «Открытие, упразднение и восстановление Пензенской губернии», содержащий описание города Пензы

---

¹ Терехин В.М. Археологические раскопки и разыскания, произведенные в 1892 году в уездах: Краснослободском и Наровчатском //Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Пенза, 1893. Вып. I.

XVII и XVIII столетий. Всего с 1893 по 1905 год вышло шесть «Сборников Пензенского губернского статистического комитета».

В Тамбове издавались с 1861 по 1914 годы «Сборники статистические по Тамбовской губернии» с 1903 года «Сборники-календари». В последнем представлена подборка исторических очерков и статей. Две из них посвящены знаменитому подвижнику русской православной церкви Серафиму Саровскому¹. В работе А.Н. Норцова дается краткая характеристика Саровской пустыни, основанная на материалах монастырского архива. В другой статье, написанной архимандритом Серафимом (в миру Чичаговым), описывается житие Серафима Саровского (1759 – 1833). В ней подробно рассматривается биография знаменитого старца. Автор подчеркивает, что прибытие Серафима в Саровскую пустынь в 1778 году и пострижение в монахи было связано с настоятелем отцом Пахомием. В работе прослеживается долгая подвижническая жизнь Серафима в пустыни.

В «Сборнике» также представлена перепечатка из «Известий Тамбовской ученой архивной комиссии» статьи А.Н. Норцова «Историко-археологическая карта Тамбовской губернии» и две статьи по истории города Лебедяни². В этом же томе публикуется очерк по истории городов Тамбовской губернии. Неизвестный автор фактически повторяет прием, использованный при составлении экономических примечаний к генеральному межеванию. Наряду с краткой информацией по истории возникновения городов, в тексте приводятся статистические сведения о финансах и бюджете города, состоянии городских земель, учебных заведениях и другая подобная информация. В «Сборник-календарь» входила серия очерков по истории развития местного образования.

---

¹ Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов, 1903. С. 1 – 78.

² Там же. С. 78 – 120.

Подобная тематика наблюдается и в «Саратовских сборниках» в них опубликовали свои работы известные саратовские краеведы А.Н. Минх и Ф.Ф. Чекалин¹, а также малоизвестные авторы, например, вольский священник А.А. Лунин поместил «Историко-статистическое описание города Петровска»².

К другому типу историко-краеведческих изданий, где публиковались результаты работы членов губстаткомитетов можно отнести «Памятные книжки» и «Адрес-календари».

«Памятные книжки» отличались однотипной структурой. Традиционно они открывались сведениями о Российском императорском доме, министрах и их товарищах (заместителях). Эти сведения предшествовали публикации материала, дававшего представление о лицах, состоявших на службе в губернии. Первоначально сообщались сведения о служащих Министерства внутренних дел – губернаторе, вице-губернаторе, чиновниках канцелярии губернатора, губернском правлении, затем – о предводителях дворянства и депутатском собрании, губернском и уездных по крестьянским делам присутствиях, губернских статистическом, распорядительном, попечительском о тюрьмах комитетах, уездных тюремных отделениях, губернском и уездных по воинской повинности присутствиях, губернском по городским делам присутствии, полицейских управлениях, уездных и городовых врачах, почтово-телеграфных учреждениях. Далее шли сведения о духовном ведомстве, региональных учреждениях Министерства финансов, Министерства государственных имуществ, Министерства юстиции, Министерства народного просвещения, Военного министерства, а также земских учреждениях, городском управлении, кредитных учреждениях и

¹ Минх А.Н. Материалы для истории Саратовской губернии //Саратовский сборник. Саратов, 1881. С. 6 – 9; Он же. Коленская волость Аткарского уезда //Там же. С. 72 – 87; Он же. Саратовский уезд //Саратовский сборник. Саратов, 1882. Т. 2. С. 203 – 327; Чекалин Ф.Ф. Остатки древних земляных сооружений в пределах Кузнецкого уезда //Саратовский сборник. Саратов, 1882. Т. 2. С. 352 – 362.

² Лунин А.А. Историко-статистическое описание города Петровска //Саратовский сборник. Саратов, 1881. С. 88 – 92.

различных обществах. Подобные сведения присутствовали во всех «Памятных книжках» с учетом возможного появления новых мест на государственной службе, изменений названий отдельных государственных учреждений и т.п. В конце «Книжки» чаще всего содержались адреса официальных учреждений, алфавитный указатель к списку служащих губернии, а также оглавление.

«Памятные книжки» могли содержать также разного рода статистические таблицы – о числе родившихся, умерших и браков, о числе зданий в городах губернии за исключением церквей, о количестве церквей и других богослужебных зданий, о числе заводов и фабрик, о количестве ремесленников, скотоводстве, о числе выданных торговых свидетельств и билетов и т.п. К наиболее важным статистическим сведениям относились данные о числе жителей губернии по сословиям и по вероисповеданию.

Многие «Памятные книжки» содержали сведения, где указывались даты православных праздников, расписание движения на почтовых трактах, прогонная плата за одну лошадь по расстояниям до других городов, таблица расстояний между почтовыми станциями, таблица о времени забора корреспонденций, прохождения и отправления почты, тарифы на телеграммы, перечень агентов обществ страховых и транспортных кладей, ведомость о движении податей, сборов и повинностей с лиц податного звания, ведомость о числе учебных заведений, чиновников, преподавателей, учащихся и т.д.

Особую привлекательность имеют те «Памятные книжки», в которых печаталась краеведческая информация. Статьи, подготовленные для публикации, рассматривались и утверждались на заседаниях ГСК. В данном контексте обращает внимание работа пензенского краеведа А.Ф. Селиванова «Биографии», которой предшествует авторское послание, содержащее ссылку на заседание Пензенского статкомитета, принявшего предложение о включении в «Памятные книжки» отдела «Замечательные уроженцы и деятели Пензенской губернии». «Приступая к составлению этого отдела, –

пишет А.Ф. Селиванов, – нам пришлось встретить большие затруднения. Прежде всего, не было материалов, их было трудно разыскивать... Составление биографии – дело не одного лица. Необходимо, чтобы все люди, знавшие этих людей, сообщали о них свои воспоминания. Только тогда биографии будут полны»¹. А.Ф. Селиванов собрал и дополнил биографии П.Н. Арапова, А.Н. и И.Н. Бекетовых, Ф.И. Буслаева, Ф.Я. Булыгина, М.А. Викторовой, Ф.Ф. Вигеля, И.П. Гвоздева, Н.А. Демчинского, М.Н. Загоскина, В.А. Инсарского и других.

Интересный материал был представлен А.И. Пульхеровым в статье «Исторические и археологические сведения по Пензенской губернии». Она представляет собой хронологический указатель исторических событий, связанных с городом Пензой. Во вступлении к своему труду А.И. Пульхеров писал: «При составлении настоящего указателя имелись в виду преимущественно печатные материалы, и только в немногих случаях была возможность делать указания на письменные документы, а потому указатель далек от желаемой полноты. Несомненно, что со временем, когда сокровища нетронутых еще пензенских архивов будут извлечены из своих помещений, многие забытые ныне события пополнят неизбежные при начальной работе пробелы»².

«Памятные книжки» иногда перепечатывали и интересные публикации из «Губернских ведомостей», так, например, из «Пензенских губернских ведомостей» была перепечатана статья священника А.И. Масловского «Бунт Стеньки Разина в пределах Пензенской губернии»³.

«Памятные книжки» в какой-то мере являлись предвестниками будущих журналов, появившихся в провинции много лет спустя. В строгом смысле

---

¹ Памятная книжка Пензенской губернии на 1889 год. Пенза, 1888. С. 342.

² Исторические и археологические сведения по Пензенской губернии (сост. А. Пульхеров) //Памятная книжка Пензенской губернии на 1889 год. – Пенза, 1888. С. 306.

³ Масловский А.И. Бунт Стеньки Разина в пределах Пензенской губернии //Памятная книжка Пензенской губернии на 1889 год. – Пенза, 1888. С. 368 – 387.

этого слова, «Памятные книжки» можно назвать журналом лишь с определенными оговорками. Однако трудно оспорить главное – материалы публиковавшееся в этих изданиях, представляли, да и сейчас представляют, большой интерес не только для узкого круга специалистов-исследователей, но и для всех, кто интересуется прошлым своих родных мест. В данном контексте мы поддерживаем мысль И.И. Комаровой о несправедливости долго бытавшего в научной литературе мнения о низком качестве публикаций статкомитетов. Это справедливо лишь по отношению к немногим материалам. Качество их определялось участием в работе комитетов многих ведущих историков и археологов, таких как Д.И. Бакалей, В.В. Бартольд, В.Е. Бартольд, В.Е. Барсов, В.Л. Вяткин, Д.Я. Самоквасов, А.А. Спицын, Н.И. Костомаров и другие. Такие специалисты как И.Е. Забелин, Ф.И. Буслаев, В.О. Ключевский, А.С. Уваров и другие не только пользовались результатами исследований комитетов, но и помогали им своими рекомендациями.

Если для помещения в «Памятные книжки» губстаткомитет отбирал работы значительные по объему, уровню фактического материала, научному уровню авторов, то в неофициальной части «Губернских ведомостей» помещались любые работы краеведческой направленности. Это обстоятельство было обусловлено тем, что одним из направлений научно-исторической деятельности ГСК была подготовка краеведческих статей и создание круга авторов для «Губернских ведомостей». Хотелось бы отметить, что в любой губернии эта газета была самым распространенным и читаемым грамотной частью населения периодическим изданием. Поскольку секретарь статкомитета как правило был и редактором неофициальной части «Губернских ведомостей» (такое совмещение рекомендовалось МВД), он сам отбирал исторические и другие краеведческие материалы для публикации из тех рукописей, которые приходили в ГСК. Однако некоторые наиболее удачные публикации в «Губернских ведомостях» переиздавались в

«Сборниках», «Памятных книжках», «Адрес-календарях» губернских статистических комитетов или же выходили отдельными изданиями.

Так, «Тамбовские губернские ведомости» регулярно публиковали документы по истории края XVII – XVIII веков, а также статистические очерки по истории отдельных населенных пунктов. Примером таких публикаций можно назвать «Краткий географо-статистический очерк Тамбовской губернии и городов к ней принадлежащих» неизвестного автора, опубликованный в «Тамбовских губернских ведомостях» в 1852 году¹. В нем приводились общие данные о географическом положении Тамбовской губернии, описывались реки, местная флора и фауна, продукция сельского хозяйства, промыслов, запасы минеральных ресурсов, давалось общее описание всех Тамбовских уездов и городов, состояние торговли и промышленности, общая численность и национальная структура населения. Подобная тематика краеведческих изданий была присуща также Пензенским и Саратовским «Губернским ведомостям». Так, например, в 1867 году в «Пензенских губернских ведомостях» Н.В. Прозин публикует уже упоминавшиеся нами «Очерки истории Пензенской губернии»², которые по своей структуре повторяют «Краткий географо-статистический очерк Тамбовской губернии и городов к ней принадлежащих».

Анализируя неофициальную часть Пензенских, Саратовских и Тамбовских «Губернских ведомостей» мы обратили внимание на большое количество публикаций историко-экономического характера, которые касались развития транспорта, торговли, птицеводства, пчеловодства, садоводства и т.п. Мы также обратили внимание, что многие авторы статей будучи одновременно членами Пензенского, Саратовского и Тамбовского статистических комитетов печатались и в их «Губернских ведомостях». Так, например, Н.В.

---

¹ Тамбовские губернские ведомости. 1852. № 23.

² Прозин Н.В. Очерки истории Пензенской губернии //ПГВ. 1867. № 7.

Прозин публиковался как в «Пензенских», так и в «Саратовских губернских ведомостях»¹.

Во второй половине XIX века в большинстве губерний издаются библиографические справочники «Губернских ведомостей». Одним из первых в России подобное издание опубликовано было в Тамбове². Причем их публикация была связана с некоторыми трудностями. Так, например, составитель указателя статей неофициальной части «Саратовских губернских ведомостей» Н.Ф. Хованский писал, что в Саратове не было полного экземпляра этого издания³. Указатель «Пензенских губернских ведомостей» начал составляться И.И. Василёвым в 1880 году, а полностью эта работа была завершена лишь в 1994 году⁴.

Итак, в 1860 – 1890-е годы губернские статистические комитеты стали центром научно-исторической деятельности в российской провинции. Из местных любителей-историков был сформирован круг постоянных исследователей – авторов провинциальных изданий: «Губернских ведомостей», «Памятных книжек», «Адрес-календарей» и «Сборников» статистических комитетов. Определилась тематика и проблематика краеведческих работ, которая включала в себя следующие направления: изучение истории древнейшего населения данной губернии, их заселения и хозяйственного освоения, промышленного развития, народных движений, проблемы времени и основания губернских центров, изучение местного

---

¹ Прозин Н.В. Очерки истории Пензенской губернии //ПГВ. 1867. № 7; Он же. Картины мордовского быта // ПГВ. 1896. №№ 244 – 247, 249, 252; Он же. Город Кузнецк и его уезд //СГВ. 1870. №№ 62, 63, 64 – 68; Он же. Чуваши в Кузнецком уезде //СГВ. 1870. №№ 107 – 111.

² Григоровский М.П. Указатель статей, помещенных в «Неофициальном отделе Тамбовских губернских ведомостей» за 1870–1877 гг. Тамбов, 1878.

³ Хованский Н.Ф. Указатель статей неофициальной части «Саратовских губернских ведомостей» //Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1893. Т. IV. Вып. 1.

⁴ Василев И.И. Пензенские губернские ведомости. Первое пятидесятилетие. 1838 – 1887. Систематический свод статей, относящихся к Пензенскому краю, хронологический и алфавитный указатели. Пенза, 1889; Забродина Н.И. Пензенские губернские ведомости (1888 – 1917 гг.). Библиографический справочник. Пенза, 1994.

фольклора, жизни и быта населения края. Огромное значение имела широкая археографическая деятельность местных историков-любителей по сохранению архивных материалов, организации при статкомитетах, а затем при ученых архивных комиссиях губернских исторических архивов. Значительные масштабы принимает публикация исторических источников в местных изданиях, частная собирательская деятельность. Идет складывание, порой значительных по объему, уникальных комплексов архивных и опубликованных материалов по истории своего края. Зарождается краеведческая библиография, и публикуются первые библиографические указатели литературы о родном крае, серьезно стимулировавшие исследовательскую работу на местах. Все это в совокупности позволяет нам утверждать, что к середине 1880-х годов историческое краеведение сформировалось в самостоятельную отрасль знаний. Если в 50 – 60-х годах XIX века изучение прошлого исследуемых нами губерний было в числе прочих достопримечательностей края, то в конце 1860-х – 1870-е годы краеведов стал интересовать определенный период в истории края. В 1880-е же годы краеведы уже четко стали фиксировать свое внимание на историческом прошлом региона, в этом смысле далее всех продвинулись саратовские краеведы, т.к. они могли использовать опыт профессиональных историков Д.Л. Мордовцева и сосланного в Саратов Н.И. Костомарова. Мнение же многих исследователей о низком качестве публикаций ГСК, на наш взгляд, не совсем верное.

II.2. Археологическая деятельность статистических комитетов.

В XIX веке термином «археология» обозначалось изучение вообще всех памятников древности. Археолог XIX века – прежде всего собиратель вещественных остатков старины. Мы должны учитывать существенные отличия современного понимания этого и ряда других терминов и общепринятого (как правило, более широкого) толкования этих терминов в XIX веке. Следует отметить, что и археологическая деятельность научных

обществ была явлением многосторонним и многообразным. К основным направлениям археологической деятельности губернских статистических комитетов изучаемого периода, думается, следует отнести: подготовку археологических съездов и участие в них; археологическое изучение своих губерний с помощью анкет и вопросников; выполнение запросов и поручений Московского археологического общества (МАО), Русского географического общества, Археологической комиссии и других научных обществ и учреждений по проблемам археологии; участие в археологических разведках и раскопках; камеральное изучение городищ, курганов и других археологических памятников своего края; составление археологических карт собственных губерний; сбор археологических коллекций с целью создания музеев, а также деятельность по охране памятников старины. Особенности, формы и методы такого рода работ были приспособлены к местным условиям, но в той или иной мере отразились в деятельности губстаткомитетов значительной части европейских губерний России.

Московское археологическое общество (1864), выступая как центр притяжения научных сил русской провинции, создало не имевшую прецедента научную организацию – Всероссийские археологические съезды (всего было проведено 15 съездов). По сути дела, МАО функционировало как постоянно действующий организационный центр археологических съездов. Совершенно справедлив вывод Г.С. Лебедева, что создание динамичной двуцентричной системы с мощным, постоянно действующим основным оргцентром в виде МАО в Москве (где находилась часть подготовительных комитетов, чаще всего база издания «Трудов» археологических съездов) и перемещающимся по России местным центром (Подготовительный комитет и база очередного съезда) – все это было исключительно новаторской и удачной идеей¹.

Кроме того, публичный, открытый характер заседаний съездов, широкое обсуждение новых идей, методов, любых научных вопросов ведущими

---

¹ Лебедев Г.С. История отечественной археологии. СПб., 1992. С. 100.

специалистами России на глазах местных любителей сделали археологические съезды серьезной научной школой для провинциальной интеллигенции. Каждый из съездов активно стимулировал научно-исследовательскую работу на местах, вовлекал в сферу своей деятельности десятки новых людей, организовывал новые научные центры в провинции. Казанский историк И.Н. Смирнов в речи, посвященной юбилею МАО, на заседании Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете 23 марта 1890 года справедливо отметил, что, во-первых, любому научному обществу при существовавшем незначительном уровне исторических интересов интеллигенции выжить в течение 25 лет гораздо труднее, «... чем отдельному лицу, не скомпрометировавшись, прослужить на государственной или общественной службе»; во-вторых, МАО завоевало себе прочные симпатии и солидную репутацию в России и Европе; в-третьих, археологические съезды стали широким национальным предприятием¹.

Быстро росло и число участников съездов. Если на Первом археологическом съезде в Москве было 130 человек, на Третьем в Киеве – 204, на Четвертом в Казани – 347, то на Пятом в Тифлисе – уже более 400 ученых и любителей. Съезды проводились один раз в три года. Наряду с выставками археологических коллекций из русской провинции в программу съездов вошли археологические экскурсии и раскопки, предварительная подготовка археологических карт и сводных работ. Система предварительных программ работы съезда, широко рассылаемых в виде «вопросов, по которым съезду желательно получить сведения», определила многие направления работы по истории, археологии, этнографии на местах. По сути дела, складывалась региональная структура исследовательской тематики. Мы должны учитывать и то, что МАО и археологические съезды целенаправленно противопоставлялись А.С. Уваровым (создателем МАО –

---

¹ Смирнов И.Н. Юбилей Императорского Московского археологического общества и VIII археологический съезд. Казань, 1890. С.10.

В.П.) и его преемниками Императорской Археологической комиссии в Петербурге. Однако на местах это противостояние не имело значения. Здесь старались сотрудничать со всеми.

Пустив глубокие корни в русской провинции и сумев объединить десятки любителей археологии в самых глухих захолустьях, МАО с помощью археологических съездов целенаправленно поддерживало постоянный контакт с провинцией через статкомитеты. Это было долговременной и стратегической установкой общества. Уже в 1866 году МАО разослало во все ГСК России письма с информацией о планируемом первом съезде русских археологов и просило их принять участие в ходатайстве перед правительством о созыве археологического съезда. Но завоевать на свою сторону провинциальную научную общественность можно было только длительной кропотливой работой.

В качестве примера приведем запрос, поступивший в Пензенский статкомитет в апреле 1866 года: «В заседании Московского археологического общества был возбуждён вопрос о необходимости съезда русских археологов. Обсудив предмет, Общество пришло к следующим заключениям.

Польза съезда не может подлежать никакому сомнению: необходим и желателен он ради успехов русской науки древности, несомненны и эти последние при дружном содействии и взаимной помощи лиц, до сих пор одинаково трудящихся по разным местностям русской земли; потому цель съезда состоит во взаимном соглашении и в посильном решении, сообразно требованиям современной науки, как вопросов, обнимающих все отрасли отечественной археологии и, стало быть, общих для всей науки русской древности, так и более важных частных, которые могут быть решены лишь совокупным трудом многих специалистов-археологов.

Не входя прежде времени в подробности относительно этих вопросов – Общество считает, однако же, необходимым указать на некоторые из них, таковы:

1. Сохранение и приведение в известность памятников как языческой, так и христианской древности. Что это вопрос необходимый, требующий немедленного, безотлагательного решения – это не может быть более предметом сомнения, что взаимное обсуждение мер к сохранению памятников – может и должно привести к добному результату – доказательством служат плоды стремлений многих европейских обществ и комиссий, основанных единственно ради сохранения и приведения в известность памятников старины.
2. Но ни сохранять, ни проводить в известность памятники старины нельзя без правильной установки общих приёмов в отыскании и исследовании этих памятников: вся кому известно, сколь много их безвозвратно погибло для науки, от неумения обращаться с ними, от отсутствия правильного и осторожного метода в их исследовании; на русской земле например, потревожено много могил, но много ли существует точных и правильных раскопок, и много ли может отсюда извлечь наука?
3. Поэтому в предмет занятий съезда должно войти – точнейшее определение метода и приёмов в исследовании памятников, составление подробной и ясной инструкции археологического разыскания.
4. Составление археологических карт России. Съезд должен собрать уже существующие материалы и определить, как ими должно пользоваться.
5. Составление росписи существующих памятников местной русской старины (вещественных и письменных) с историко-топографическим их описанием и биографии опроса о них более частые вопросы, подлежащие обсуждению съезда, определяются сами собой, по усмотрению членов съезда и заранее для того образованной комиссией.
6. Для приведения в исполнение мысли о съезде необходимо единодушное обсуждение и содействие учёных Обществ и частных лиц, занимающихся

наукой. Вследствие чего Московское археологическое общество имеет честь обратиться с предложением, принять участие в деле такой высокой важности для русской науки.

7. Рассчитывая вполне на сочувствие комитета»¹.

Ответом на запрос явилось письмо секретаря комитета Н.В. Прозина: «На отношение Московского археологического общества от 25 апреля за № 436 статистический комитет имеет честь уведомить, что он вполне сочувствует полезной для русской науки древности цели съезда Русских археологов. По предложенным вопросам о том, где удобнее всего представляется сделать съезд и принять ли условия и порядки, установленные для подобных съездов во всей Европе, полагает: местом съезда удобнее других городов, избрать Москву или Рязань, Владимир, но не Новгород; в отношении же условий и порядка держаться тех положений, которые приняты для съездов в Европе, таким образом, чтобы предварительный комитет из представителей археологических обществ подготовил вопросы, как от учёных обществ, так и от отдельных лиц, занимающихся наукой, для обсуждения на съезде, а также определить время и в особенности программу съезда»².

На Первом археологическом съезде было решено, «... что статистические комитеты, как единственные ученые учреждения, существующие в каждом губернском городе..., которым более или менее известны местные памятники старины, должны быть деятельными пособниками специальных археологических учреждений»³, а также было предложено создать при ГСК специальные историко-археологические комиссии, музеи, библиотеки. Саратовский губстаткомитет был одним из первых, откликнувшихся на рекомендации Первого археологического съезда⁴.

---

¹ ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 137. Лл. 12 – 13 об.

² Там же. Лл. 14, 14 об.

³ Труды Первого археологического съезда в Москве. М., 1871. Т. 1. С. 509.

⁴ Захарова Т.А. Саратовская губернская ученая архивная комиссия в 1886 – 1920 годах: Дис. ...канд. истор. наук. Пенза, 2003. С. 59.

По запросам МАО проводились исследования городищ, курганов и древних земляных укреплений. Результаты подобных действий были оценены видным русским археологом Д.Я. Самоквасовым на Третьем археологическом съезде: «Обширность важного материала, доставляемого комитетами, даёт возможность надеяться, что мы скоро будем иметь общую карту для всей России. В губерниях, где до настоящего времени было известно 10, 15 городищ, их оказалось от 150 до 300»¹.

Так, например, саратовский краевед А.И. Соколов, представлявший местный губстаткомитет на Третьем археологическом съезде в Киеве и Четвертом – в Казани, в 1879 году провел археологические экскурсии на городище Увек, а в 1880 году – в селах Песчанка, Озерки и Лох Саратовского уезда. В результате этих экскурсий часть собранного материала была передана в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете².

Являясь правительственным учреждением, Археологическая комиссия в Петербурге, в отличие от МАО, активно использовала официальные формы работы с губстаткомитетами. В письме Археологической комиссии от 12 ноября 1862 года за подписью графа С.Г. Строганова, разосланном всем ГСК, от последних просили активного содействия в археологической деятельности: «При незначительном составе Археологической комиссии... и при крайнем равнодушии общества к археологическим исследованиям и памятникам нашей древности собирание обстоятельных и правильных сведений о таковых становится чрезвычайно затруднительным и почти невозможным без содействия других правительственные учреждений»³.

На первых порах содействие комитетов должно было выражаться в сборе сведений о курганах, городищах, валах, древних церквях и других

---

¹ Труды Третьего археологического съезда в России. Киев, 1878. Т. 1. С. 234.

² Захарова Т.А. Указ. соч. С. 59 – 60.

³ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 7. Л. 1.

памятниках своей губернии и составлении археологических карт, где наносились все памятники с их подробной описью. Уже 18 января 1863 года из Археологической комиссии в статкомитеты была разослана «Программа археологических исследований, по которым ожидается содействие статистических комитетов», отпечатанная тиражом в 200 экземпляров. В ней рекомендовалось при уничтожении памятников древности сообщать об этом в Археологическую комиссию. Она рекомендовала доставлять в нее подробные сведения о всех случайных находках древностей (нашедшему полагалось денежное вознаграждение). Данное направление работы получило впоследствии достаточно широкое распространение. В частности, в феврале 1896 года Археологическая комиссия писала: «Вследствие отношения канцелярии Пензенского статистического комитета от 24 января 1896 года, за № 20, с препровождением древних предметов из Ефаевского могильника, Краснослободского уезда. Императорская Археологическая комиссия имеет честь просить комитет уведомить её, от кого препровождены ему означённые предметы и уплачено ли что-нибудь за них находчику»¹. В конце программы выражалось пожелание, чтобы к участию в археологических исследованиях приглашено было комитетами возможно большее число местных любителей и знатоков древностей². Вскоре Центральный статкомитет своим циркуляром № 324 от 27 апреля 1863 года «О содействии губернских и областных статистических комитетов в изысканиях Императорской Археологической комиссии» облек эти пожелания в руководство к действию.

Помимо «Программы» и циркуляра в ГСК была направлена «Записка» о приемах археологических исследований. Следует отметить, что эффективность всех перечисленных мер была невелика. Тем не менее, Археологическая комиссия стремилась закрепить свои связи со

---

¹ ГАПО. Ф. 9. Оп.1. Д. 629. Л. 7.

² РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 7. Лл. 5 – 6.

статистическими комитетами и высыпала последние свои издания, рекомендуя публиковать их названия в «Губернских ведомостях».

Контакты деятелей статистических комитетов с учеными из Археологической комиссии не были личными и длительными. Как правило, Археологическая комиссия ограничивалась сбором анкетной информации о памятниках, а также случайных археологических находках и кладах. Например, 30 мая 1873 года Центральный статкомитет вновь разослал во все губернские комитеты циркуляр с просьбой собрать через волостные правления сведения о городищах по прилагаемой программе в течение лета. Анкета содержала 12 вопросов, представляла из себя две страницы, поделенные на две колонки. Слева находились вопросы, справа – проекты ответов с пропусками для вписывания данных о размерах памятников. Вопросы изложены достаточно подробно и рассчитаны на малообразованных людей (волостных писарей). Необходимо было описать находящиеся в волости городища, земляные валы, курганы, насыпи; измерить их площадь, указать расположение. Также требовалась информация о предыдущих раскопках и находках в этих местах¹.

Анкета была распечатана в губернских центрах и разослана в волостные правления. На местах контроля за заполнением анкет не было, поэтому самым распространенным ответом на них было отрицание наличия каких-либо памятников в волости.

Неоднократными в адрес статкомитетов были запросы от Академии художеств. В 1886 году, например, последней были разосланы в комитеты вопросники для сбора сведений о древних памятниках отечественного древнего искусства. Вопросы в значительной мере имели археологическую направленность.

Первый вопрос был следующим: «Нет ли в пределах губернии хорошо сохранившихся курганов, городков и городищ? Как построены эти

---

¹ Там же. Д. 87. Л. 5.

памятники, какой величины и где они находятся (топографическое положение)?»¹. Далее шли вопросы о каменных «бабах», древних надписях, пещерах, старых крепостях, острогах, дворцах, теремах, палатах, построенных до 1764 года, и деревянных домах, построенных до 1700 года. В вопроснике было 15 пунктов на четырех станицах большого формата. Ответы на анкету были очень немногословны. По городу Пензе на 14 вопросов анкеты в 12-ти стоят ответы «нет»².

Следует отметить, что в изучаемый период с анкетами, вопросниками, запросами по проблемам археологии, истории, этнографии России обращались в статистические комитеты почти все крупные научные общества страны: Русское географическое общество, Русское археологическое общество и другие. Но, как правило, обращения эти носили спорадический характер и собранная информация в статкомитеты не возвращалась. Основная масса ее в научный оборот так и не поступила.

Более десяти важных археологических анкет, носивших характер методических разработок, было создано Московским археологическим обществом. Это, прежде всего, «Инструкция для описания городищ, курганов и пещер» (1875), «Инструкция для производства раскопок курганов» (1875), «Инструкция о снятии копий с древних надписей и воспроизведения их из гипса» (1875), «Заметка для собирания русских древностей» (1886), «Программа для собирания сведений об архивах» (1898) и др. Безусловно, такого рода разработки были необходимы местным исследователям и активно ими использовались.

В 1880-е годы ГСК стали активными археологическими центрами своих губерний, куда стекалась информация о памятниках и ценные находки древностей. Закономерно, что когда в апреле 1886 года Министерство

---

¹ ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 463. Л. 15.

² Там же. Лл. 15 – 16 об.

юстиции предложило судам составлять при продаже с публичных торгов списки старинных вещей, имеющих археологическое значение, то направлять их следовало в ГСК. Последние должны были сообщать эти сведения в Археологический институт. Министерство внутренних дел со своей стороны, обязав статкомитеты проводить такого рода работу циркуляром от 5 июля 1887 года, разослало по губерниям «Краткий указатель» для предварительного распознавания предметов древности. Особое внимание рекомендовалось уделять рукописям, первобытным древностям, старинным медалям, иконам, кольцам, печатям, оружию¹. Так, пензенский губернатор А.Н. Волков направил циркуляр уездным исправникам: «Вследствие отношения Императорского Московского археологического общества от 25 июня 1888 года за № 1005. Предлагаю Вам, через опрос жителей уездов, собрать сведения об имеющихся в уезде курганах, городищах, древних могильниках, валах, засеках, а также о местах находок кладов древних монет, каменных или медных изделий и т.п., и подробно, с обозначением мест их нахождения, написать ответы против каждого вопроса. Сведения эти необходимы для составления и издания археологической карты губернии...»².

Содержательную работу в этом направлении проделал Владимир Михайлович Терехин член Пензенского губернского статистического комитета с 1889 года. Входя также в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, он опубликовал в «Известиях» этого Общества несколько своих статей «Акты, относящиеся к истории мордвы Пензенской губернии», «Исторические материалы в отношении инородцев Пензенского края конца XVII века», «К истории землевладения в Пензенском крае», «Ефаевский могильник».

---

¹ Отчет Пензенского губернского статистического комитета за 1887 год. Пенза, 1888. С. 51.

² ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 482. Л. 3.

В «Пензенских губернских ведомостях» увидели свет его заметки: «История г. Красносlobодска», «Несколько слов о находках каменной старины в пределах Пензенской губернии» и другие, но в основном он обследовал археологические памятники мордвы.

В.М. Терехин совершил две археологические экспедиции по Пензенской губернии. В июле 1892 года он вместе с профессором Казанского университета И.Н. Смирновым и членом Археологической комиссии и видным русским археологом А.А. Спицыным, позднее написавшим статью «Древности Пензенской губернии», побывал в Краснослободском и Наровчатском уездах, где были исследованы могильники мордвы у сел Ефаево и Рыбкино, на Казбек-горе в Наровчате, описаны и осмотрены древние городища в «мещанском» лесу около Краснослободска, в Каньгушах и Мамолаеве.

Экспедиция по изучению мордвы состоялась и, пять лет спустя, в июле 1897 года в неё, кроме В.М. Терёхина, входили археолог-любитель В.Н. Вырубов, преподаватель Пензенского реального училища А.Ф. Дюбур, а также французский учёный Иосиф-Август де-Бай. Они посетили мордовское село Селикса (ныне с. Кижеватово Бессоновский район Пензенской области), где француз, собрав несколько человек, расспрашивал об обычаях, нравах и одежде местного населения, купил несколько национальных костюмов. Владимир Михайлович, оказавший иностранному гостю «содействие относительно археологических сведений по местному краю», подарил ему альбом с фотографиями инородцев губернии, а также рукопись статьи «Пензенский край в отношении истории и археологии»¹. Лично В.М. Терехиным были открыты следующие археологические памятники Пензенской губернии: близ сел Шаверки, Чукалы, Новая Карьга, Плужное, Зайцево, (ныне Краснослободский район Республики Мордовия), Ямщина (Инсарский район Республики Мордовия), Изосимовка, Мамолаево,

---

¹ Савин О.М. Живая память. Саранск, 1981. С. 51 – 59.

Кичатово, Рыбкино (Ковылкинский район Республики Мордовия), Пурдошки и Аксел (Темниковский район Республики Мордовия), Новоямская Слобода (Ельниковский район Республики Мордовия), Ожга (Старошайговский район Республики Мордовия).

Некоторые представители ГСК принимались в столичные научные общества. Так, например, член Саратовского губстаткомитета Ф.Ф. Чекалин за активную археологическую деятельность в середине 1880-х был принят в МАО¹.

Археологическая деятельность ГСК послужила основой создания в 1888 году в Саратове, в 1891 году в Пензе и в 1896 году в Тамбове музеев при статкомитетах. В истории культурной жизни российской провинции подобные музеи занимали особое место, это определяется, прежде всего, тем, что они были первыми музеями краеведческой направленности в своих губерниях.

Итак, к началу XX столетия археологической деятельностью статистических комитетов были охвачены Пензенская, Саратовская и Тамбовская губернии. Действовали ГСК опираясь на методическую помощь центральных археологических учреждений (в первую очередь МАО и Археологической комиссии) по более или менее единообразной программе, включавшей наряду с раскопками обязательный сбор данных и составление археологических карт губерний, формирование археологических коллекций и открытие местных музеев, широкое издание историко-археологических работ по местной тематике. В формировании же кадров провинциальных историков и археологов исключительно важная роль принадлежала археологическим съездам, организуемым Московским археологическим обществом.

II.3. Зарождение провинциальной этнографии.

---

¹ Захаров В.М., Захарова Т.А. Саратовская ученая архивная комиссия... С. 45.

Со второй половины XIX века заметно оживился интерес к изучению русского народа, его быта и культуры, а также интерес ко многим нерусским народам, населявшим Россию и это не случайно, так как именно в это время этнография в нашей стране стала оформляться в самостоятельную научную дисциплину. Местные научные центры в губерниях – губернские статистические комитеты играли важную роль в организации этнографических исследований на местах. По нашему глубокому убеждению, без собранного ими эмпирического материала не могла бы состояться новая наука. Их авторами были представители провинциальной интеллигенции: учителя, врачи, юристы, чиновники, священники, земские служащие, хорошо знавшие свой край. Для становления этнографии было очень важно, что первичный полевой материал находил отражение в «Губернских ведомостях», «Памятных книжках», «Сборниках» и других изданиях статкомитетов.

В огромных масштабах шел сбор первичного описательного материала. Такого рода работа заметно усилилась под влиянием народнического движения («хождения в народ») и промышленного переворота. Этнограф С.В. Максимов, подводя итоги 1860 – 1890-х годов в России, обращал особое внимание на «разложение бытового строя народной души». Он писал в 1896 году: «С обновлением жизни русского народа после великой реформы 1861 года и в области этнографии на нашей недолгой памяти произошли крупные перемены... многое уже исчезло без следа с быстротой вешнего снега и, во всяком случае, главнейшим образом значительно сократились места, не так давно представлявшие обильные материалы для наблюдений... требуются уже самостоятельные исследования, обещав совершенно иные этнографические данные при утрате тех, которые сберегались веками и были на нашей памяти»¹.

---

¹ Максимов С.В. Заметка по поводу издания народных сказок //Живая старина. СПб., 1897. Вып. 1. С. 48.

Отличительной чертой этнографии этого периода была её близость с историей, археологией, литературой, антропологией, рядом других научных дисциплин. Пристальное внимание уделялось народному творчеству. В этом ощутимо влияние мифологической школы. Изучение культуры и быта населения имело важное значение для восстановления древнейшей истории народов России. Очень существенным представляется и смещение интереса образованного русского общества к жизни непривилегированных сословий: крестьян, духовенства, мещан, городских низов. Отражением этого был приход в русскую литературу молодых писателей-разночинцев (Г.И. Успенский, В.М. Гаршин, Н.Г. Помяловский, А.И. Левитов, П.И. Мельников (Андрей Печерский) и др.) со своей народной тематикой. В романах, повестях, рассказах 1870 – 1880-х годов из дворянских гостиных жизнь переместилась в крестьянские избы и городские окраины.

А.Н. Пыпин справедливо отмечал в «Истории русской этнографии», что собирание этнографического материала приняло в России 1860 –1880-х годов грандиозные размеры¹.

Огромная роль в становлении этнографической науки в России принадлежит созданному в 1845 году Русскому географическому обществу, в деятельности которого этнография заняла важнейшее место. Отделение этнографии РГО сразу развернуло широкую планомерную работу по организации исследований всех народов страны.

С самого своего возникновения РГО распространяло в провинции большое количество специализированных программ (этнографических, статистических, географических), ориентирующих местных любителей на сбор научных сведений по определенной системе. Значительная часть этих программ и опросников распространялась через губстаткомитеты.

---

¹ Пыпин А.Н. История русской этнографии... С. 33.

В адрес Общества стало поступать со всех концов России огромное количество оригинальных статей и описаний в виде ответов на вопросники, обзоров и самостоятельных сочинений по истории и культуре родного края, в большинстве из которых имелась значительная доля этнографического материала.

С 1860-х годов часть такого рода материалов оставалась на местах (в губстаткомитетах) и публиковалась в местной печати. Складывался своеобразный тип краеведческой работы со смешанным содержанием исторического, этнографического и статистического материалов на узколокальном материале (село, деревня, небольшой город, уезд).

В 1867 году РГО рассыпает по статкомитетам «Программу для сборания народных юридических обычаев», которая состояла из трех групп вопросов: А. Гражданское право; Б. Уголовное право; В. Общественный суд и расправа. В свою очередь, первая группа вопросов делилась на следующие блоки: 1. Право семейное; 2. Юридические отношения членов семьи вообще; 3. Опека и попечительство; 4. Способы приобретения собственности; 5. Клад и находка; 6. Дарение; 7. Договоры и сделки. Вторая и третья группа вопросов на подобные блоки не делились. Всего в анкете было помещено 56 вопросов. Ответы на неё давали полную картину уклада жизни того или иного населенного пункта¹. Часть этих анкет сохранившихся в фондах Русского географического общества и по сей день служат источником для историков и этнографов².

С 1872 года РГО предпринимает шаги к составлению этнографической карты России. На местах активизируется работа по составлению этнографических карт губерний. Значительная работа велась по изучению этнографии финно-угорских народов: мордвы, марийцев, удмуртов и др. В 1870 – 1890-е годы был собран огромный фольклорный материал.

---

¹ ГАПО. Ф. 9. Оп.1. Д.152. Л.л. 2 – 19 об.

² См., например: архив Русского географического общества: разряд 28 – Пензенская губерния.

Процедура прохождения программ и опросников на местах была уже хорошо отработана. В 1876 году всеми ГСК получен циркуляр согласно которого они должны были помочь известному исследователю финно-угорских языков Д.П. Европеусу в сабирании сведений о распространении финно-угорских народов в пределах России в древности. Для этого ему необходимо было собрать огромный топонимический материал по каждой губернии отдельно: названия гор, холмов, утесов, пещер, оврагов, лесов, болот, трясин, полей, озер, рек, ключей... ЦСК предлагал губстаткомитетам поддержать Д.П. Европеуса и собрать списки нужных географических названий. ГСК должны были сами решить «... через волостные ли правления или при содействии сельских священников, учителей или других лиц, знакомых с краем, им действовать»¹.

Таким образом, статистические комитеты не просто организовывали распространение присылаемых им вопросников и программ в уездах губерний и пересылку материалов, а активно участвовали в научно-исследовательском процессе, осваивая новые методики. Принципиально важно, что комитеты выступали не просто поставщиками первичной фактической научной информации, но, публикуя массовый материал по истории, этнографии, археологии края, организовывали формирование источниковых комплексов на местах.

Следует отметить, что программы и вопросы по определенной тематике порой совершенствовались и перерабатывались РГО на протяжении многих лет. Так, составленная в 1864 году Н.В. Калачовым (председателем отделения этнографии РГО в 1860 –1865 гг.) программа по сабиранию народных юридических обычаев (представлена нами выше) была напечатана в 6-м томе «Этнографического сборника» и «Губернских ведомостях» и, будучи разослана по России, дала очень интересный массовый материал,

---

¹ Нижегородский сборник. СПб., 1906. Т. 8. Отдел 2. С. 637 – 638.

отложившийся и опубликованный как в столицах, так и на местах. В 1870 – 1880-е годы переработанные и дополненные новые варианты этой программы неоднократно рассыпались по статистическим комитетам. С целью лучшего исследования всего комплекса проблем, связанных с этой тематикой, при отделении этнографии РГО была создана специальная Комиссия для собирания народных юридических обычаев.

Многие программы ГСК не были только этнографическими, но в них присутствовал этнографический аспект. Думается, что это связано с нацеленностью обязательных работ статкомитета на изучение современного состояния губернии, ее экономики, культуры, населения. Бытовая сторона жизни разных слоев общества в той или иной форме отражалась в многообразных статистических материалах. Так, например, в 1880 году Саратовским губстаткомитетом была разработана специальная программа «Для исследования отдельных местностей губернии», на осуществление которой были привлечены учащиеся Мариинского земледельческого училища, собиравшие историко-этнографические данные о своих родных селах¹.

Важной чертой этнографической деятельности статистических комитетов стало укрепление научных связей по горизонтали – между самими комитетами, обмен опытом работы. Уже с середины 1870-х годов был наложен обмен научными программами. Так, например, в 1893 году Пензенский ГСК для этнографического описания губернии использовал программу Харьковского статкомитета².

Секретарь Нижегородского губернского статистического комитета А.С. Гациский, ознакомившись с работами помощника председателя Саратовского ГСК В.Г. Трирогова (детально исследовавшего одну волость губернии), предложил сообщить план и программы этого исследования активистам комитета «... исходя из того положения, что... сложность программ и

---

¹ См., например: Поляков П. Указ. соч.

² ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 625. Л. 56.

многочисленность их крайне полезны, так сказать, для сведения и руководства лицам, имеющим время и желание работать по отечествоведению»¹.

В целом же научные интересы деятелей статистических комитетов в области этнографии формировались ведущими научными обществами страны (прежде всего отделением этнографии РГО), где эту работу возглавляли крупнейшие ученые России того времени. Академик В.И. Ламанский, много лет руководивший отделением этнографии РГО, в 1880 – 1890-е годы поставил перед последним следующие первоочередные задачи: 1) составление описания неславянских народов России с приложением этнографической карты; 2) составление описания славянских народов; 3) составление географии русского языка или обзора русской диалектологии; 4) издание, полного собрания великорусской народной лирики².

В полном объеме задачи эти решены не были, но все они нашли отражение в той или иной форме в деятельности губстаткомитетов. Очень велик вклад в постановку научно-этнографической деятельности в провинциальной России таких деятелей РГО, как Н.И. Надеждин, К.М. Бэр, Н.В. Калачов, Л.Н. Майков, В.И. Ламанский, С.Ф. Ольденбург, В.Ф. Миллер, А.А. Шахматов. Близки провинциальным краеведам были и взгляды на этнографию (характерные для РГО) известного историка Н.И. Костомарова (заместителя председателя отделения этнографии РГО в 1861 – 1866 гг., члена Саратовского ГСК), считавшего этнографию наукой о народе. По мнению этого ученого, этнограф должен быть историком современности³. Находясь в ссылке в Саратове он собирал материал о местном фольклоре, писал монографию о домашней жизни и нравах русского народа в XVI – XVII веках. Находясь в ссылке в Саратове он собирал материал о местном фольклоре, писал монографию о домашней жизни и нравах русского народа в

---

¹ Нижегородский сборник... С. 621.

² Берг Л.С. Всесоюзное Географическое общество за сто лет. М. – Л., 1946. С. 162 – 163.

³ Берг Л.С. Указ. соч. С. 146.

XVI – XVII веках. В связи с этим в 1848 году им была написана статья «Предрассудки и поверья крестьян в Петровском уезде Саратовской губернии». Затем вместе с А.Н. Пасхаловой-Мордовцевой он организовал сбор и обработку народных песен, сказок и легенд, значительная часть которых была опубликована в местной прессе, а в 1862 году они были изданы отдельной статьей¹.

Однако первыми историко-этнографическими работами в Саратовской губернии принято считать исследования А.Ф. Леопольдова о которых мы уже упоминали во втором параграфе первой главы нашей монографии.

В Пензенском статкомитете одним из первых подобной работой занялся Н.В. Прозин о котором мы уже говорили в предыдущих параграфах этой главы. В одной из первых работ «Город Краснослободск и Краснослободский уезд» он описывает мордовские села в которых бывал: Каньгуши на Мокше (ныне Ельниковский район Республики Мордовия), Кичатово и Волгапино (Ковылкинский район Республики Мордовия), Базарная Дубровка (Атюрьевский район Республики Мордовия). Причем в нем он указал на давние близкие отношения мордвы с русским народом. Как бы в продолжение данной темы краевед опубликовал в нескольких номерах «Пензенских губернских ведомостей» за 1864 – 1866 годы цикл статей «Картинки мордовского быта», где дал описание народного костюма, внешнего облика мужчин и женщин, устного народного творчества и образовательного уровня мордвы. Он одним из первых в российской этнографии показал, что «... в числе мордовских песен находится большое число русских, но переиначенных как по выговору слов, так и по самой расстановке их»².

---

¹ Костомаров Н.И., Мордовцева А.Н. Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии //Летописи русской литературы и древностей. Спб., 1862. Т. 4.

² Прозин Н.В. Картинки мордовского быта //ПГВ. 1864. №№ 89, 90. 1865. №№ 39, 40, 1866. №№ 23, 24..

27 октября 1865 года Н.В. Прозин опубликовал в «Пензенских губернских ведомостях» большую статью «Простонародные песни Краснослободского уезда», по поводу которой современный мордовский фольклорист Л.С. Кавтаськин писал, что собранные там произведения «... интересны не только своим глубоким содержанием и высокой художественностью, но и тем, что они в значительной мере установили влияние русской народной поэзии на мордовскую одному из важных факторов развития и обогащения всего мордовского творчества»¹.

Член Тамбовского губернского статистического комитета И.И. Дубасов также стоял у истоков мордовской этнографии. В 1880 году в «Тамбовских губернских ведомостях» он опубликовал «Историко-этнографический очерк о мордве, населяющей Тамбовскую губернию»². Это направление научной деятельности краевед продолжил и в «Очерках из истории Тамбовского края». В них он уделил большое внимание материальной и духовной культуре мордовского народа. Так, в главе «Тамбовская колонизация и её деятели» приводится легенда об основании города Нижнего Новгорода и мордовская историческая песня, относящаяся ко времени Ивана Грозного. Причем, трактуя последнюю, краевед пришел к выводу: «С тех пор укрепилась нравственная связь мордвы с Москвою, так что к концу XVI столетия русский элемент в нынешней Тамбовской губернии уже бесспорно господствовал над всеми местными инородцами... и в то-то время из её (мордвы – В.П.) среды, под московским покровительством, вышло несколько служилых дворянских фамилий: Разгильдеевы, Запалатовы, Бурнашевы, Молчановы, Бердяевы, Сазоновы и Чекашевы...

Несмотря на московское покровительство, мордва все-таки была племенем покоренным, вследствие этого она должна была уступить старые свои места победителям... Отступление мордвы перед грозно надвигавшейся русскою

---

¹ Савин О.М. Живая память... С. 45.

² Дубасов И.И. Историко-этнографический очерк о мордве, населяющей Тамбовскую губернию //ТГВ. 1880. № № 52, 53.

силою отмечено ясно и пунктуально названиями тех сел и урочищ, которые от Тамбова и до теперешних мордовских селений Спасского уезда идут почти беспрерывно...»¹.

Отдельную главу «Миссионерство в Тамбовских пределах» Иван Иванович посвятил христианизации мордвы. В этом процессе автор видит лишь положительные моменты. Исследователь отмечает, что с помощью правительственные льгот вся мордва была обращена в православие и это благоприятно сказалось на её культуре.

Как мы уже говорили выше, этнографический аспект имелся и в деятельности Московского археологического общества. В списках вопросов, рассылаемых перед археологическими съездами в провинциальные центры, отражались вопросы русской колонизации, этнографии финно-угорских и других народов России, диалектологии, фольклора.

Помимо организации исследовательской и собирательской этнографической деятельности на местах губстаткомитеты стали также центрами пропаганды этнографических знаний во всех слоях общества. Наглядно это проявилось в их деятельности по подготовке научных выставок. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) стало инициатором очень интересной формы работы в России – публичных научных выставок. Подобно археологическим съездам научные выставки смогли организовать и объединить широкую провинциальную общественность, стали исключительно удачной формой работы в области этнографии. Первая этнографическая выставка прошла в Москве в 1867 году, затем в 1872 году там же состоялась Политехническая выставка, и в 1879 году была проведена Антропологическая выставка в помещении московского Манежа.

Значение этих выставок заключалось в том, что они знакомили с современной наукой провинциальных краеведов-любителей, стали полем

---

¹ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С. 300 – 301.

исследовательской деятельности лучших ученых России того времени, обеспечивали междисциплинарные контакты. ОЛЕАЭ широко использовало правительственную поддержку, а в сборе экспонатов и коллекций для выставок активно действовало через статкомитеты.

С течением времени менялся уровень этнографических работ, их проблематика, рос профессионализм местных авторов. Если в 1860-е годы основная масса этнографических материалов – это описания, созданные чаще всего по программам и вопросникам, то в 1890-е годы в провинции издаются уже специальные этнографические монографии. К ним можно отнести работу А.И. Троицкого «Народные песни Пензенской губернии». С помощью семинаристов он собрал свыше 200 песен, которые были записаны в селах: Константиновка Пензенского уезда, Аришка Городищенского уезда, Алексеевка Керенского уезда, Ямщина Инсарского уезда, Посопная Пелетьма и Трескино Мокшанского уезда, Качелаево Наровчатского уезда, Поляны, Студенка, Обвал, Сулак, Крюковка, Балкашино Чембарского уезда, Пурдошки, Ельники, Обронное, Базарная Дубровка Красносlobодского уезда и в городе Наровчате. Собранный материал был сгруппирован по разделам: «Песни обрядовые», «Свадебные песни», «Семейные песни», «Бытовые песни», «Игорные, хороводные и шутливые песни»¹.

Аналогичную работу осуществил и член Пензенского губернского статистического комитета священник Н.П. Барсов, который был известен как собиратель мордовского фольклора. Записи Мордовских песен были изданы под заголовком «Бытовые и исторические песни мордвы-мокши» в «Сборниках» комитета (1895 и 1905 гг.). Николай Петрович поддерживал деловое сотрудничество с Финно-угорским научным обществом, куда был избран в 1892 году за работу «Образцы мордовских загадок»².

---

¹ Троицкий А.И. Народные песни Пензенской губернии //Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Пенза, 1905. Вып. VI.

² Тюстин А.В. Исполнен долг, завещанный от бога... История пензенского церковного краеведения //Краеведение. Пенза, 1997. № 2. С. 27.

В какой-то мере итоговой можно считать работу «Краткий этнографо-статистический очерк Пензенской губернии», изданную в 1901 году статкомитетом. В нем приводились статистические сведения о народах проживающих на территории губернии. Ценно то, что в «Очерках» были приведены сведения об «инородцах» по уездам, перечислены татарские и мордовские селения как «без примеси русского населения», так и с «примесью»¹.

К концу изучаемого периода происходят изменения в составе авторов этнографических работ. Если для 1850 – 1860-х годов наиболее характерной и массовой была фигура сельского приходского священника, автора «описания» родного села и уезда, то начиная с 1890-х годов основная часть авторов местных исследовательских работ по этнографии – это учителя, юристы, врачи, чиновники.

Способствовало росту исследовательских навыков местных авторов и то, что этнографические работы печатались в изданиях статкомитетов в отдельных этнографических разделах. Раздел в таком случае выглядел достаточно цельно, порой работы дополняли друг друга.

Но мы должны отчетливо представлять, что появление широкого круга исследователей-этнографов стало возможно благодаря той огромной первичной собирательской работе, которую проводили в Российской провинции еще более многочисленные любители-этнографы, жившие в уездных центрах и селах, работавшие, кстати, безвозмездно. «Едва ли в другой европейской стране, – подчеркивал академик В.Ф. Миллер, – этнография так мало обременяет государственный бюджет, как в нашем отечестве»².

---

¹ Краткий этнографо-статистический очерк Пензенской губернии //Справочная книга Пензенской губернии на 1901 год. Пенза, 1902. С. 61.

² Берг Л.С. Указ. соч. С. 167.

Организаторы этнографических исследований на местах – секретари губстаткомитетов и местные исследователи-этнографы, столичные ученые, руководители этнографических отделов научных обществ – стали широко известны в своих губерниях, а порой и во всей России. К ним мы относим Д.Н. Анучина, К.М. Бэра, Н.В. Калачова, В.Ф. Миллера, В.И. Ламанского, А.А. Шахматова, Е.И. Якушкина, Н.И. Костомарова, а также А.Ф. Леопольдова (Саратов), И.И. Дубасова (Тамбов), Н.В. Прозина (Пенза), А.И. Троицкого (Пенза), Н.П. Барсова (Пенза) и многих других.

Таким образом, основными направлениями этнографической деятельности губернских статистических комитетов являлись: 1) участие и содействие в работе центральных научных обществ и учреждений (прежде всего РГО) путем сбора в губерниях по присланным программам и вопросникам первичного этнографического материала; 2) участие в научных выставках представляя на них этнографические коллекции и материалы из своих губерний; 3) широкая просветительская работа путем публикации в провинциальных изданиях («Губернских ведомостях», изданиях статкомитетов) этнографических статей и материалов самого разного уровня – от простейших «описаний» до серьезных научных исследовательских трудов; 4) массовое формирование любителей-этнографов из представителей провинциальной разночинной интеллигенции, духовенства, учителей, врачей, юристов, чиновников; 5) формирование ценнейшего комплекса опубликованных источников по этнографии местного края.

II.4. Издательская деятельность губернских статистических комитетов.

Издательская деятельность была едва ли не важнейшим видом научной работы статистических комитетов России. Направленность всех изданий статкомитетов – историко-краеведческая широкого профиля. Большинство исследований комитетов, а также работы провинциальных историков, археологов, этнографов-любителей помещались в периодических изданиях

ГСК. Их можно условно разделить на шесть групп. Первая – это публикации, освещавшие текущую деятельность комитетов: «Отчеты», «Протоколы», «Журналы» заседаний, юбилейные издания к датам. Они выходили тиражом 50 – 100 экземпляров и распространялись только между членами комитета, иногда пересылались другим комитетам, научным обществам и учреждениям, с которыми существовали отношения обмена изданиями¹. Такого рода публикации являются ценнейшим историческим источником о деятельности губстаткомитетов, но плохо сохранившимся. В центральных хранилищах и библиотеках имеются лишь разрозненные случайные экземпляры этих изданий. Даже на местах, в государственных архивах Пензенской, Саратовской и Тамбовской областей и библиотеках областных центров не сохранилось почти нигде полных комплектов такого рода изданий.

Вторую группу изданий составляют «Обзоры» губернии, прилагавшиеся ежегодно к всеподданнейшему отчету губернатора, и статистические материалы (таблицы) для Центрального статистического комитета и Министерства внутренних дел – бывшие обязательными работами статкомитетов. Они издавались тиражом 100 – 200 экземпляров для служебного пользования и оседали в основном в государственных учреждениях. Это бесценный материал для исторической демографии, экономики России второй половины XIX века.

Третья группа изданий является широко распространенной и очень значительной по объему содержащегося здесь научно-исторического материала. Это – «Памятные книжки» и «Адрес-календари», «Справочные книги» издававшиеся тиражом от 300 до 1500 экземпляров и содержавшие результаты «обязательной» и «необязательной» деятельности комитетов: исторические, археологические, этнографические, статистико-

---

¹ Комарова И.И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов... С. 95.

географические описания и исследования, а также многообразный актовый и разнообразный архивный источниковый материал.

Четвертая группа изданий (также основная для нас) включает «Сборники», издававшиеся тиражом от 300 до 1000 экземпляров, в которых печатались результаты научно-исследовательской работы комитетов. Чаще всего это целостные оригинальные научные издания, в которых идет развитие определенной тематики и проблематики, характерной для более или менее постоянного круга авторов данного комитета. В этих изданиях отсутствует официальный отдел и наглядно отражены особенности исторического развития определенного региона. Следует отметить, что если «Памятные книжки» издавало (пусть не всегда регулярно) большинство статистических комитетов России, то периодические сборники научных трудов такого рода издавались менее чем в половине статкомитетов страны. Пензенский, Саратовский и Тамбовский комитеты относились к лучшей их половине, правда, не всегда регулярно, но «Сборники» издавали.

К пятой группе изданий можно отнести неофициальный отдел «Губернских ведомостей». Здесь публиковались материалы, освещавшие текущую жизнь комитетов, а также исторические работы их членов и более широкого круга историков-любителей в губернии. Нередко статьи, отчеты, изданные в «Губернских ведомостях», печатались и отдельными брошюрами (используя старый набор) в 30 – 100 экземпляров для служебных целей и в качестве гонорара авторам.

Шестая группа изданий статистических комитетов – это отдельные издания исторических, археологических, этнографических и других научных брошюр и книг. Они издавались в основном также небольшим тиражом – от 100 до 1000 экземпляров и крайне нерегулярно. Нередко ГСК просто помогали авторам издать свои труды предоставлением издательского разрешения и финансами.

Многие издания ГСК становились библиографической редкостью сразу после выхода в свет. Яркое свидетельство тому библиография изданий

статистических комитетов, составленная В.И. Межовым¹ через 13 лет после начала активной издательской деятельности комитетов, на материалах столичных и частных библиотек. Некоторые издания сохранились в единичных экземплярах, перешли по значимости в разряд архивных источников. К таким можно отнести второй выпуск «Сборника Пензенского губернского статистического комитета», который не сохранился ни в одной библиотеке Пензы.

С целью раскрытия механизма издательской деятельности ГСК проанализируем формирование неофициального отдела «Губернских ведомостей», состава «Памятных книжек» и сборников научных трудов. Комитеты устанавливали иерархию материала, шедшего через них в «Губернские ведомости» и «Памятные книжки». Деление на практике было достаточно условно. Помимо небольших информативных краеведческих заметок в «Ведомостях» печатались и большие работы исследовательского характера. Иногда после «Ведомостей» последние публиковались и в «Памятных книжках». Как мы уже говорили в параграфе первом данной главы, секретарь губернского статкомитета нередко совмещал также должность редактора неофициального отдела «Губернских ведомостей», что позволяло ему успешно публиковать поступающие в комитет с мест материалы. На наш взгляд, в Пензенском ГСК наиболее успешно с этой работой справлялся Н.В. Прозин.

Пензенский губернский статистический комитет практиковал издание статей из «Пензенских губернских ведомостей» отдельными брошюрами на продажу. Так, например, статья Н.В. Прозина «Краткий исторический очерк Пензенского края» кроме «Ведомостей» была издана в 1868 году отельной брошюрой в качестве приложения к «Памятным книжкам Пензенской губернии за 1865, 1866 и 1867 годы».

---

¹ Межов В.И. Библиографические монографии: Труды Центрального и губернских статистических комитетов: Библиографический указатель. СПб., 1873. Т.1.

Уже в 1860-е годы «Памятные книжки» стали своеобразным показателем и критерием работоспособности ГСК. В это время сложилась не жестко единая, но достаточно схожая в своих основных элементах структура состава «Памятных книжек», «Справочных книжек» и «Адрес-календарей» различных губерний. Как мы уже говорили в первом параграфе данной главы, обычно эти издания состояли из официальной и неофициальной частей. Причем их направленность в основном зависела от редактора – секретаря комитета. В изучаемый период большинство губстаткомитетов России более или менее регулярно издавало «Памятные книжки» или «Адрес-календари». Лучшим библиографическим указателем по изданиям губстаткомитетов России (в том числе и по «Памятным книжкам»), к сожалению неполным и незаконченным, являются три выпуска указателя И.И. Комаровой¹. Автор справедливо отмечает, что «Памятные книжки», «Труды» и другие издания статкомитетов являются одним из наиболее содержательных источников по истории, археологии, этнографии и культуре своего края.

По данным Центрального статистического комитета, в 1874 – 1883 годах «Памятные книжки» издавались 23 губстаткомитетами. Из них 2 комитета издавали их ежегодно, 7 комитетов издали «Памятные книжки» за это время 3 – 5 раз, а 14 комитетов – лишь 1 – 2 раза. Отдельно зафиксированы «Адрес-календари» и «Календари», которые издавало 14 ГСК, причем 1 – 2 выпуска их сделало 9 комитетов². Существенных различий между этими изданиями («Памятными книжками» и «Адрес-календарами») не было, поэтому в одних и тех же губерниях название издания могло меняться. Таким образом, всего в 29 губерниях России (из 50 европейских губерний) имелись эти издания в 1874 – 1883 годах.

---

¹ Комарова И.И. Предпроектные исследования в строительстве. М., 1988 – 1990. Вып. 1 – 3.

² Обзор статистической деятельности за 1874 – 1883 годы: а) губернских и областных комитетов; б) земских; в) городских и других общественных и сословных учреждений. – СПб., 1884. С. 12 – 26.

Как правило, в «Памятных книжках» и «Адрес-календарях» в особом отделе помещались исторические, археологические и этнографические материалы. Структура издания в основном зависела от редактора и составителя (секретаря комитета), хотя содержание и программы «Памятных книжек» контролировались Министерством внутренних дел, в ведении которого были статкомитеты. В 1880 – 1890-е годы «Памятные книжки» окончательно сформировались как обязательные и долговременные издания большинства ГСК. По данным В.А. Бердинских Пензенский, Саратовский и Тамбовский губстаткомитеты издавали их регулярно¹. В значительной мере регулярное издание «Памятных книжек» было показателем активности губстаткомитета, наличия у него общественного актива.

Периодичность издания «Памятных книжек», «Справочных книжек», «Адрес-календарей» не была слишком частой. Первым, из трех рассматриваемы нами статкомитетов, «Памятные книжки» стал выпускать с 1858 года Саратовский губернский статистический комитет². По предложению члена Саратовского комитета Н.Ф. Хованского с 1890 года стали издаваться «Адрес-календари»³. С 1861 по 1894 годы Тамбовский губернский статистический комитет выпустил семь «Памятных книжек», а с начала 1900-х годов он стал издавать «Адрес-календари»⁴. Первая «Памятная книжка» Пензенского губернского статистического комитета была выпущена 1864 году. До 1911 года вышло 11 книжек. «Справочные книги Пензенской губернии» издавались в 1892, 1893, 1894, 1899, 1901 (в двух томах), 1902 (в двух томах), 1913 годах. «Адрес-календари» издавались в 1854, 1858, 1869, 1884, 1891, 1893, 1895, 1898 годах. По подсчетам пензенского краеведа А.В.

---

¹ Бердинских В.А. Уездные историки... С. 123.

² Энциклопедия Саратовского края... С. 500.

³ Отчет Саратовского губернского статистического комитета за 1890 год. Саратов, 1891. С. 3.

⁴ Черменский. П.Н. Краеведческая работа в Тамбовской губернии в дореволюционное время //Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. Тамбов, 1925. № 1. С. 7.

Тюстина с 1854 по 1913 год в Пензенском комитете всего вышло 20 изданий памятных, справочных книг и адрес-календарей¹.

Сам тип этих публикаций как справочного энциклопедического издания о губернии стал со временем привычен и необходим провинциальному служащему и местному интеллигенту.

Издание хронологических или персонифицированных материалов по истории местной администрации и епархии (сведения о воеводах, наместниках, губернаторах, архиереях) за длительный период времени было широко распространенным явлением. По мысли авторов, именно с такого рода работ следовало начинать составление исторического описания губернии. Мы можем выделить в содержании «Памятных книжек» следующие основные группы научных материалов: 1) исторические акты, летописные и другие источники в основном XVI – XVIII веков, документальный материал позднейшего времени; 2) исторические описания приходов, сел, волостей, городов и уездов, где собственно исторический материал представлял своеобразное обязательное введение с нередким использованием архивных материалов из местных церквей и светских учреждений; 3) исследовательские статьи по истории управления краем, церковной истории, о выдающихся деятелях прошлого, имеющих отношение к данному краю, истории образовательных учреждений, дворянских родах, по проблемам культуры в провинции, политической и экономической жизни; 4) археологические материалы; 5) фольклор; 6) этнографические работы; 7) работы статистического и географического характера; 8) литературно-публицистические статьи и заметки.

Круг постоянных авторов «Памятных книжек», «Справочных книжек» и «Адрес-календарей» – это подготовленные деятельностью статкомитета и самообразованием в течение нескольких десятилетий местные исследователи. Большинство из них работали вполне профессионально, хотя

---

¹ Тюстин А.В. «В любви к Отечеству потомков назидая...»... С. 8.

по основному роду своих занятий всю жизнь оставались священниками, учителями, чиновниками, земскими служащими, врачами, юристами, т.е. были историками-любителями. Круг любителей местной истории, из которого они вышли, был значительно более широк. Перечислим авторский актив этих изданий: в Пензе это М.С. Киевский, А.И. Масловский, В.Х. Хохряков, А.Ф. Селиванов, Г.П. Петерсон, А.Б. Вайнберг, А.А. Полторацкая, Н.В. Прозин, В.М. Терехин и В.П. Попов: в Саратове – А.Ф. Леопольдов, А.Н. Минх, Д.Л. Мордовцев, В.Г. Трирогов, А.И. Шахматов, Ф.Ф. Чекалин; в Тамбове – С.А. Березнеговский, И.И. Дубасов, А.Н. Норцов, П.И. Пискарев и многие, многие другие.

Издания ГСК находились на основах самоокупаемости. Отсутствие платы авторам статей (им выдавали лишь несколько печатных оттисков статей) и льготы в типографии позволили значительно их удешевить. Такая практика была широко распространена в России 1860 – 1890-х годов, и великий князь Георгий Михайлович в 1887 году, желая иметь в своем минц-кабинете все изданное в провинции по археологии и нумизматике, обратился в статкомитеты с ходатайством выслать по одному экземпляру изданных там такого рода брошюр, т.к. «... известно, что многие скромные труженики, страстно преданные делу русской археологии, помещают свои посильные труды в местных губернских ведомостях, довольствуясь вместо гонорара получением печатным оттиском своих статей»¹.

С целью более оперативного издания материалов статкомитетов был значительно облегчен порядок прохождения ими цензуры. В циркуляре министра внутренних дел от 9 ноября 1860 года говорилось: «Признав неудобным существовавший доселе порядок цензирования «Памятных книжек», по которому книжки представлялись на рассмотрение столичных цензурных комитетов, и в видах облегчения способов к своевременному их изданию в свет, я входил в сношение с Главным управлением цензуры о том, не найдет ли оно возможным поручить цензирование означенных книжек тем

---

¹ Цит по: Бердинских В.А. Уездные историки... С. 188.

же самим лицам, на которые возложено в каждом губернском городе рассмотрение неофициальной части Губернских ведомостей...»¹. В городах, где не было особых цензоров, а таких было большинство, их функции выполняли инспектора народных училищ и преподаватели гимназий. Передача им цензорских прав значительно облегчила издание «Памятных книжек» в губерниях. Впоследствии с началом издания на местах «Сборников» и других изданий губстаткомитетов на них автоматически был распространен порядок цензирования «Памятных книжек».

Вместе с тем министр внутренних дел в упомянутом циркуляре требовал заранее высыпать в министерство программы запланированных к изданию «Памятных книжек» и по три экземпляра изданных книг. Кроме того, с 1904 года статкомитеты должны были отправить обязательный экземпляр любого издания в Центральный статистический комитет².

Причём в годы Первой мировой войны требования к изданиям статистических комитетов были ужесточены. Об этом говорит «Циркуляр Департамента полиции, устав профессионального союза курьеров и других подобного рода служащих Пензенских государственных, общественных и частных учреждений» по которому «... требовалась обязательная высылка Пензенским статистическим комитетом, издающихся в губернии ежегодников, справочных книг, отчётов и других официальных изданий в Департамент полиции»³.

Как уже говорилось выше, «Памятные книжки» издавали почти все статкомитеты России, «Сборники» же издавались примерно лишь в половине губерний страны. В подготовке и выпуске в свет такого рода изданий ключевая роль принадлежала также секретарям комитетов, которые были редакторами-составителями этих книг.

Как уже отмечалось в первом параграфе данной главы, «Сборники статистические по Тамбовской губернии» издавались с 1861 по 1914 год, а с

---

¹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 304. Л. 76.

² ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 662. Л. 2.

³ Там же. Д. 768. Л. 1.

1903 года они стали называться «Сборники-календари». Причем первый сборник готовило 99 авторов в число постоянных авторов входили известные тамбовские краеведы И.И. Дубасов, А.Н. Норцов и В.Н. Дьяков, Н.Н. Романов. «Саратовский сборник» увидел свет в 1881 году в число его постоянных авторов входили А.Н. Минх, Ф.Ф. Чекалин, А.А. Лунин, А.И. Шахматов. Первый «Сборник Пензенского губернского статистического комитета» был выпущен в 1893 году. Это издание сначала было ежегодным – второй и третий выпуски увидели свет соответственно в 1894, 1895 годах, однако последующие издавались нерегулярно: в 1899 году вышел четвёртый выпуск, в 1901 году – пятый, а в 1905 году – шестой последний.

Во введении к первому «Сборнику Пензенского губернского статистического комитета» В.П. Попов отметил, что мысль об издании таких трудов, которые полезны для изучения губернии в историческом, этнографическом, археологическом отношениях не нова. Он отмечает, что при многих губернских статистических комитетах эта работа уже осуществляется в виде издания различных сборников. Но такого нет в Пензенской губернии, т.к. не было средств на осуществление этой работы. Теперь, как отмечает автор, положение изменилось, и он надеется на распространение и развитие этого дела. Таким образом, была поставлена цель данного издания – изучение исторического прошлого своей губернии.

В число авторов пензенских «Сборников» входили А.Ф. Селиванов, Г.И. Мешков, В.М. Терехин, В.И. и Г.И. Холмогоровы, В.Х. Хохряков, Ф.Ф. Федорович, Н.П. Барсов, Н.Т. Никитин, Г.П. Петерсон и А.И. Троицкий.

Благодаря самостоятельной издательской деятельности ГСК удалось создать научные библиотеки. В частности, библиотека Пензенского комитета состояла из краеведческих изданий, как пензенских, так и относившихся к другим регионам. Уже к 1891 году она была необходимым подспорьем для краеведческого изучения губернии. Библиотека Пензенского ГСК заслуживает также внимания и как одно из первых достаточно крупных

книжных собраний в крае¹. Следует отметить, библиотека состояла из 1876 единиц хранения, в их числе около 20 рукописей. Учетно-библиографических единиц хранения было несколько больше (в один том нередко переплетались несколько отдельных изданий) – примерно чуть более 2000 экз.² Косвенные данные позволяют нам предположить, что подобные библиотеки существовали в Саратове и Тамбове.

Итак, к основным направлениям издательской деятельности ГСК мы относим: 1) публикацию материалов о текущей деятельности статкомитетов (протоколы, отчеты); 2) формирование неофициального отдела «Губернских ведомостей»; 3) создание новых типов периодических провинциальных научных изданий – «Памятных книжек» и «Сборников», заполненных историческими, археологическими, этнографическими и другими работами местных авторов (родилась массовая провинциальная научная литература); 4) формирование исследователей-краеведов из числа местных любителей старины; 5) образование уникальных по своей научной значимости краеведческих комплексов опубликованных источников и работ о каждой губернии; 6) создание научно-краеведческих библиотек.

Сравнивая же издательскую деятельность Пензенского с Саратовским и Тамбовским ГСК можно сказать словами краеведа XIX века М.С. Киевского: «... ни об одной губернии не написано так мало, как о Пензенской»³, другими словами, издательская деятельность в Пензенской губернии значительно отставала от соседних губерний.

II.5. Роль губернских статистических комитетов в пропаганде и охране памятников истории и культуры.

---

¹ См. подробнее: Шишлов С.Л. Музей Пензенского губернского статистического комитета – первый краеведческий музей Пензенской области и его руководитель В.П. Попов... С.221.

² Там же.

³ Памятная книжка Пензенской губернии на 1864 год. Пенза, 1864. С. 63.

Одним из важных направлений деятельности губернских статистических комитетов являлась охрана и пропаганда памятников истории и культуры. Охранная деятельность заключалась в коллекционировании и научном описании материалов историко-культурного значения, а также составлении списков зданий, сооружений являющихся памятниками. Пропаганда памятников истории и культуры проявлялась в создании музеев при ГСК. Коллекционирование осуществлялось с помощью полицейских управлений и волостных правлений, куда поступали «курьёзные» вещи и клады. На первых порах поступления были случайными. Позже, они легли в основу палеонтологических, археологических, этнографических и других коллекций музеев статкомитетов.

Вместе с историко-археологическими исследованиями, предпринимаемыми ГСК по своей инициативе, осуществлялись работы по заданию центральных и местных властей. Ещё в 1826 году по высочайшему повелению Николая I управляющий МВД В. Ланской разослал циркуляр гражданским губернаторам, согласно которому требовалось собрать сведения по всем губерниям о том, в каких городах есть остатки древних замков и крепостей, или других старинных зданий, и в каком они состоянии находятся¹. Это было повторено Общим наказом МВД в 1837 году², указами Синода в 1842 году³ и Сената в 1848 году⁴, наконец, закреплены особой статьей Строительного устава, утвержденного в 1857 году⁵. Однако данные законоположения фактически оставались благими пожеланиями. Потому что исполнение этих законодательных актов возлагалось на местное руководство. Губернаторы должны были докладывать в МВД о наличии памятников

¹ Архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук (ИИМК РАН). Ф. 6. Д. 52. Ч. 1. Лл. 7, 7 об.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 94. Л. 18 об.

³ Указ Синода о запрещении производить перестройку и заменять древнюю роспись старинных церквей //Охрана памятников истории и культуры в России XVIII – нач. XX вв. Сб. документов. М., 1978. С. 53.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп 6. Д. 94. Л. 18 об.

⁵ Охрана памятников истории и культуры в России... С. 63.

древней архитектуры, но они это поручали статкомитетам, которые лишь составляли списки. Полученные результаты были обработаны и изданы П. Глаголевым в Журнале МВД и в двухтомнике «Материалы для статистики Российской Империи». Часть данных осталась в комитетах и печаталась в «Губернских ведомостях». Так, например, Пензенским губернским статистическим комитетом также был составлен «Перечень достопримечательных зданий и памятников старины, имеющихся в городах и уездах Пензенской губернии».

В 1851 году предпринимается попытка по созданию Свода памятников и археологического атласа по всем губерниям России. С этой целью была подготовлена программа обследования памятников, включавшая характеристику городов, сел и деревень, обзор архитектуры монастырских и церковных зданий, а также городского зодчества: крепостей, острогов, дворцов, палат, домов; описание вооружения, одежды, убранства и др. Однако свод так и не был создан.

Как уже говорилось выше, в 1859 году было создано правительственное учреждение – Императорская Археологическая комиссия в задачи которой входило руководство археологическими исследованиями на территории государства и сбор всех обнаруженных древностей¹. В 1863 году МВД выступило с предложением о привлечении губернских и областных статистических комитетов к участию в сборе сведений о памятниках древности, поскольку состав Археологической комиссии был незначительным, а члены её были главным образом, заняты производством археологических раскопок и описанием открываемых предметов древности². Однако комитеты не спешили приступить к этой работе. Так, Пензенский губстаткомитет на это предложение откликнулся только через 19 лет. В 1882 году его председатель писал: «... согласно ходатайству председателя

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 94. Л. 20 об.

² Там же. Л. 20.

Археологической комиссии, прошу уездных исправников и Пензенского полицмейстера, сделать распоряжение, чтобы на будущее время находимые предметы древности доставлялись в Пензенский губернский статистический комитет, откуда они будут отсыпаться в Археологическую комиссию на рассмотрение, которая обязана следить за всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности»¹. Причем Пензенский ГСК в этой деятельности несколько опередил распоряжение из МВД, вышедшее 31 мая 1884 года. В нем министерство обращалось к губернаторам с просьбой: «... ни под каким видом не допускать кладоискательств и неизбежного от того разрушения памятников древности и о непременном доставлении на рассмотрение Императорской Археологической комиссии всех находимых предметов древности»².

Несколько циркуляров Министерства внутренних дел поручали губернским статистическим комитетам наблюдение за предметами, находящимися в пределах губернии частными лицами и имеющими археологический интерес. До этого циркуляром того же министерства 16 июня 1886 года за № 13 предписывалось приставам при описи имуществ доставлять перечень вещей, предназначенных на продажу с торгов и представляющих археологическую ценность, направлять в Археологический институт, архивные комиссии и статистические комитеты.

Руководствуясь этим постановлением, комитеты начали отправлять требуемые сведения в Археологическую комиссию. Так, Саранское уездное полицейское управление подало рапорт Пензенскому губернатору: «Пристав первого стана при рапорте от 14 июля 1887 года представил 598 штук древних серебряных монет, как видно татарского чекана, отобранные им от крестьян с. Малого Маресева, найденные ими в земле во время молотьбы проса. Такие же точно монеты были найдены в 1875 году по определению

---

¹ ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 439. Л. 9.

² ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 439. Л. 9.

Императорской Археологической комиссии – это монеты хановой Золотой Орды, отчеканенные в период времени 1339 – 1375 годы»¹.

За наиболее ценные находки Археологическая комиссия пересыпала через комитеты денежные вознаграждения, остальные же материалы возвращались обратно в комитеты. Так, например, Археологическая комиссия обратилась к пензенскому губернатору с следующем посланием: «Доставленные при отношении Вашего превосходительства от 12 июля 1884 года за № 46, 435 серебряных монет оказались золотоордынскими, не имеющими особенного нумизматического интереса.

Императорская Археологическая комиссия, препровождая при сем 14 металлических и 5 кредитных рублей, что составляет примерно 1/3 сверх металлической ценности клада, имею честь просить Вас о выдаче их по принадлежности»².

В 1879 году Шацкий уездный исправник прислал в Тамбовский губернский статистический комитет 780 старинных мелких серебряных монет, обнаруженных во время земляных работ крестьянами с. Лесное Конобеево³.

Кроме монет в ГСК уездными исправниками доставлялись предметы, представляющие палеонтологическую ценность. В рапорте Чембарского уездного исправника говорилось: «Крестьянином деревни Волчкова Григорием Бортниковым в р. Чембар недалеко от г. Чембар найден рог по размеру принадлежащий как надобно полагать большому допотопному животному, длиной рог 2 аршина (1 м 42 см), толщиной в основании 4 вершка (18 см), с оконечности 1 вершок, формой похож на рог быка»⁴. В 1878 году пристав с. Бакушки Шацкого уезда сообщил о находке в имении

---

¹ Там же. Д. 426. Л. 1.

² ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 426. Л. 10.

³ Аленова В.А., Мизис Ю.А. Указ. соч. С. 51.

⁴ ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 426. Л. 10.

Э.Д. Нарышкина около с. Чернояр на р. Выше остатков деревянного судна и в д. Крутые Выселки Тамбовского уезда фрагментов кожи доисторического животного¹.

Кроме того, по запросу Академии художеств через ГСК в 1886 – 1887 годах собирались сведения об архитектурных, археологических, фортификационных памятниках, а также наличие в губернии различных крестьянских промыслов и видов декоративно-прикладного искусства. Для ответов на анкету Академии художеств была привлечена широкая, но мало квалифицированная общественность, что отразилось на качестве проделанной работы. Правда, некоторые материалы публиковались в «Губернских ведомостях».

В марте 1898 года Археологическая комиссия представила в МВД предложение о необходимости создания при ГСК отделений по составлению Свода памятников и их охране².

Ещё первый председатель Археологической комиссии граф С.Г. Строганов в 1862 году обратился в МВД с предложением привлечь к участию в собирании сведений о памятниках древности ГСК. В связи с этим в 1876, 1886, 1889 годах были предприняты попытки составить полный список всех памятников древности и применять меры к их сохранению, но эти мероприятия не увенчались успехом.

В сентябре 1901 года МВД разослало по губерниям, и отдельным городам России очередной циркуляр, который требовал представить списки памятников старины³. Однако данные о состоянии памятников и методах их охраны, как правило, отсутствовали. Пензенский, Саратовский и Тамбовский губернаторы при составлении отчетов ограничивались посылкой списков

---

¹ Аленова В.А., Мизис Ю.А. Указ. соч. С. 51.

² РГИА. Ф. 1284 Оп. 186. Д. 30. Лл. 9 – 11об.

³ Там же. Д. 11. Ч. 1. Л. 14.

памятников без каких-либо описаний и обоснований их действительной исторической ценности¹.

По запросу Московского археологического общества в 1888 году через статкомитеты собирались сведения о курганах, городищах, валах, кладах и других археологических объектах и находках. А в январе 1909 года оно выдвигает проект «Правил об охране памятников старины» согласно которому Россия должна разделиться на археологические округа, но они так и не были созданы.

Сбор сведений о памятниках и коллекционирование являются первичными формами охраны памятников. Показателем активности охранной и пропагандистской деятельности статистических комитетов стал быстрый рост количества провинциальных музеев. Если в 1840-х годах в России был организован только один музей местного края, в 1850-х годах – 4, в 1860-х – 4, то с 1870-х годов кривая роста идет вверх: 1870-е годы – 8 музеев, 1880-е – 13, 1890-е – 14, 1900-е – 16². Вопросы об их создании и деятельности обычно обсуждались на заседаниях статистических комитетов.

Первым, в исследуемых нами губерниях, в 1888 году открылся музей при Саратовском губстаткомитете. Первоначально он состоял из «... из 20 названий и в 90 экземплярах, из вещей более выдающихся: череп лося, кольчуги, зуб мамонта, верхний щит, черепки, старинный меч и старинные монеты»³. Музей при Пензенском статкомитете открылся в 1891 году в его коллекцию входило 250 татарских монет «Абдулла хана, Джанибек хана, Мухаммед хана и другие, 74 римские монеты, а также части черепа и зубы мамонта, окаменелости и различные археологические предметы (наконечники стрел, древние украшения, ковши железные и медные, шпага, крест медный, форма для литья пуль и прочее)⁴. В Тамбове музей

¹ Там же. Оп. 188. Д. 99, 124, 129.

² Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1961. С. 158.

³ Отчет о деятельности и занятиях Саратовского губернского статистического комитета в 1882 году... С. 5.

⁴ Шишлов С.Л. Указ соч. С. 220.

открывается в 1896 году причем его первоначальные коллекции были аналогичными саратовским и пензенским¹.

Подводя итог сказанному можно отметить, что охранная деятельность памятников старины в России во второй половине XIX века (особенно в провинции) заключалась в коллекционировании и научном описании материалов историко-культурного значения, а также составлении списков зданий, сооружений являющихся памятниками истории и культуры. Эти мероприятия на местах проводились чаще всего по заданию из центра и гораздо реже по указанию губернских властей. На наш взгляд, эта деятельность не была успешной. Кроме составления списков дело чаще всего дальше не шло. Положительным моментом в этой работе можно считать создание музеев в российской провинции.

ГЛАВА III. ИСТОРИКИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

---

¹ Аленова А.С., Мизис Ю.А. Указ. соч. С. 51.

III.1. Секретарь губернского статистического комитета как организатор научных исследований в губернии.

В значительной мере эффективность работы статистического комитета зависела от его секретаря – опыта, заинтересованности научной работой, долговременности пребывания в должности последнего. В разных комитетах существовали длительные периоды быстрой сменяемости секретарей, когда научная деятельность была, по существу, свернута. Губернская администрация, научный актив статистических комитетов были чрезвычайно заинтересованы в стабильной долговременной работе секретаря комитета. На первом статистическом съезде в Петербурге в 1870 году присутствовало 46 секретарей губстаткомитетов, через пять лет оставили свою должность 21 человек (чуть менее половины)¹. Во многих комитетах секретари работали в течение нескольких десятилетий.

Как правило, их активная научная деятельность начиналась сразу после вступления в эту должность. По «Положению» они обязаны были иметь высшее образование. Для нас важно и то, что в большинстве губерний России статистические комитеты во второй половине XIX века оставались единственными научными центрами. В этих условиях настоящий лидер статистического комитета, чтобы широко развернуть свою работу, должен был быть не только человеком всесторонне образованным, но и хорошим знатоком местного края, человеком, преданным его интересам. Изучение местного края они считали своей миссией, основным жизненным предназначением. Скудное финансирование ГСК, невысокое жалование секретаря приводили к тому, что большого количества желающих на эту должность не было. У лучших же секретарей комитетов того времени мы видим почти религиозное, глубоко нравственное отношение к своему делу. Эти люди стояли у истоков краеведения в своих губерниях.

Между тем само определение круга их научной деятельности во многом зависело от них самих. Сюда входило (помимо обязательных занятий):

---

¹ Гациский А.С. Очерк статистических съездов в России. Н. Новгород, 1875. С. 43.

редакторская и издательская деятельность, разбор старых архивных дел и создание архива, обширные научные контакты по России и внутри своей губернии, консолидация деятельности местных историков-любителей, многообразные археологические и этнографические работы – создание музеев, участие в научных съездах и выставках, опросы и описания, а также многое другое. В значительной мере научная деятельность секретаря комитета была организаторской и инициаторской по своему характеру.

Как уже говорилось, МВД рекомендовало соединять должность секретаря комитета с должностью редактора неофициальной части «Губернских ведомостей», так как «... удовлетворительного исполнения обеих этих должностей можно ожидать только от человека образованного, возможно обеспеченного в своем материальном положении, к чему представляется способ в соединении двух окладов жалованья, не стесненного другими формальными обязанностями и поставленного в его ученно-литературной деятельности в прямой зависимости только от начальника губернии вне влияния частных губернских властей»¹. Подобная независимость положения секретаря комитета внутри губернской администрации и подчиненность его только губернатору, который формально был руководителем (председателем) статкомитета, облегчала положение первого.

Понять мировоззрение деятелей этой плеяды русской провинциальной интеллигенции невозможно без учета созданного народничеством 1860 – 1870-х годов типа «культурного работника», для которого наука и образование означали средство к поднятию народного благосостояния. Сам статистический комитет становился своеобразной научной ассоциацией, дающей выход применению незаурядных способностей и талантов одиноких в своей среде людей. Секретарь комитета придавал официальную общественную значимость работам любителей. Поэтому миссия секретаря заключалась, по мнению современников, еще и в том, чтобы объединить разрозненных местных любителей старины для масштабных работ «... по

---

¹ Нижегородский сборник. Нижний Новгород, 1861. Т. 8. Одел 2. С. 651.

изучению и разработке местной истории как основания для понимания общей русской истории»¹.

Безусловно, отсутствие навыков профессионального ученого, беспомощность научной концепции, зависимость в идейном отношении от ведущих научных обществ, сказывались в работе секретарей ГСК. Научный анализ и критический подход к собранному ими огромному источниковому материалу у большинства секретарей отсутствовал. Отсюда вынужденная установка на создание источниковой базы по истории, археологии, этнографии родного края.

И все же разнообразная научная и общественная работа многих секретарей губернских комитетов составила настоящую эпоху в истории многих губерний России. Лучшими секретарями губстаткомитетов России своего времени были А.М. Сементовский (Витебск), К.Н. Тихонравов (Владимир), Н.Г. Богословский (Новгород), А.В. Селиванов (Рязань), Н.Н. Вячеслов, Е.Т. Соловьев (Казань), В.А. Ауновский (Симбирск), А.Н. Смирнов, В.М. Борисов (Тула), П.П. Чубинский, П.С. Ефименко (Архангельск), А.С. Гацкий (Н. Новгород), Н.А. Спасский (Вятка), А.Ф. Леопольдов, Д.Л. Мордовцев, А.И. Соколов (Саратов), И.И. Дубасов (Тамбов), Н.В. Прозин, В.П. Попов (Пенза) и многие другие.

Отметим, что все перечисленные люди были не только замечательными организаторами, яркими, оригинальными личностями, но и талантливыми историками, археологами и этнографами родного края.

Рассмотрим проблемы научной деятельности секретаря губернского статистического комитета в России на конкретных биографических материалах А.И. Соколова, В.П. Попова, И.И. Дубасова.

Большое влияние на развитие краеведческой деятельности Саратовского губстаткомитета, на сплочивание вокруг него энтузиастов изучения

---

¹ Бердинских В.А. Уездные историки... С. 212.

прошлого оказал А.И. Соколов (1824 – 1893), бывший секретарем губстаткомитета в 70 – начале 80-х годов XIX столетия.

В 1841 году А.И.Соколов после окончания Пермской гимназии поступил в Казанский университет на факультет общей словесности. В университете Авдий Иванович под влиянием профессора В.И. Григоровича занялся изучением славянской поэзии. В 1845 году он подготовил работу «Краледворская рукопись и Суд Любушки», за которую по окончании университета в 1845 году получил звание кандидата словесности. Несколько позднее исследование Соколова было опубликовано в «Ученых записках» университета.¹

В 1848 году А.И.Соколов становится преподавателем истории в первой Казанской гимназии. С ноября 1849 по февраль 1850 годов он замещает В.Н. Григоровича в университете, читал курс по истории славянских наречий. В этот период он также занимается переводом польских поэтов А. Мицкевича, Ю. Залесского, В. Сырокомли.²

В 1860 году А.И. Соколов становится инспектором пензенского дворянского института, а через год – историком Самарской гимназии. С 1863 года по 1873 год А.И. Соколов занимает должность директора Саратовской гимназии.

Прослужив в ведомстве Министерства народного образования 25 лет А.И. Соколов выходит в отставку и занимается журналистикой. Он редактирует «Саратовский листок» а затем «Саратовские губернские ведомости». По словам Н.Ф. Хованского, в эти годы на страницах газет «Увидели свет много статей, посвященных изучению Саратовского края».³ Одновременно с журналистикой А.И. Соколов много времени уделяет работе

---

¹ Загоскин Н.П. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета (1804 – 1904). Казань, 1904. С. 166.

² Там же.

³ Хованский Н.Ф. Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет ее существования //Соколов В.П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886 – 1911. Саратов, 1911. С. 33.

губстаткомитета. Он привлекает к историко-статистическому изучению губернии А.Н. Минха, А.А. Лунина, Ф.Ф. Чекалина, А.И. Шахматова. В 1874 году А.И. Соколов представляет Саратовский губстаткомитет на Третьем археологическом съезде в Киеве.¹ Затем Соколов участвует в работе Четвертого археологического съезда в Казани.² К 100-летнему юбилею Саратовской губернии под его редакцией губстаткомитет выпускает первый том «Саратовского сборника». В день празднования столетия открытия Саратовской губернии 3 февраля 1881 года он прочитал в зале дворянского собрания очерк по истории Саратовского края.³

В 1881 году А.И. Соколов вновь возвращается на педагогическое поприще, заняв пост директора Мариинской женской гимназии в Саратове. В конце 80-х годов XIX в. А.И. Соколов переезжает в Казань, где принимает участие в работе Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.⁴

Двадцать восемь лет прослужил секретарем Пензенского губернского статистического комитета Владимир Павлович Попов (1862 – 1918). Уроженец Пензы он в 1886 году окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата прав. Возвратившись в родной город он поступил на государственную службу. Сначала он работал в Пензенском отделении государственного земельного банка, затем – исполнял должность податного инспектора Чембарско-Керенского участка Пензенской губернии.

Ко времени назначения секретарём комитета (23 октября 1890 г.) В.П. Попов получил широкую известность своими трудами по пчеловодству и был избран членом Общества акклиматизации животных и растений (1887), Общества сельского хозяйства Юго-Востока России, Парижской национальной академии (1890), Русского географического общества (1890),

¹ ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 290. Л.2.

² Четвертый археологический съезд в Казани. М., 1876. С.7.

³ Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 33.

⁴ Там же. С. 33.

был награждён малыми серебряными медалями двух вышеуказанных обществ (1890) и большой серебряной медалью Императорского Вольного экономического общества (1889). В 1891 году В.П. Попов удостаивается медали 3-го класса Парижской национальной академии.

Приступив к исполнению обязанностей секретаря комитета (одновременно с занятием должности младшего чиновника особых поручений при губернаторе), Владимир Павлович, в первую очередь, привёл в систему небольшое собрание археологических находок и предметов старины, рукописей, книг, оружия, положив, таким образом, начало музею при комитете. Вторым важным направлением в работе секретаря комитета была подготовка и издание справочных и памятных книжек Пензенской губернии, сборников комитета, где он также проявил свои организаторские способности, кроме того, его перу принадлежит большое число работ, которые дали ему полное право считаться одним из первых знатоков Пензенского края. К наиболее значительным его работам можно отнести: «Исторические и статистические сведения о Пензенской губернии», «Столетие типографии Пензенского губернского правления (1804 – 1904)», «Краткий исторический очерк Пензенского края», «Географический и топографический очерк Пензенской губернии», «Метеорологические народные замечания и поверья в Пензенской губернии»¹ и другие. По оценке его современника известного пензенского краеведа Г.П. Петерсона издания В.П. Попова «... составляют уже целую литературу по истории, статистике, этнографии Пензенской губернии»².

---

¹ Попов В.П. Исторические и статистические сведения о Пензенской губернии //Справочная книга Пензенской губернии на 1893 год. Пенза, 1893; Он же. Столетие типографии Пензенского губернского правления (1804 – 1904). Пенза, 1904; Он же. Краткий исторический очерк Пензенского края //Памятная книжка Пензенской губернии на 1911 – 1912 годы Пенза, 1911; Он же. Географический и топографический очерк Пензенской губернии //Там же; Он же. Метеорологические народные замечания и поверья в Пензенской губернии //Справочная книга Пензенской губернии на 1901 год. Пенза, 1901. Ч. I.

² Петерсон Г.П. К истории учреждения в г. Пензе ученой архивной комиссии...

На наш взгляд, В.П. Попов на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий был ведущим организатором краеведческого движения в Пензенской губернии. Личность Владимира Павловича представляет интерес не только как ученого-пчеловода и выдающегося пензенского краеведа, но и как определенный тип научного и общественного деятеля, повсеместно бытавший в России в то время. Местный дворянин с высшим образованием, крупный чиновник, своим социальным и служебным положением содействующий краеведческому изучению российской провинции. Однако его труды также как и А.Ф. Леопольдова не отличались оригинальностью и в основном носили описательный характер. В них не выдвигались оригинальные научные концепции, а лишь интерпретировались сведения, попадавшие в поле зрения губернского чиновника.

Секретарь Тамбовского губернского статистического комитета с 1873 по 1884 год Иван Иванович Дубасов родился 10 сентября 1843 года в д. Каргашине Спасского уезда Тамбовской губернии (ныне – Зубово-Полянский район Республики Мордовия) в семье бедного сельского священника. Когда мальчику было четыре года отец скончался от холеры, оставив семью почти без средств к существованию. Лишь трудолюбие матери позволило детям получить образование. В восьмилетнем возрасте И.И. Дубасов был отправлен в Тамбовское духовное училище, которое он блестяще закончил и был переведен в Тамбовскую духовную семинарию. В 1863 году он как наилучший ученик семинарии был отправлен за «казенный кошт» на учебу в Киевскую духовную академию, престижное учебное заведение России, дававшее обширное духовное и светское образование. В стенах академии у Ивана Ивановича зародилась и сформировалась тяга к профессии историка, выработались навыки и методы научной работы.

В 1867 году он возвращается в Тамбов, где начинает работать преподавателем словесности, истории литературы, библейской истории и

французского языка в родной семинарии. В 1872 году И.И. Дубасова пригласили на преподавательскую работу в Тамбовский Александринский институт благородных девиц – особое аристократическое учебное заведение для дворянских детей. За 12 лет работы в этом учебном заведении он приобрел известность и зарекомендовал себя блестящим педагогом. Однако весь своей педагогический и организаторский талант он смог реализовать в Тамбовском Екатерининском училищном институте, который был построен на средства обер-камергера, известного просветителя и мецената Э.Д. Нарышкина. Он то и пригласил в 1884 году И.И. Дубасова на пост директора нового института. Благодаря неутомимой деятельности его руководителя это учебное заведение за короткий срок приобрело всероссийскую известность, а его выпускники высоко котировались в народном образовании. За заслуги на педагогической ниве в 1893 году Сенат утвердил положение о присвоении ему дворянского звания. Завершил свою педагогическую карьеру Иван Иванович в должности директора народных училищ Курской губернии, куда он вынужден был уехать после конфликта с тамбовским начальством.

Ещё более ярко талант И.И. Дубасова раскрылся в организации местного краеведческого движения. Назначение его на должность секретаря Тамбовского ГСК не было случайным. Уже в 1860-е годы Иван Иванович занялся активной разработкой материалов местных и центральных архивов. Результаты его исследований публиковались во многих научно-популярных и литературных журналах, таких как «Русская старина», «Древняя и новая Россия», «Русский архив», «Исторический вестник» и ряд других.

Спектр научных интересов И.И. Дубасова определяют его публикации в период нахождения его в должности секретаря статкомитета и председателя Тамбовской губернской ученой архивной комиссии, но необходимо помнить, что краеведческие исследования он совмещал с преподавательской и редакторской деятельностью. Первая его статья «Религиозно-нравственное состояние католичества в последние три века перед реформацией» опубликованная в «Тамбовских епархиальных ведомостях» в 1871 году была,

казалось бы, далека от краеведения¹. Однако религиозно-нравственная проблема получила развитие в дальнейших публикациях уже краеведческого характера: «К биографии Тамбовского епископа Питирима и к истории местного церковного землевладения», «К истории Тамбовской духовной семинарии», «К истории Тамбовских духоборцев», «Загадочная монахиня», «Церковные просветители Тамбовского края»². Большое внимание в своем творчестве И.И. Дубасов также уделял народным движениям в Тамбовском крае³, тамбовскому чиновничеству⁴, народному образованию⁵, археологии⁶, этнографии⁷ и быту жителей губернии⁸. Как бы завершением этого этапа творчества краеведа (следующий этап, по нашему мнению, наступил с созданием Тамбовской ученой архивной комиссии), явилась обширная

¹ Дубасов И.И. Религиозно-нравственное состояние католичества в последние три века перед реформацией //ТЕВ. 1871. № 3; № 4; № 6.

² Он же. К биографии Тамбовского епископа Питирима и к истории местного церковного землевладения. Тамбов, 1872; Он же. К истории Тамбовской духовной семинарии //ТЕВ. 1876. № 13; Он же. К истории Тамбовских духоборцев //Исторический вестник. 1880. № 2; Он же. Загадочная монахиня //Исторический вестник. 1881. № 3; Он же. Церковные просветители Тамбовского края // ИТУАК. Тамбов, 1897. Вып. 41.

³ Он же. Крестьянские беспорядки в Тамбовской губернии в царствование Павла I //Древняя и новая Россия. 1877. № 3; Он же. К истории крепостного права //Там же. № 4; Он же. К истории противоцерковных движений в Тамбовской губернии //Там же. 1878. № 8; Он же. Разбои в Тамбовской губернии в 1798 г. //Исторический вестник. 1881. № 10; Он же. Чума и пугачевщина в Шацкой провинции //Исторический вестник. 1883. № 7.

⁴ Дубасов И.И. К истории отжившего чиновничества: эпизод из губернаторства Г.Р. Державина в Тамбовской губернии //Русский архив. 1878. Январь. Кн. 1; Он же. Тамбовский губернатор Гавалей и его проект Моршанской железно-конной дороги //Древняя и новая Россия. 1878. № 8; Он же. Нечто о бывших городничих //Исторический вестник. 1880. № 1; Он же. Тамбовский губернатор Бахметев и отставные приказные //Исторический вестник. 1882. № 9.

⁵ Он же. Училище земляного битного строения //Древняя и новая Россия. 1879. № 1; Он же. Историческая записка о народном образовании в Тамбовской губернии //ТЕВ. 1879. № 15.

⁶ Он же. Жуковское городище Тамбовской губернии Спасского уезда //Древняя и новая Россия. 1881. № 2.

⁷ Он же. К истории Инородческого землевладения в России (XVI – XVII в.) //Русское обозрение. М., 1890. № 3; Он же. Историко-этнографический очерк о мордве, населяющей Тамбовскую губернию //ТГВ. 1880. № 52, 53.

⁸ Он же. Холерный год в г. Тамбове 1830 г. //Русская старина. Декабрь; Он же. Тамбовские пожары в 1815 г. //Древняя и новая Россия. 1877. № 2; Он же. Истребление Темниковских лесов в начале XIX столетия //Там же. № 10; Он же. Тамбовские бытовые черты XVII века //ТГВ. 1890. № 87.

обобщающая работа «Тамбовский край в конце XVIII – начале XIX столетий»¹. Оригинальный подход к выбранной проблеме и качественное исполнение работ не могли не привлечь внимание русского историка, правоведа, археографа, архивиста, академика Петербургской Академии наук Н.В. Калачова. Благодаря знакомству и научным контактам И.И. Дубасова с ним в 1884 году второй в России в Тамбове была открыта Губернская ученая архивная комиссия. Её председателем единогласно утвердили И.И. Дубасова. Приветствуя это назначение, редакция журнала «Исторический вестник» констатировала: «Там, где во главе комиссии явится такой просвещенный деятель и страстный любитель местной старины, как г. Дубасов, дело обещает пойти прекрасно и принести хорошие плоды»².

Итак, лучшие секретари губернских статистических комитетов сумели объединить разрозненных представителей провинциальной интеллигенции – любителей местной старины в деле разностороннего научного изучения своего края. Помимо этого они смогли опубликовать их материалы в изданиях статистического комитета, инициировать многие значительные исследования в крае. Причем сами от исследовательской работы они не оставались в стороне, а находились в её гуще. Труд не всех секретарей был равнозначным, мы привели примеры лишь трех секретарей, исследуемых нами губерний. Сравнивая их краеведческую деятельность, можно сказать, что наибольшей оригинальностью, научностью и решением поставленных исследовательских задач отличался И.И. Дубасов. Секретари активно участвовали в общероссийских научных форумах: археологических съездах, научных выставках. Во второй половине XIX века, благодаря умелой координации секретарями статкомитетов исследовательской работы, идет своеобразная профessionализация актива губернских статистических

---

¹ Тамбовский край в конце XVIII – начале XIX столетий //Исторический вестник. 1884. № 8 – 10.

² П.Л.В. Рецензия на журнал Тамбовской губернской ученой архивной комиссии, 2 октября 1886 г. Тамбов, 1887 //Исторический вестник. 1887. № 5. С. 475.

комитетов. Из обычных любителей старины вырастают кадры профессионалов-краеведов, ставших костяком губернских ученых архивных комиссий и различных обществ по изучению местного края. Уже в начале XX столетия, когда почти повсеместно были открыты губернские ученые архивные комиссии, научная и культурная значимость в губернии должности секретаря статистического комитета значительно упала, т.к. выросла плеяда самостоятельных исследователей, не нуждавшихся более в опеке и координации их деятельности со стороны секретаря комитета. Уникальная миссия последнего была этим в значительной мере выполнена. Губернские статистические комитеты превратились в основном в органы сугубо административной статистики с ординарным чиновником во главе.

III.2. Историки из духовенства.

Белое (приходское) духовенство Русской православной церкви было значительным социальным слоем общества и в определенной мере частью существовавшего государственного механизма. Общественный престиж его был невысок. На него возлагались, кроме отправления религиозных треб для населения, также регистрация рождений, браков, смертей; преподавание обязательного Закона Божьего учащимся и студентам, обучение грамоте в церковноприходских школах.

В этом параграфе мы рассмотрим историков-любителей, входивших в состав приходского духовенства (в основном действующие священники). Значительное количество профессиональных историков России XIX – начала XX века, вышедших из среды духовенства, – тема, требующая отдельного исследования.

В дореформенный период духовенство было замкнутым сословием, в которое было трудно попасть и из которого сложно выйти. Среда сельского

духовенства очень близко стояла к крестьянству по происхождению, условиям быта, уровню жизни. В 1850 году с духовенства снята была обязанность учить своих детей в духовных учебных заведениях и предоставлено право учить их и воспитывать по их способностям и дарованиям. Реформы 1860-х годов повлияли и на духовенство.

В 1867 году духовные семинарии были подтянуты (по уровню образования и финансирования) к гимназиям. В 1863 году семинаристы окончившие четыре общеобразовательных класса, получили возможность поступать без экзамена в университеты, правда, в 1879 году это право было ликвидировано. В 1867 году был уничтожен существовавший порядок наследования церковных должностей путем женитьбы на дочери предместника. А в 1869 году дети всех священно- и церковнослужителей отчислялись от принадлежности к духовному званию, им предоставлялся свободный выбор профессии и право поступления на государственную службу¹. Русское духовенство было важным источником формирования творческой и научной интеллигенции России.

В 1870 году в России насчитывалось 39 402 церкви, в которых было 115 619 человек приходского духовенства (священнослужителей из них 39 656 человек, остальные – причт)². Вместе с членами семей (а семьи у них были в основном многодетные) они составляли значительную часть грамотного населения страны. В течение всего XIX века духовенство было массовым источником для пополнения чиновничего аппарата. Материальное положение последних было значительно выше дохода основной массы приходских священников. Поэтому среда провинциальных чиновников второй половины XIX века была заполнена в основном выходцами из духовенства. В любой губернии духовенство по количеству значительно превышало дворянство и чиновничество.

---

¹ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века... С. 100 – 102.

² Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840/41 по 1890/91 гг. СПб., 1901. С. 29.

Большое значение имело и то, что духовенство было не просто грамотным, а наследственно грамотным сословием, со своими ведомственными учебными заведениями, архивами, библиотеками, органами управления, традициями. Трудолюбием, выносливостью, жаждой знаний, упорством бывшие семинаристы и в университетах, и на службе значительно превосходили детей других сословий. Классическим примером здесь может служить В.О. Ключевский.

Гуманитарная направленность полученного образования, функции регистратора течения времени в приходе (рождений, браков, смертей), наличие в приходской церкви архива – все это делало приходского священнослужителя сельским историком поневоле, влияло на его мировоззрение, круг занятий. Близость и сопричастность ко всем крестьянским праздникам превращала его в определенной мере и в этнографа, превосходно знавшего все местные обычаи и обряды. В определенном смысле слова русское православное приходское духовенство было потенциально сословием историков. Массовый отклик священнослужителей на вопросы Русского географического общества середины XIX века, повсеместное активное участие в научной деятельности губернских статистических комитетов – наглядное тому доказательство. Так, например, в Пензенской губернии 11 священников были избраны действительными членами губернского статистического комитета, 23 – действительными членами Пензенской ученой архивной комиссии, 3 – членами общероссийских и зарубежных научных обществ¹.

Однако в XIX столетии единственными доступными для приходского духовенства местными научными центрами являлись губернские статистические комитеты. Во многих ГСК местные священники составляли от 20 до 50%.

---

¹ Тюстин А.В. «Исполнен долг, завещанный от бога...»... С. 21.

Говоря о тематике краеведческих работ этих авторов, можно отметить, они писали о том, что хорошо знали в окружающей жизни: исторические и этнографические описания сел, приходов уездных городов; быт окрестного населения. Во многих семьях складывались прочные краеведческие традиции, и нередкими были случаи, когда отец и сын занимались краеведением.

В этом плане характерными фигурами в пензенском краеведении являлись отец и сын Сацердотовы. Иван Иванович Сацердотов (1827 – 1891) в 1848 году окончил Пензенскую духовную семинарию, служил в храмах городов Нижнего Ломова и Пензы. Он активно сотрудничал с Русским географическим обществом, регулярно отправляя туда корреспонденции о флоре и фауне Пензенской губернии. В «Пензенских епархиальных ведомостях» опубликовал статью «Нижнеломовские духовные – уездное и приходское училища»¹.

Его сын – Михаил Иванович – родился в 1851 году, в 1873 году окончил Пензенскую духовную семинарию и преподавал во втором Пензенском духовном училище. На протяжении 14-ти лет с 1888 года сотрудничал с губернским статистическим комитетом. Его исследовательская деятельность протекала по следующим направлениям: 1. История учебных заведений здесь вышла статья: «Древнейшие учебные заведения Пензенского края»²; 2. Биографии пензенских архиереев: «Преосвященный Иоанн, епископ Пензенский и его заботы об образовании духовенства», «Преосвященный Амвросий (Орнатский) – епископ Пензенский и Саратовский»³; 3. История и жизнь пензенского духовенства: «Из рассказов духовного ветерана»⁴, «Из

---

¹ Сацердотов И.И. Нижнеломовские духовные – уездное и приходское училища //Пензенские епархиальные ведомости (ПЕВ). 1884. № 4 – 10.

² Сацердотов М.И. Древнейшие учебные заведения Пензенского края //ПЕВ. 1894. № 7, 8.

³ Сацердотов М.И. Преосвященный Иоанн, епископ Пензенский и его заботы об образовании духовенства //ПЕВ. 1885. № 1, 2; Он же. Преосвященный Амвросий (Орнатский) – епископ Пензенский и Саратовский //ПЕВ. 1890. № 13 – 16.

⁴ Он же. Из рассказов духовного ветерана //ПЕВ. 1891. № 1, 5, 6, 21, 23, 24; 1892. № 1, 5, 6.

судебных дел прошедшего столетия»¹; 4. Краеведческая библиография: «Указатель статей местного содержания, помещенных в «Пензенских епархиальных ведомостях» за 1888 –1892 годы²; 5. Светская история: «Император Александр I в Пензе»³ и другие. За свою активную исследовательскую работу в 1904 году М.И. Сацердотов был избран членом губернской ученой архивной комиссии⁴. Кстати, его сын и внук также занимались краеведением.

К энтузиастам саратовского краеведения второй половины XIX столетия относится Алексей Алексеевич Лунин (1839 – после 1906/1907). Он родился в с. Юшине Сердобского уезда Саратовской губернии в семье священника. Окончил сначала Саратовское духовное училище, а в 1862 году Саратовскую духовную семинарию. Затем служил священником в различных храмах Саратовской губернии, с 1880-х годов и до конца жизни служил священником с. Шиханы Вольского уезда Саратовской губернии. Как поэт издал «Собрание сочинений в стихах».

Краеведческие исследования А.А. Лунина нашли признание еще при его жизни, он публикуется в различных Саратовских изданиях. В выпущенном к 100-летию Саратовского наместничества «Саратовском сборнике» он поместил «Историко-статистическое описание города Петровска», а в 1882 году на страницах «Саратовских ведомостей» – серию очерков о селах Вольского уезда, описав на основе местных преданий, воспоминаний старожилов, записей в церковных книгах 28 населенных пунктов⁵. Анализ проделанной работы нашел отражение в вышедшей 1890 году статье

---

¹ Он же. Из судебных дел прошедшего столетия //Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Пенза, 1895. Вып. III.

² Он же. Указатель статей местного содержания, помещенных в «Пензенских епархиальных ведомостях» за 1888 – 1892 годы //Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Пенза, 1893. Вып. I.

³ Он же. Император Александр I в Пензе //Исторический вестник. 1893. № 9.

⁴ ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 605. Л. 2 об.

⁵ Лунин А.А. Очерки сел Вольского уезда //СГВ. 1882. № 64,65, 96,97, 98, 134, 149, 156, 179, 217,221, 223.

«Историко-статистическое описание селений Вольского уезда Саратовской губернии»¹. А.А. Лунин был принят вначале действительным членом Саратовского губернского статистического комитета, а затем членом Саратовской губернской ученой архивной комиссии.

Как мы уже отмечали, одним из первых тамбовских краеведов принято считать Стефана Абрамовича Березнеговского (1797 – 1868). В 1820 году он окончил Тамбовскую духовную семинарию и был назначен настоятелем больничной Александро-Невской церкви города Тамбова. С 1824 года он занимает должность эконома Тамбовской семинарии. На его плечи легла вся хозяйственная деятельность семинарии. Позднее, уйдя из семинарии, С.А. Березнеговский всецело отдался строительно-архитектурной деятельности. Эти обязанности он выполнял до конца жизни. Его труды на строительной ниве не остались без внимания начальства, и в 1840 году его произвели в сан протоиерея. В 1847 году С.А. Березнеговского назначили временно-присутствующим членом Тамбовской духовной консистории и вторично экономом Тамбовской духовной семинарии. В 1859 году из-за болезни он уходит с должности эконома семинарии и основное внимание переключает на строительную деятельность. Многолетня работа С.А. Березнеговского на этом поприще получила должную оценку церковного начальства в 1861 году ему был пожалован орден святой Анны третьей степени.

В этой бурной и энергичной жизни, наполненной земными заботами, немалое место занимали исторические изыскания. К ним С.А. Березнеговский пришел не сразу. Став действительным членом Тамбовского губернского статистического комитета он заинтересовался прошлым Тамбовского края. Как мы уже говорили, его первые публикации относились к 1850-м годам, где он использовал труды Н.М. Карамзина и Н.А. Полевого, исторический словарь М.А. Максимовича и А.М. Щекатова, делая из них

---

¹ Хованский Н.Ф. Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет её существования //25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886 – 1911 г. Саратов, 1911. С.20.

выписки событий и фактов, связанных с историей Тамбовского края. Поэтому они носили во многом компилятивный и эклектичный характер. Так, в публикации «Замечания о названии города Кадома» С.А. Березнеговский полемизирует с неизвестным автором по поводу названия города¹. В статье «Село Пахотный Угол» он подверг анализу документы XVIII века. Она ориентировала местных любителей на более серьезное отношение к источниковедческому анализу используемых архивных документов².

С.А. Березнеговский был одним из первых исследователей истории Тамбовской епархии. В 1861 году в «Тамбовских епархиальных ведомостях» он опубликовал обширную статью «История Тамбовской епархии», в которой проследил общую обстановку в крае до строительства здесь городов, рассмотрел географическое положение губернии и начало распространения христианства в крае³.

Говоря в целом о трудах С.А. Березнеговского можно отметить, что в них виден недостаток теоретической подготовки и специального образования, неумение критически подходить к источникам. Это был, в хорошем смысле слова, любитель краеведения, отдавший ему свои силы, энергию и досуг, впрочем, все это можно сказать и о работах Сацердотовых и А.А. Лунина.

Анализируя краеведческую деятельность пензенского, саратовского и тамбовского приходского духовенства мы пришли к выводу, что она развивалась в следующих направлениях: 1. Самая значительная часть работ касалась истории отдельных приходов, храмов и монастырей. 2. Этнографические исследования. 3. Создание библиографии. 4. Мемуарная

---

¹ Березнеговский С.А. Некоторые исторические и статистические замечания о Тамбовской губернии... С. 86 – 89.

² Он же. Село Пахотный Угол....

³ Березнеговский С.А. История Тамбовской епархии //ТЕВ. 1861. Прибавления к Тамбовским епархиальным ведомостям. Т. 1. С. 16 – 22, 43 – 55, 90 – 105, 178 – 184, 210 – 216, 265 – 270; Т. 2. С. 29 – 49, 69 – 73.

литература. Качество же публикуемых работ было не высоким, однако они создали необходимый базис для дальнейшего развития провинциального краеведения. Сегодня большинство этих публикаций перешли в категорию источников, т.к. описываемые в них события безвозвратно утеряны.

Подводя итоги, подчеркнем, что в российской провинции второй половины XIX – начала XX века белое духовенство было значительной культурной силой. Достаточно характерной для этого периода является фигура сельского священника, историка и этнографа-любителя, библиографа, члена губернского статистического комитета.

Гуманитарное образование, общественный подъем 1860-х годов, наличие постоянных организационных краеведческих центров в виде губернских статистических комитетов и «Епархиальных ведомостей», нацеленность краеведческих материалов в местной печати на деятельного читателя, стремление к большей личностной реализации, желание выйти из привычного круга занятий, влияние передовой литературы – таковы, думается, основные предпосылки обращения многих десятков приходских священников во второй половине XIX века к занятиям историей и этнографией родного края. Именно священнослужители, а, например, не купцы или мещане, оказывали повсеместную поддержку научной деятельности статистических комитетов уже в 1860-е годы.

Явление это было социально обусловленным: в селе, приходе функции официального историка, регистратора течения времени внутри небольшой общности людей возлагались именно на священника. Существование церковного архива, ведение метрических и исповедных книг, составление клировых ведомостей делало этих людей своеобразными генеалогами поневоле, сопричастными ходу истории, позволяло им свободно ориентироваться в прошлом, а, следовательно, и отделять его от настоящего, а настоящее от будущего. Будучи своими в тесном сельском мирке, они одновременно были отстранены от него своим положением и образованием и

могли взглянуть на привычные крестьянские занятия с точки зрения этнографа.

Именно эта среда приходского духовенства в условиях провинциальной России XIX века создала благоприятные условия для формирования исторического сознания. Правда, из этой же среды можно почерпнуть немало примеров косности, неприятия нового, духовной лени, неспособности к элементарному описанию – т.е. простая принадлежность к духовному сословию никого автоматически в историка-любителя не превратила. Помимо указанных нужен был целый ряд факторов субъективного характера. И все же – русскую историю в XIX – начале XX века и в центре и на местах писали поповичи со всеми вытекающими отсюда последствиями.

III.3. Историки из учительской, журналистской и чиновничьей среды.

Школа, созданная в ходе реформ, по уставу 1864 года была всесословной. В нее допускались дети всех сословий без различия звания и вероисповедания. Университетская аудитория, ранее глухо замкнутая, стала доступна для всех и наполнилась самым разнообразным составом слушателей.

Как мы уже отмечали, видная роль выпала с 1860-х годов на долю той пестрой общественной группы, которую называют разночинской. Разночинец был и раньше, но, по мере того как отходила на задний план прежняя чисто дворянская культура и быстро шел процесс демократизации знания (доступного теперь для широкого круга людей), он все более и более выдвигался на авансцену русской жизни. Именно разночинец начинает задавать тон в русской интеллигенции, вовлекая в сферу своего идейного влияния выходцев из других слоев общества.

Основная масса людей, затронутых радикальными идеями нигилизма 1860-х годов, не пошла в экстремизм (к народовольцам, нечаевцам), а стала активно работать для блага народа. Просвещение народа считалось делом

насущно необходимым. Состав учительства России значительно пополнился талантливой, думающей молодежью.

Мы должны отчетливо представлять, что количество качественных школ – государственных гимназий и прогимназий России того времени было очень невелико для такой огромной империи. Например, с 1882 по 1895 год число их увеличилось со 133 до 167, а число учащихся упало с 65 751 до 62 863 человек. В реальных же училищах к 1882 году училось лишь 17 674 человека¹.

Наиболее образованная часть учительства, получившая университетское образование и подготовленная к научно-исследовательской работе, преподавала в гимназиях. Именно на преподавателей гуманитарных предметов гимназий опирались в своей работе губернские статистические комитеты и губернские ученые архивные комиссии.

Требования же к учителям начальных школ и сельских училищ были незначительны, правда, и успехи учеников были невелики. По свидетельству Л.Д. Гошуляк, автора ряда работ по народному образованию Пензенской губернии, уровень обучения в народных училищах был весьма примитивен. Образование сводилось, в большинстве случаев, только обучению грамоте, причем, лишь небольшое число учащихся выучивалось читать, а с пониманием читали немногие из них. Каждый учитель вел обучение «по своему разумению», нисколько не подозревая о существовании каких-либо дидактических и методических правил, обязательных для учителей. Такие выводы были сделаны П.Ф. Каптеревым после анализа работы начальных школ и сельских училищ в Тамбовской губернии. Они применимы к Пензенской и Саратовской губерниям. Так, по данным Нижнеломовской земской управы в 1857 – 1867 годах в уезде обучалось 4490 детей, из которых на момент сбора сведений о них умели читать и писать 317 человек, а только

---

¹ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902. С. 643.

читать – 335, или 14,5 % учившихся. Следовательно, для оставшихся 85,5 % пребывание в школе прошло почти бесследно¹.

Как правило, такие учителя были неспособны к составлению элементарных исторических и этнографических описаний. Правда, уже к 1890-м годам в уездах появились хорошо образованные учителя, успешно занимавшиеся краеведческой работой. Тем не менее активные исследователи истории, археологии, этнографии родного края формируются в основном из учителей губернского центра.

Важную роль во многих ГСК играли инспекторы начальных училищ (входившие в их состав по должности) и директора гимназий. Нередко они увлекались краеведческой работой. Ярким примером здесь может служить инспектор начальных училищ Пензенской губернии Владимир Харлампиевич Хохряков (1828 – 1916). Он родился в Вятке, окончив там гимназию, поступает в Казанский университет. После его окончания три года работал преподавателем в Нижнем Новгороде. Затем был переведен в должность старшего учителя русской словесности и истории в Пензенский дворянский институт. Приехав в Пензу он сразу же начал активную краеведческую деятельность. Владимир Харлампиевич стал первым собирателем сведений, касающихся жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. Со временем у него образовалась большая коллекция неоценимых источников о жизни поэта.

Работая с 1871 года инспектором начальных училищ Пензенской губернии, а затем директором, основанной им же учительской семинарии одновременно он был помощником председателя Пензенского ГСК и редактировал многие адрес-календари, памятные книги Пензенской губернии. Возглавляя Пензенскую ученую архивную комиссию В.Х. Хохряков был незаменимым организатором краеведения. Он приложил

---

¹ Гошуляк Л.Д. Указ. соч. С. 140 – 141.

немало сил, чтобы открыть в Пензе историко-археологический музей и начать издание «Трудов Пензенской ученой архивной комиссии».

Кроме того, Владимир Харлампиевич вел активную исследовательскую работу. Его перу принадлежат богатые историческими фактами с тщательным комментированием использованных источников труды: «Материалы по истории г. Пензы», «Строельная книга г. Пензы», «Открытие, упразднение и восстановление Пензенской губернии», «О сторожевых чертах в Пензенской губернии (в XVI – XVII вв.)», «Материалы для истории города Пензы»¹. Однако таких энтузиастов краеведческого движения из учительской среды все же было очень мало. Учительство здесь значительно уступало духовенству.

Как это не выглядит странным сегодня, но провинциальных журналистов той поры, которые занимались бы краеведением насчитывались единицы. Один из них саратовский журналист Николай Федорович Хованский (1855 – 1920). Он родился в Саратове 1 декабря 1855 года. Свое обучение начал в Саратовской гимназии, затем перевелся в Астраханскую гимназию, но курса обучения так и не завершил. В 1870-х годах он обратился к краеведческим исследованиям со сбора материалов, касающихся «... истории Саратова и Саратовской губернии, обратив особое внимание на библиографию края и умственные силы его»². В 1881 году принял участие в составлении «Указателя и путеводителя по Саратову». В 1884 году вышла его книга «Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губернии», в которой наряду с обзорными очерками по истории края содержались 32 биографии саратовцев, оставивших заметный след в развитии литературы, науки и

---

¹ Хохряков В.Х. Материалы по истории г. Пензы //Сборник Пензенского губернского статистического комитета Пенза, 1894. Вып. 2; Он же. Строельная книга г. Пензы //Там же. Пенза, 1899. Вып. IV; Он же. Открытие, упразднение и восстановление Пензенской губернии //Там же. Пенза, 1901. Вып. V; Он же. О сторожевых чертах в Пензенской губернии (в XVI – XVII вв.) //Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Пенза, 1903. Кн. 1; Он же. Материалы для истории города Пензы //Там же. Пенза, 1903, 1904, 1905. Кн. 1 – 3.

² ГАСО. Ф. 407. Д. 448. Л. 4.

искусства страны. В этом труде было положено начало библиографии края. С 1884 по 1887 год Хованский был фактическим редактором «Саратовского дневника», где иногда помещались статьи краеведческого характера. В 1888 году при губернаторе А.И. Косиче, Николай Федорович назначается редактором неофициальной части «Саратовских губернских ведомостей». К 300-летию Саратова Хованским была написана книга «О прошлом города Саратова», а в 1893 году был издан сборник «Саратовский край», в котором были опубликованы его статьи: «Из истории печатного дела в Саратове», «Саратовские губернские ведомости» история их издания», «Саратовский листок» история его издания», «Немецкий и Коммерческий клубы в Саратове», «Саратовская летопись», «О развитии книжной торговли в Саратове». В 1911 году к 25-ти летнему юбилею Саратовской ученой архивной комиссии он составил «Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет её существования»¹.

Также в незначительной степени краеведение проникло и в чиновничью среду. На наш взгляд, это связано с тем, что преимущественное право на чиновничью службу, несмотря на реформы 1860 – 1870-х годов, по-прежнему имело дворянство. Это право проявлялось, во-первых, в льготных условиях самого поступления на службу и, во-вторых, в более быстром продвижении по службе. Ставка на дворян учитывала не только значение дворянства как социальной опоры самодержавия, но также его высокий в целом образовательный уровень и имущественную обеспеченность. Однако частная и служебная жизнь чиновника была строго регламентирована. Так, например, служащий обязан был оказывать уважение начальству и исполнять его законные приказания; он обязан также и в частном быту вести такой образ жизни, который бы не подрывал достоинства власти. Начальники обязаны были наблюдать за поведением и обхождением своих подчиненных.

---

¹ Хованский Н.Ф. Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет её существования... С. 37 – 38.

Содержание служащих определялось по чину, по должности по усмотрению начальства. Оно состояло из жалованья, столовых и квартирных денег. При выходе в отставку они получали пенсию. Каждый год составлялась общая роспись провинциального чиновничества, которая публиковалась в справочных книжках или адрес-календарях по губернии.

В силу того, что чиновничество являлось самой привилегированной категорией российского провинциального общества занятия краеведением, в отличие от остальных категорий населения России, здесь не получили широкого распространения. На первый взгляд сложилась парадоксальная ситуация один из самых образованных слоев провинциального общества не желал изучать свой край. По нашему глубокому убеждению, такая ситуация сложилась лишь в силу жесткой регламентации жизни чиновничества в которой не было места для подобного рода занятий, а не из-за консервативности или косности мышления (хотя у некоторой части это присутствовало). Хотя в силу своего служебного положения они состояли в ГСК, но выполняли ту работу, на какую им указывало начальство, т.е. на «официальную» часть деятельности комитетов к коей краеведческие исследования не относились. Поэтому лучшая часть чиновничества занималась краеведческими исследованиями лишь после выхода в отставку.

К ним с гордостью можно отнести известного тамбовского краеведа Алексея Николаевича Норцова (1859 – 1922). Потомственный дворянин, историк, генеалог, теософ, публицист, камер-юнкер высочайшего двора. Родился в имении Березовка-Сабуровка в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Родители стремились дать сыну строго кастовое, выдержанное в старых дворянских традициях воспитание. В связи с этим его отправляют в Москву на обучение в аристократическое частное учебное заведение. В 1878 году, следуя семейной традиции, он определился на службу в лейб-гусарский Павлоградский полк. В 1879 году поступил в кавалерийское училище, но его не закончил и через год был уволен полностью в запас. Затем А.Н. Норцов совершил поездку за границу, где увлекся спиритизмом, изучал историю

мистики и древневосточные религии. Был принят в члены теософических обществ Парижа и Вены.

В 1884 году он переехал в Тамбов и с этого времени начались систематические научные занятия. Не получивший фундаментального университетского образования А.Н. Норцов тем не менее отличался обширными познаниями в самых различных областях.

К собственно историческим занятиям он пришел через увлечение генеалогией. В середине 1890-х годов он получил от С.А. Панчулидзева, готовившего труд по истории кавалергардов¹ письмо с просьбой сообщить биографические сведения о его деде А.Т. Слепцове. В процессе работы А.Н. Норцов увлекся исследованием и решил написать историю своего рода. В связи с этим он стал работать в архиве Тамбовской ученой архивной комиссии и уже в 1898 году стал её членом. Энергичный, инициативный и обладавший к тому же немалыми связями он оказался в рядах научного общества как нельзя кстати, т.к. деятельность комиссии в это время, по мнению тамбовского историка Ю.А. Мизиса, замерла². Н.А. Норцов обратился к местному дворянству с разъяснением роли комиссии как собирательницы родовых документов. Этой акцией ему удалось получить некоторую сумму денег и спасти комиссию от финансового краха. Поэтому когда в 1900 году И.И. Дубасов (первый председатель Тамбовской ученой архивной комиссии) покинул Тамбов А.Н. Норцова назначают на его место. В новом качестве он продолжил работы по изучению местного исторического материала, написал несколько сочинений по истории Тамбовского края.

Говоря о краеведческой деятельности Алексея Николаевича можно сказать, что он долгое время оставался вне поля зрения советских

---

¹ Панчулидзев С.А. История кавалергардов: 1724 – 1799 – 1899. По случаю 100-летнего юбилея Кавалергардского ее величества полка. СПб., 1899 – 1912. Т. 1–4.

² Алленова В.А., Мизис Ю.А. Указ. соч. С. 97.

исследователей. По их мнению, в его работах прослеживаются ярко выраженные промонархические взгляды. На наш взгляд, это не совсем так в силу того, что в 1905 году он писал: «Наука – это единственное благородное средство удалить себя от всех партийных крайностей, даже совсем игнорировать их и сохранить тем самым свое сердце и ум для чистого и бескорыстного служения Родине»¹. По нашему глубокому убеждению, в отсутствии внимания к его личности сыграл ключевую роль авторитетный тамбовский историк П.Н. Черменский, который со всей категоричностью утверждал, что «... не обладая талантом настоящего ученого, ни мастерством изложения, Норцов был прилежным сводчиком исторического материала»². Однако сегодня мы должны признать, что А.Н. Норцов оставил заметный след в провинциальном краеведении.

Как мы уже отмечали выше, к краеведению он пришел через генеалогию. Этой проблеме посвящены две блестящие статьи «Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства» и «Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых с их ветвями»³.

Занимался А.Н. Норцов и археологией. В августе 1901 года он совершил археологическую поездку по Темниковскому уезду Тамбовской губернии. В результате проведенного исследования увидели свет статьи «Археологические особенности Тамбовского края» и «Археологическая поездка по Темниковскому уезду»⁴. Изучив один уезд у краеведа зарождается мысль создать археологическую карту всей губернии, которая и была им

---

¹ ИТУАК. Тамбов, 1909. Вып. 53. С. 13.

² Черменский П.Н. Краеведческая работа в Тамбовской губернии... С. 6.

³ Норцов А.Н. Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства //ИТУАК. Тамбов, 1902. Вып. 47; Он же. Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых с их ветвями. Тамбов, 1904. Ч. 1.

⁴ Он же. Археологические особенности Тамбовского края //ИТУАК. Тамбов, 1901. Вып. 45; Он же. Археологическая поездка по Темниковскому уезду //ИТУАК. Тамбов, 1902. Вып. 46.

реализована в 1905 году¹. В связи с археологическими работами он обследовал и «засечные черты» – оборонительные сооружения русского государства XVI – XVII веков². Близко к этим работам примыкает довольно-таки оригинальная статья «Древнейшая история Тамбовского края по греческим писателям»³.

В 1913 году А.Н. Норцов издает «Хронологию событий Тамбовского края (1198 – 1914)», а в 1915 году – «Очерки по истории Тамбовского края»⁴. По мнению П.Н. Черменского, которое в данном случае мы разделяем, Алексей Николаевич оставил фундаментальный неопубликованный труд «Историко-статистическое описание Тамбовского края» (около 418 листов), в нем дается исчерпывающая сводка опубликованного материала, относящегося к истории Тамбовского края⁵. Завершая рассказ об А.Н. Норцове мы не можем не сказать о том, что он был первым историком и историографом Тамбовской ученой архивной комиссии⁶.

В завершение параграфа хотелось бы сказать, что мы рассказали о трех наиболее ярких и талантливых краеведах из учительской, журналистской и чиновничьей среды, которые нами представлены соответственно из Пензенской Саратовской и Тамбовской губерний. Конечно, энтузиастов-краеведов было значительно больше и рассказ о них подразумевает ни одно исследование.

Подводя итог отметим, что бескорыстие и альтруизм в своих научных исследованиях были присущи большинству любителей-краеведов того

---

¹ Он же. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии //ИТУАК. Тамбов, 1905. Вып. 50. Ч.2.

² Он же. Тамбовская и Козловская сторожевая черта //ИТУАК. Тамбов, 1901. Вып. 44.

³ Он же. Древнейшая история Тамбовского края по греческим писателям //ИТУАК. Тамбов, 1901. Вып. 45.

⁴ Мордовия: Энциклопедия: В 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 108.

⁵ Черменский П.Н. Указ. соч. С.19.

⁶ Норцов А.Н. Краткий исторический очерк возникновения и деятельности Тамбовской ученой архивной комиссии 1884 – 1904. Тамбов, 1905; Он же. Краткий обзор научной деятельности за 25 лет Тамбовской губернской ученой архивной комиссии (12 июня 1884 – 12 июня 1909 г.). Тамбов, 1909.

времени. Из среды образованного чиновничества чаще всего выходили руководители и организаторы научных исследований в российской провинции. Из среды учительства, которая, по сравнению с первыми, была более многочисленна, вышли краеведы-исследователи, совершенствовавшиеся в течение многих лет в своей научной работе. Если духовенство сравнивать с учительством, то можно сказать, что первое было собирателем первичного архивного, археологического и этнографического материала, то второе – в большей степени было аналитиком. Поэтому лучшие учителя становились историками-профессионалами пусть не по роду своей основной служебной деятельности, а в силу личной увлеченности, талантливости и многолетнего самообразования.

III.4. Историки из врачей и юристов.

Изучая труды Пензенских, Саратовских и Тамбовских краеведов мы обратили внимание, что значительное количество краеведов были земскими врачами и в несколько меньшей степени мировыми судьями определенного уезда. Эти люди также как учителя и священники были подвижниками краеведческого движения в российской провинции. Любимому делу они посвящали все свое свободное время, которого у них было очень и очень мало. В этом параграфе, как и предыдущем, мы расскажем лишь о наиболее ярких и талантливых личностях, не умаляя заслуг тех о ком мы умолчали.

Чтобы понять всю сложность занятий краеведением врачей, дадим лишь краткую характеристику состояния медицины Пензенской губернии второй половины XIX – начала XX века (подобное состояние дел в медицине было в Саратовской и Тамбовской губерниях).

С 1864 года практически все медицинское обслуживание в России было передано земствам. Однако сразу изменить ситуацию в стране им не удалось. Приведем такие цифры по данным на 1865 год на всю Пензенскую губернию

приходилось только 16 уездных и городовых врачей¹. Путем организации в губернском центре курсов по подготовке фельдшеров и привлечения в губернию врачей дело с «мертвой точки» сдвинулось. По данным на 1889 год в Пензенской губернии насчитывалось уже 34 врача, 105 фельдшеров, 37 акушерок². Однако до идеала было еще далеко. На одного врача приходилось 43 тыс. жителей. При таком их количестве вести речь о достаточно высоком уровне развития земской медицины более чем проблематично. Лишь к 1914 году дело несколько улучшилось в губернии насчитывалось 110 врачей, 191 фельдшер, 66 акушеров, 43 зубных врача и дантиста³.

При такой нагрузке на основном месте работы, остается только удивляться, когда они находили время заниматься краеведением. В пензенском краеведении к таким людям относились Н.В. Прозин и Г.П. Петерсон. В силу того, что характеристика творчества Прозина нами уже была представлена в первом параграфе второй главы, мы остановимся на краеведческой деятельности Г.П. Петерсона.

Григорий Павлович Петерсон (1839 – 1909) родился в Пензе. В 1857 году окончил первую Пензенскую мужскую гимназию, затем учился в Казанском университете и Петербургской медико-хирургической академии, служил ординатором Грозненского военного госпиталя. Как врач он участвовал в Русско-турецкой войне 1877 – 1878 годов.

В 1878 году Г.П. Петерсон вернулся на родину и занял должность городового врача в городе Керенске (ныне с. Вадинск Пензенская область), однако это место он занимал недолго, т.к. вскоре перебрался к г. Канска на Енисее, где служил сельским окружным врачом. В Пензенскую губернию Г.П. Петерсон вновь вернулся только в середине 1880-х годов. Некоторое

---

¹ Евграфов Н.Р. Двадцатилетняя деятельность Пензенского земства. 1866 – 1890 гг. Пенза, 1894. С. 272.

² Там же. С. 335.

³ Обзор Пензенской губернии за 1914 год. Приложение к отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1915.

время он служил уездным врачом в Керенске, затем Инсаре (ныне г. Инсар Республика Мордовия), а с 1887 года обосновался в Саранске.

На родине Григорий Павлович помимо своей основной работы с головой окунулся в изучение истории края. Он налаживает контакты с местными краеведами. «Изучение местной истории – писал Г.П. Петерсон, – и собирание исторических данных до сих пор производились у нас под ведением статистического комитета»¹. Первые работы краеведа, принесшие ему успех, вышли под эгидой комитета. Они были опубликованы в губернских ведомостях и сборниках статкомитета. В 1885 году последовало приглашение к сотрудничеству со стороны Тамбовской ученой архивной комиссии, в ответ на которое Г.П. Петерсон выслал в Тамбов 14 столбцов документов XVII века. В 1887 году его избирают действительным членом Тамбовской ученой архивной комиссии², а в 1888 году – действительным членом Пензенского губернского статистического комитета.

Г.П. Петерсон многое сделал для становления пензенского краеведения, активно сотрудничая с краеведами. В Саранске он привлек к краеведческой работе учителя Н.К. Остромецкого, ставшего большим знатоком документов Саранского архива. Тесные связи он поддерживал и с уже упоминавшимся нами, М.И. Сацердотовым, который принял активное участие в разборке Саранского архива. Предварительные итоги этой работы были проанализированы в совместной статье «Решение Статистического комитета о результатах разборки Саранского архива»³.

Творческое наследие Григория Павловича велико, тематика его публикаций весьма разнообразна. Но прежде он краевед-архивист. Практически все его работы написаны на основе извлечений из

---

¹ Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Пенза, 1903. Кн. 1. Официальная часть. С. 33.

² Юрченков В.А. Григорий Павлович Петерсон (1839 – 1909) //Петерсон Г.П. Страницы истории. Саранск, 1993.

³ Петерсон Г.П., Сацердотов М.И. Решение Статистического комитета о результатах разборки Саранского архива //ПГВ. 1895. № 22.

архивохранилищ. Настоящим научным подвигом был разбор Г.П. Петерсоном дел и документов архивов Саранского полицейского управления и составление на основе этого «Описи», частично опубликованной в «Трудах Пензенской ученой архивной комиссии». Как уже говорилось выше, к 1903 году им было разобрано и внесено в опись 2107 документов, составивших 329 связок¹. Исследователь прекрасно понимал значимость провинциальных архивов, но он и осознавал, что они могут погибнуть. Краевед призывал «... сохранить для потомства бесплодно погибающий ныне исторический материал, потерю которого впоследствии ничто уже вознаградить не может»². Одним из шагов в деле сохранения историко-документальных ценностей краевед считал создание ученых архивных комиссий. Не случайно он стал одним из основателей Пензенской ученой архивной комиссии и её почетным членом. Он многое сделал и для публикации документов. Особого внимания заслуживают найденные введенные им в научный оборот документы о «Кубанском погроме» 1717 года.

Несомненной заслугой Г.П. Петерсона явилась попытка обобщения данных об археологических памятниках Пензенской губернии. Профессор Казанского университета И.Н. Смирнов, высоко оценивая заслуги краеведа, писал: «В Пензенской губернии по сведениям, собранным г. Петерсоном, памятников старины – городищ, могильников, курганов – имеется весьма значительное количество»³.

Г.П. Петерсон первым предпринял попытку проанализировать развитие историко-краеведческой науки, выделить вклад наиболее выдающихся исследователей. Например, он особо отмечал труды И.И. Дубасова и Н.В. Прозина. Результатом деятельности любителей-краеведов, по мнению Г.П. Петерсона, явилось «... настойчивое собирание исторического материала, стали местами производиться археологические исследования, началась

---

¹ Юрченков В.А. Указ. соч. С. 10.

² ПГВ. 1892. № 19.

³ Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895. С. 18.

разборка местных архивов, стали появляться в печати статьи исторического содержания и ежегодно начали выходить в свет издаваемые статкомитетом адрес-календари, памятные и справочные книжки с самыми разнообразными, касательно губернии сведениями и наконец, появились сборники, в которых кроме историко-археологического отдела отведено было место и для сведений географических, топографических, этнографических и многих других»¹.

Увлечено и плодотворно работал исследователь в области генеалогии пензенского дворянства. Этому способствовали личные контакты с представителями старинных дворянских родов, которых врачевал Григорий Павлович. В 1884 году в «Историческом очерке Керенского края» он поместил в форме приложений несколько генеалогических очерков: «Село Шеино и его владельцы. Из шеинского архива Н.Х. Логвинова», «О дворянских фамилиях в Керенском уезде». В 1887 году в «Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии» была напечатана статья «Инородцы-помещики Керенского уезда», в 1890 году в «Пензенских губернских ведомостях» увидела свет его статья «Род Скорняковых».

Творчество краеведа нельзя представлять как нечто застывшее и малоизменное. Как и всякий исследователь, он претерпел вполне определенную эволюцию. Для ранних работ Петерсона, таких как «Исторический очерк Керенского края», и «Исторические сведения об городе Инсаре и его уезде»², характерна компилятивность и вторичность. Кстати говоря, он сам это понимал. В примечаниях к работе «Исторические сведения об городе Инсаре и его уезде» он отмечал, что его исследование «... не есть труд самостоятельный, оригинальный, а тем более законченный»³. По мере накопления опыта росло и мастерство исследователя работы все более и

---

¹ Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Пенза, 1903. Кн. 1. С. 34.

² Петерсон Г.П. Исторический очерк Керенского края. Пенза, 2002; Он же. Исторические сведения об городе Инсаре и его уезде //ПГВ. 1887. №№ 124 – 126, 128, 129, 142, 144, 145, 147, 148, 154, 156, 158, 160, 162, 188 – 190, 213, 314.

³ ПГВ. 1887. № 124.

более становились оригинальными. Причем в конце жизни Г.П. Петерсон пришел к мысли о необходимости художественного осмысления исторической реальности. Об этом, в частности, свидетельствует его работа «Право хозяина», вошедшая в цикл очерков о саранской старине.

В 1897 году деятельность Г.П. Петерсона в сфере здравоохранения и исторического краеведения была отмечена орденом Св. Владимира 4-ой степени, который давал право на дворянство. В 1898 году он был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги Пензенской губернии.

В 1911 году Пензенская ученая архивная комиссия приняла решение об издании трудов Г.П. Петерсона в виде отдельной книги. Однако осуществить эту мысль удалось лишь в 1993 году, саранскому ученому В.А. Юрченкову под редакцией которого опубликован сборник работ краеведа под общим названием «Страницы истории».

Говоря о занятиях краеведением юристов можно отметить, что это стало возможно благодаря судебной реформе 1864 года. Она предусматривала создание двух типов бессословных судов: мирового суда и окружного суда.

Мировые суды, создаваемые в уездах и городах, избирались на уездных земских собраниях или городскими думами и утверждались Сенатом. Мировой суд состоял из одного участкового судьи, Мировой участок охватывал несколько волостей. Несколько мировых участков составляли мировой округ. В каждой губернии мировые судебные округа соответствовали количеству уездов. Так, например, в Саратовской губернии насчитывалось 10 судебных округов.

Окружные суды создаются в 1871 году. В том же году была учреждена должность окружного прокурора, который включался в состав окружного суда. Окружной суд был судом первой инстанции. Судом второй инстанции являлась судебная палата. Тогда же была открыта Саратовская судебная палата. Ей были подсудны дела ряда губерний, в том числе и Пензенской.

Связывая судебную реформу с краеведческой деятельностью, мы пришли к выводу, что в рассматриваемых нами губерниях краеведением занимались

лишь некоторые мировые судьи. Это, на наш взгляд, связано с проживанием последних в уездных городах, большинство которых, по мнению некоторых современных исследователей¹, мало чем отличались от сел. Поэтому мировые судьи вели, если можно так выразиться, полукрестьянский образ жизни. Сама жизнь толкала их в краеведение. Во-первых, большую часть времени они находились в народной среде и их тянуло к её истории, бытовым особенностям, фольклору и т.п. Во-вторых, размеренный образ жизни также способствовал исследовательской работе. Но здесь необходимо оговориться, при таких условиях не все и даже не большинство мировых судей занимались краеведением. Их, к сожалению, было очень мало. Они не составляли такого пласта провинциальных краеведов, как врачи, а тем более учителя и священники, но это ни сколько не умоляет их заслуг перед провинциальной исторической наукой.

К таким энтузиастам краеведения можно отнести участкового мирового судью Кузнецкого уезда Саратовской губернии Федора Федоровича Чекалина (1844 – 1894). Он родился в с. Покровская Арчада Пензенской губернии. В 1860 году по окончании первой Пензенской мужской гимназии он поступил на юридический факультет Московского университета. В 1866 году он окончил университет и через три года поступил кандидатом на должность судебного следователя при Саратовской палате уголовного и гражданского суда, где исполнял обязанности товарища губернского прокурора и судебного следователя².

В сентябре 1870 года Министерство юстиции переводит Чекалина исполняющим обязанности следователя второго участка Кузнецкого уезда,

---

¹ Миронов Б.Н. Русский город в 1740 – 1860-е годы. Л., 1990; Щербаков В.В. Население заштатного города в 1801 – 1870 гг. Историко-демографический анализ (на примере города Троицка Пензенской губернии): Дис. ...канд. истор. наук. Саранск, 2000; Первушкин А.В. Население провинциального города второй половины XIX – начала XX вв. Историко-демографический анализ (на примере городов Пензенской губернии): Дис. ...канд. истор. наук. Пенза, 2006.

² ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 851. Л. 4 об.

центр которого находился с. Анненкове¹. Здесь краевед провел всю свою жизнь. После женитьбы на воспитаннице помещика Галицкого Чекалин стал владельцем небольшого имения Полянки. С октября 1871 года он занимает должность секретаря Кузнецкого окружного суда, а в сентябре 1872 года выбирается уездным земским собранием участковым мировым судьей². В 1881 году Чекалин был избран председателем Кузнецкого съезда мировых судей³.

Стремление к исследовательской деятельности способствовало участие Ф.Ф. Чеканина в различных научных и просветительских организациях. Он был членом Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете, Московского археологического общества, действительным членом Саратовского и Пензенского губстакомитетов, являлся членом-основателем Саратовской ученой архивной комиссии.

Исследовательская деятельность Ф.Ф. Чекалина начинается с изучения экономического развития Кузнецкого уезда и сбора сведений о состоянии местного мануфактурного производства. С этой целью он почти десять лет (70-е годы XIX в.) проводил систематический сбор сведений. «Как местный землевладелец и мировой судья, – указывал Чекалин, – я мог приводимые сведения по уезду в своих ежедневных столкновениях с народом собрать от самих кустарей, лиц, живущих между ними, заводчиков и фабрикантов»⁴.

Одновременно с изучением экономики региона Ф.Ф. Чекалин уже в 1870-е годы собирал материал и об историческом прошлом Кузнецкого уезда. В первую очередь его интересовали остатки крепостей или «городков» и

---

¹ Там же. Л. 5 об.

² Там же. Л. 6 об.

³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 851. Л. 7.

⁴ Чекалин Ф.Ф. Статистика мануфактурной промышленности Кузнецкого уезда //Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т.1. С. 195.

сторожевых валов XVII века¹. Затем он расширяет территориальные рамки данной проблемы и пишет статьи «Два архивных документа к истории сторожевых укреплений в пределах Пензенской губернии»², «О сторожевой черте от Пензы до Нижнего Ломова», «К истории построения Пензенского сторожевого вала»³. Помимо остатков сторожевых укреплений он отмечает наличие в Кузнецком уезде курганов, называвшихся местным населением «марами», что говорит о нем и как об археологе. Как мы уже говорили, он был принят в МАО и являлся делегатом VIII Археологического съезда, в трудах которого опубликован его реферат «Мещера и буртасы по сохранившимся памятникам»⁴. По сути реферат был на стыке археологии и этнографии, а к чисто этнографическим работам можно отнести статью «Племенной состав и история населения Кузнецкого уезда», где автор поместил «список поселений, населенных мордвою»⁵.

Активное участие принял Ф.Ф. Чекалин в дискуссии о времени основания г. Пензы. В пензенской историко-краеведческой литературе XIX столетия были широко распространены предположения об основании Пензы задолго до времени, обозначенного в «Строельной книге». Краевед опираясь на собственные исследования и на документы Московского архива Министерства юстиции высказал предположение, что первое упоминание о Пензе в официальных документах относится к февралю 1666 года, что не далеко от истины – сегодня принято считать основанием Пензы 1663 год.

---

¹ Он же. Остатки древних земляных сооружений в пределах Кузнецкого уезда //Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 2.

² Он же. Два архивных документа к истории, сторожевых укреплений в пределах Пензенской губернии //ПГВ. 1890. № 73.

³ Пензенская энциклопедия… С. 668.

⁴ Чекалин Ф.Ф. Мещера и буртасы по сохранившимся памятникам. //Труды VIII Археологического съезда М., 1897. Т. 3.

⁵ Он же. Племенной состав и история населения Кузнецкого уезда //Сборник материалов для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1882. Т. 2.

Вступив в декабре 1886 года в числе первых членов в Саратовскую ученую архивную комиссию, Ф.Ф. Чекалин существенно расширил исследовательские интересы.

Одним из основных направлений его научных поисков в рамках Саратовской ученой архивной комиссии становится изучение прошлого Саратовского Поволжья до вхождения данной территории в состав Московского государства. С этой целью он совершает ряд археологических поездок по Саратовской губернии, кроме того, в качестве источника для изучения степени заселенности Нижнего Поволжья в золотоордынскую эпоху Ф.Ф. Чекалин привлек западноевропейские средневековые карты Поволжья.

Рассмотрение проблемы времени и места основания Саратова, заселение Саратовского Поволжья после присоединения региона к Московскому государству становится другим направлением исследовательских поисков краеведа в период работы в Саратовской ученой архивной комиссии. Итогом этих исследований стала его крупная работа «Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века»¹.

Ф.Ф. Чекалин принадлежал к числу видных краеведов 80-х – начала 90-х годов XIX века. Начав с описания местных достопримечательностей, он сумел перейти к формулированию научных проблем и их разрешению с использованием широкого круга источников.

В заключение данного параграфа необходимо сказать, что также как чиновники и учителя, любители-краеведы из врачей и юристов все свое свободное время посвящали краеведческим исследованиям. Кузнецкий краевед И.В. Клестов писал о Ф.Ф. Чекалине: «Хозяйством управляла жена, а Федор Федорович интересовался наукой и краеведением»². Эти энтузиасты краеведения собрали огромный источниковый материал. Благодаря их

---

¹Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века Саратов, 1892.

² Клестов И.В. Федор Федорович Чекалин (Первый кузнецкий краевед) //Весь Кузнецк. Кузнецк, 1927. С. 41.

усилиям для исторической науки были сохранены ценнейшие исторические документы. У некоторых из них сбор и сохранение архивного материала постепенно переходил к анализу полученных данных, правда, не всегда удачного. По нашему глубокому убеждению, без их самоотверженного труда не состоялось бы сегодняшнее историческое краеведение.

III.5. Вклад профессиональных историков в развитие краеведения.

Вторая половина XIX века – время бурного развития русской исторической науки. В оборот вводятся новые пласты исторических источников, обновляются научная тематика и проблематика. Появляются новые подходы к изучению и использованию источников, расширяется изучение научной литературы в том числе и зарубежной. Этот период – время качественных сдвигов в русской провинциальной историографии. Профессионализация местных историков-любителей в условиях провинции шла очень медленными темпами и в очень небольшом количестве.

Как мы уже отмечали в предыдущих параграфах, слабыми сторонами краеведческих работ являлись узость кругозора, оторванность изучаемых ими тем от тем общероссийской истории, локальность решаемых ими проблем и задач, а также неумение сопоставить местные явления и процессы с общероссийскими или даже с явлениями и процессами в соседних губерниях. Типичными были полное отсутствие философского и теоретического осмыслиения исторического материала, фактография как основной метод изложения. Нацеленность на добывание критически проверенных, абсолютно точных фактов местной истории, из которых затем, как из отдельных кирпичиков, будет воздвигнуто цельное здание истории края, вела на определенном этапе к отказу от обобщающих работ, изолированности круга провинциальных научно-исследовательских работ от

общероссийской историографической традиции. За это любители-краеведы и подвергались критике со стороны столичных профессионалов. По мнению знатока русской провинциальной исторической науки дореволюционной России В.В. Богданова такой подход краеведов носил принципиальный характер. По его мысли, иными здесь были не только другой состав и характер источников, но и другая методология и понятийный аппарат¹.

Н.К. Михайловский, властитель дум провинциальной интеллигенции конца XIX века, справедливо отмечал недостатки современной ему исторической науки: «Как в старые годы историка занимали деяния властей... на службе которых он непосредственно состоял, так нынешний историк сосредотачивает свое внимание преимущественно на деяниях и интересах интеллигентного меньшинства, плоть от плоти которого он сам составляет. Масса народа, громадное большинство серого, труждающегося и обремененного люда, силой врываюсь на арену истории, заставляет, правда, иногда о себе говорить»². Однако было бы наивным думать, что профессиональные историки не имели влияния на провинциальных краеведов. Мы попытаемся доказать выдвинутый нами тезис анализируя творчество и участие в краеведческом движении Н.И. Костомарова, Д.Л. Мордовцева, Г.И. Перетятковича и П.Н. Черменского работавших в Саратове и Тамбове. К сожалению, в Пензе в исследуемый нами период профессиональные историки не работали несмотря на то, что Пенза является родиной В.О. Ключевского.

Известный русский и украинский историк Николай Иванович Костомаров (1817 – 1885) провел в Саратове почти десять лет (1848 – 1858) в качестве политического ссыльного за участие в Кирилло-Мефодиевском обществе.

К моменту саратовской ссылки Н.И. Костомаров – выпускник историко-филологического факультета Харьковского университета, в 1841 году

---

¹ Богданов В.В. Культурно-исторические очерки отдельных районов как результат накопления краеведческих материалов... С. 125 – 132.

² Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 4. С. 735 – 736.

представил запрещенную цензурой магистерскую диссертацию «О причине и характере унии в истории Западной Руси». Ему разрешили написать другую диссертацию, и скоро она была готова для защиты под названием «Об историческом значении русской народной поэзии». Весной 1843 года он защитил её, а в январе 1844 года получил степень магистра исторических наук¹. Некоторое время он преподавал в гимназиях Ровно и Киева. В 1846 году его утверждают адъюнкт-профессором русской истории Киевского университета².

В Саратове молодой профессор оказался в центре общественного внимания. «Наличная интеллигенция города,... заинтересованная судьбой молодого профессора, – судьбою, не лишенную романтической подкладки и политической тайны, – усердно искала знакомства с ним», – свидетельствовал позднее писатель и историк Д.Л. Мордовцев³. Саратовский сторожил И.У. Палимсестов вспоминал, что благодаря писательнице М.С. Жуковой, Костомарову покровительствовал губернатор М.Л. Кожевников⁴. Со временем вокруг Костомарова сложился научно-просветительский кружок.

В этом городе он служил переводчиком при губернском правлении, редактировал «Саратовские губернские ведомости», занимал пост секретаря губернского статкомитета. Однако его мысли были заняты историческими исследованиями. В ссылке он продолжал писать работы о восстаниях Богдана Хмельницкого и Степана Разина. В 1853 году в «Саратовских губернских ведомостях» был опубликован первый вариант будущего обширного монографического исследования «Бунт Стеньки Разина» под названием «Стенька Разин и удальцы-молодцы XVII века». Здесь он

---

¹ Пинчук Ю.А. Исторические взгляды Н.И. Костомарова: Критический очерк. Киев, 1984. С. 38.

² Там же. С. 47.

³ Книжки недели. 1889. № 1. С. 65.

⁴ Палимсестов И.У. Из воспоминаний о Костомарове //Русское обозрение. 1885. Кн. VII. С. 155 – 190.

начинает исследование восстания на территории Поволжья. По его мнению, оно являлось негативным явлением. Разина исследователь изображал песенным героем, которого «не брала ни пуля, ни копье». Восстание Разина способствовало возврату края назад, ибо насаждало «удельно-вечевые порядки». В Саратове он собрал огромный материал по истории ещё одного бунта – пугачевского. Будучи секретарем губернского статкомитета он занялся изучением прошлого Саратовской губернии. Собирал материал о местном фольклоре, писал монографию о домашней жизни и нравах русского народа в XVI – XVII веках. Как мы уже отмечали, вместе с А.Н. Пасхаловой-Мордовцевой он организовал сбор и обработку народных песен, сказок и легенд, значительная часть которых была опубликована в местной прессе, а в 1862 году издана отдельно. Результатом этой деятельности явился цикл работ, опубликованных в «Памятных книжках Саратовской губернии». «Эти работы, – как справедливо отметил исследователь творчества Н.И. Костомарова Ю.А. Пинчук, – характерны редко встречающимся соединением философско-обобщающей мысли и художественного изложения со строгим отношением к источникам»¹.

Им были также написаны очерки об уездных городах Вольске и Петровске². Однако, по мнению известного пензенского краеведа М.С. Полубоярова, есть ещё один очерк Н.И. Костомарова связанный с Петровским уездом. «Предрассудки и поверья крестьян в Петровском уезде Саратовской губернии», опубликованный в журнале «Отечественные записки» за 1848 год в томе 56, № 2, отделе VIII. Ранее он был неизвестен в силу того, что написан под псевдонимом «К».

Кроме того, историк в Саратове обследовал некоторые местные архивы, прежде всего в поисках материалов о крестьянских движениях. Значительная часть собранных документов (например, материалы о Пугачеве) Костомаров

---

¹ Пинчук Ю.А. Указ. соч. С. 50.

² Костомаров Н.И. Поездка в Волгск //СГВ.1857. № 17 – 19; Он же Город Петровск //Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. Саратов, 1861.

передал своему ученику и преемнику в деле изучения Саратовского края Д.Л. Мордовцеву. Наконец, им же написан очерк истории Саратовского Поволжья начиная с русской колонизации края до 1825 года¹. В нем характеристику исторического прошлого Саратовского Поволжья Костомаров начинает с решения вопроса о значении присоединения Нижнего Поволжья к Московскому государству, указывая в этой связи, что «... Волга сделалась единственным тогда путем этого новооткрытого знакомства Запада с Востоком»².

Важное значение для развития Саратовского края в начале XVIII века имели созидательные мероприятия, проводимые Петром I. По мнению исследователя, дальнейшее развитие Саратовского Поволжья, полностью связано с мероприятиями, проводимыми царским правительством. Более близкую ему по времени историю Костомаров излагал с проправительственных позиций.

Хотя в историографическом наследии Н.И. Костомарова работы по истории Саратовского Поволжья занимают, в общем, незначительное место, но для саратовского исторического краеведения они знаменуют новый виток в исследовании Саратовского Поволжья, характерной чертой которого является не просто поиск и описательное изложение фактического материала, но и создание на его основе принципиальных концепций исторического развития, имевших значение не только для данного региона, но и для всей страны. Работы Николая Ивановича стали своего рода фундаментом и образцом для дальнейших исследований саратовских краеведов 60 – 80-х годов XIX века, среди которых на первое место следует поставить последователя Костомарова Д.Л. Мордовцева.

Даниил Лукич Мордовцев (1830 – 1905) по окончании Саратовской мужской гимназии поступил на историко-филологический факультет

---

¹ Костомаров Н.И. Очерк истории Саратовского края от присоединения его к русской державе до вступления на престол императора Николая I //Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. Саратов, 1858.

² Он же. Очерк истории Саратовского края... С. 1.

Петербургского университета. Окончив университет в 1854 году он возвращается в Саратов. К этому времени относится его знакомство с Н.И. Костомаровым. В 1856 году Мордовцев становится секретарем губстаткомитета и редактором «Саратовских губернских ведомостей»¹.

Главным в историческом процессе Д.Л. Мордовцев считал сохранение на протяжении многих столетий такого общественного устройства, при котором народные массы были лишены возможности проявить себя в общественной созидающей деятельности. Это приводило к массовым народным возмущениям, которые были «... естественным продуктом всей России и плодом ненормального состояния всего государственного строя»². Главное содержание исторического процесса, с точки зрения Мордовцева, составляет медленное, постепенное изменение, с одной стороны, государственного устройства, а с другой, – еще более медленный рост политического и общественного сознания народа. Для того чтобы корректировать эти тенденции, необходимо «... создать картину того, как пахал землю, вносил подать, отбывал рекрутчину, благоденствовал и страдал русский народ, как он коснел и развивался, как он подчас бунтовал и разбойничал целыми массами»³. Как мы видим исследователь стоял на позициях эволюционизма довольно-таки популярного в то время в Европе.

Наибольший интерес Д.Л. Мордовцева вызывали народные движения XVIII века. «Изучая историческую жизнь русского народа и её более или менее массовые, стихийные проявления в прошлом веке, – писал он, – мы почти исключительно вынуждены были останавливаться на темных её рельефах – на явлениях «понизовой вольницы», «самозванчины» всех видов, «пугачевщины» и «гайдаматчины»⁴.

Одним из первых в исторической литературе Мордовцев касается проблемы участия в народных движениях разночинцев. В связи с этим он

---

¹ Энциклопедия Саратовского края... С. 495.

² Мордовцев Д.Л. Политические движения русского народа. СПб., 1871. Т. 1. С. 7.

³ Он же. Самозванцы и понизовая вольница. СПб., 1886. С. 3.

⁴ Он же. Десятилетие русского земства. 1864 – 1874. СПб., 1877. С. 1.

ставит вопрос о необходимости социальных перемен, о создании таких общественных отношений, при которых энергия и инициатива выходцев из духовенства, купечества и мещан находили бы применение в сфере созидательной деятельности.

Изучая народные движения Д.Л. Мордовцев постоянно обращается к фольклору. Его он считал одним из основных исторических источников. «Для историка, – замечает он, – дороги эти рассказы, как ни много в них сказочного, неправдоподобного: тут дорог и факт, и колорит, в каком является этот факт в памяти народа»¹.

Историко-краеведческие работы Д.Л. Мордовцева имеют важное значение не только для историографии Саратовского Поволжья. Он был одним из первых историков, который, по справедливому выражению Б.Б. Глинского, «... впустил народ в историческую науку»².

Отметим также и постоянное обращение исследователя к местным архивам, страстные призывы сохранять документы «бытовой истории русского народа». Однако некоторые исторические очерки Мордовцева отличаются слабостью и небрежностью научного аппарата. Зачастую историк в большей степени обращался не к документам, а к силе художественного воображения. Видимо, поэтому он является автором исторических романов «Профессор Ратмиров», «Сагайдачный», «Великий раскол» и других.

Большое влияние на саратовских краеведов в 80-е годы XIX столетия оказывали исследования Георгия Ивановича Перетятковича (1840 – 1908). Он закончил Ришельевский лицей в Одессе и Московский университет. Георгий Иванович считается учеником С.М. Соловьева под его руководством в 1877 году написал магистерскую диссертацию «Поволжье в XV и XVI вв. Очерки из истории колонизации края», а в 1882 году докторскую диссертацию «Поволжье в XVII и в начале XVIII в. в Очерки из истории Низовья». В период

---

¹ Мордовцев Д.Л. Политические движения русского народа... Т. 2. С. 126.

² Глинский Б.Б. Среди литераторов и ученых. СПб., 1914. С.114.

работы над диссертациями он неоднократно бывал в Саратове и Царицыне, где работал в местных архивах. Г.И. Перетяткович был профессором Новороссийского университета.

Присоединение Поволжья к русскому государству историк рассматривает как положительный факт, указывая, что «... если рассматривать, насколько страна и население выиграли от водворения в ней русских людей и русской власти, то мы, во-первых, увидим, что здесь рядом с язычеством и магометанством водворяется христианство, к которому начинают обращаться некоторые из туземцев; далее русская государственная власть, уничтожив преобладание в крае аристократии, сама в своих отношениях к населению русскому и туземному руководится демократическим началом... С водворением русских в Казанском царстве не только стали заселяться пустоши, находившиеся здесь в виде городищ, селищ и тому подобных пространств, но начали вспахиваться девственные земли... среди лесов появились русские села и деревни... Вместе с русским человеком появляется и водворяется в этой стране господствующая на Руси система трехпольного хозяйства»¹. Он одним из первых отметил, что русская колонизация Поволжья сопровождалась военными столкновениями с местным населением. Многие выдвинутые им гипотезы нашли подтверждение в последующих исторических исследованиях. Работы Г.И. Перетятковича практически не использовались историками в XX столетии, хотя в них имеется значительное количество ценнейших материалов. На наш взгляд, подобное положение обусловлено двумя причинами. Первая – заключалась в том, что в советской историографии он был «окрещен» как буржуазный историк, а во-вторых, после смерти его труды не переиздавались. Они уже в начале XX века были библиографической редкостью. Так, например, пензенский краевед В.Х. Хохряков на страницах «Трудов Пензенской ученой архивной комиссии» сетовал, что нужных сочинений Перетятковича не имел.

---

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV – XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 285 – 286.

К тамбовским историкам-профессионалам мы относим Петра Николаевича Черменского (1884 – 1973), но здесь необходимо оговориться, что его первые исторические работы относятся к началу XX века, что несколько не укладывается в хронологические рамки нашей монографии. П.Н. Черменский родился в с. Чermные Темниковского уезда Тамбовской губернии (ныне Кадомский район Рязанской области). По окончании Щацкого духовного училища (1898) он поступает в Тамбовскую духовную семинарию, однако в 1902 году он переводится Борисоглебскую мужскую гимназию, которую закончил с золотой медалью в 1905 году. Получив гимназическое образование, он переехал в Санкт-Петербург, где поступил на исторический факультет историко-филологического института. В студенческие годы П.Н. Черменский занимался серьезной научно-исследовательской работой – его курсовое сочинение «Очерки по истории колонизации Тамбовского края» отличалось глубиной научного анализа и детальной проработкой письменных источников.

После окончания в 1909 году института он начал преподавать историю и латинский язык в Петербургской окружной гимназии, а с 1911 года – в гимназии при историко-филологическом институте. В 1911 году он закончил Петербургский археологический институт. Это позволило ему принять участие в археологических раскопках известного русского ученого, профессора Б.В. Фармаковского в Ольвии и стать впоследствии членом Русского археологического общества.

В 1916 году П.Н. Черменский защитил магистерскую диссертацию «Место митрополита Евгения в русской историографии». Молодой ученый был оставлен при кафедре историко-филологического института для подготовки к знанию профессора.

В этот период он продолжает активно сотрудничать с Тамбовской ученой архивной комиссией. В 57-м выпуске «Известий Тамбовской ученой архивной комиссии» вышла его статья «Донские вотчины бояр Романовых». В 1913 году появились его работы, посвященные истории города Лебедяни

Тамбовской губернии (ныне Липецкая область). П.Н. Черменский буквально «заболел» этой темой. Научные исследования по этому городу были сделаны на широкой источниковой базе Московского архива Министерства юстиции (ныне РГАДА) и архива местного Троицкого монастыря. П.Н. Черменский подготовил и опубликовал полный текст Лицевого Синодика XVII века Лебедянского Троицкого монастыря, содержащий интересные сведения об истории Лебедянского края¹. Работы П.Н. Черменского явились образцом для последующих поколений тамбовских краеведов.

В заключение можно отметить, что под влиянием профессиональных историков на рубеже XIX – XX столетий работы провинциальных историков стали отличаться использованием большого количества архивных источников, интерес к отдельному историческое документу, а также критический пересмотр и обновление всей источниковой базы местной историографии, углубление и дифференциация исторической тематики. Появляются проблемные работы по истории экономики и культуры, образования и церкви, местной литературы и искусства. Традиционные темы провинциальной историографии по истории городов и административного управления краем, биографии выдающихся местных деятелей выполняются на качественно ином уровне по сравнению с предыдущим периодом. Внешнее оформление и уровень написания многих работ (обзор источников, оформление сносок, комментарии, вспомогательные именные и географические указатели, документальные приложения) стали приближаться к научному уровню работ многих университетских ученых-историков того времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

---

¹ Черменский П.Н. Старинные храмы г. Лебедяни //Известия археологической комиссии СПб., 1913; Он же. Лицевой Синодик XVII века Лебедянского Троицкого монастыря //ИТУАК. Тамбов, 1918. Вып. 58.

Губернские статистические комитеты в XIX веке создали в России оригинальную научную гуманитарную инфраструктуру страны. Начиная со второй четверти XIX века они стали организационными, научными и издательскими центрами объединившими вокруг себя провинциальных историков-любителей. Формирование их правовой и организационной базы прошло долгий и трудный путь, на котором были и промахи и удачи. Однако правительству удалось наладить деятельность этих учреждений, более того, до 1880-х годов ГСК были единственными учреждениями в России вокруг которых формировалась провинциальная интеллигенция. Именно в её среде появляются в широких масштабах во всей России историки-любители. Думается, что именно с них началось формирование провинциального краеведения в России.

Однако реально губернские статистические комитеты стали центром научно-исторической деятельности в российской провинции лишь в 1860 – 1890-е годы. Из местных историков-любителей был сформирован круг постоянных исследователей – авторов провинциальных изданий: «Губернских ведомостей», «Памятных книжек», «Адрес-календарей» и «Сборников» статистических комитетов. Определилась тематика и проблематика краеведческих работ. Первоначально работы вышеуказанных авторов не являлись в прямом смысле этого слова историческими произведениями и носили скорее прикладной характер. Тем не менее, их наличие свидетельствовало о нарастающем интересе к региональной истории и отражало процесс накопления исторической информации. Подобные работы закладывали основу будущих историко-краеведческих описаний. Однако уже на рубеже XIX – XX столетий работы провинциальных историков стали отличаться использованием большого количества архивных источников, интерес к отдельному историческому документу, а также критический пересмотр и обновление всей источниковой базы местной историографии, углубление и дифференциация исторической тематики. Появляются проблемные работы по истории экономики и культуры,

образования и церкви, местной литературы и искусства. Традиционные темы провинциальной историографии по истории городов и административного управления краем, биографии выдающихся местных деятелей выполняются на качественно ином уровне по сравнению с предыдущим периодом. Внешнее оформление и уровень написания многих работ (обзор источников, оформление сносок, комментарии, вспомогательные именные и географические указатели, документальные приложения) стали приближаться к научному уровню работ многих университетских ученых-историков того времени.

Огромное значение имела и широкая археографическая деятельность местных историков-любителей по сохранению архивных материалов, организации при статкомитетах, а затем при ученых архивных комиссиях губернских исторических архивов. Значительные масштабы принимает публикация исторических источников в местных изданиях, частная собирательская деятельность. Идет складывание, порой значительных по объему, уникальных комплексов архивных и опубликованных материалов по истории своего края. Зарождается краеведческая библиография, и публикуются первые библиографические указатели литературы о родном крае, серьезно стимулировавшие исследовательскую работу на местах. Все это в совокупности позволяет нам утверждать, что к середине 1880-х годов историческое краеведение сформировалось в самостоятельную отрасль знаний. Если в 50 – 60-х годах XIX века изучение прошлого в Пензенской Саратовской и Тамбовской губерниях было в числе прочих достопримечательностей края, то с конца 1860-х – 1870-х годов краеведов стал интересовать определенный период в истории края. В 1880-е же годы краеведы уже четко стали фиксировать свое внимание на историческом прошлом региона, в этом смысле далее всех продвинулись саратовские краеведы, т.к. они могли использовать опыт профессиональных историков Г.И. Перетятковича, Д.Л. Мордовцева и сосланного в Саратов Н.И.

Костомарова. Мнение же многих исследователей о низком качестве публикаций ГСК, на наш взгляд, не совсем верное.

Итак, 1860 – 1890-е годы – время расцвета деятельности ГСК. С 1880-х годов идет процесс создания губернских ученых архивных комиссий, к которым и переходят функции местных исторических научных центров. Роль и значимость губернских статистических комитетов, к сожалению, не получили в научной литературе должного отражения. Между тем структура, состав ГСК, основные направления их краеведческой деятельности позволяют нам говорить о складывании в XIX веке провинциальной исторической науки. Созданная А.П. Щаповым концепция «областничества» послужила теоретическим обоснованием для занятий местной историей множества русских историков-любителей. Им были присущи бескорыстие и альтруизм в своих научных исследованиях. Все свое свободное время они посвящали краеведческим занятиям. Из среды образованного чиновничества чаще всего выходили руководители и организаторы научных исследований в российской провинции. Из среды учительства, врачей и юристов, которая была более многочисленна, вышли краеведы-исследователи, совершенствовавшиеся в течение многих лет в своей научной работе. Если духовенство сравнивать с учительством, то можно сказать, что первое было собирателем первичного архивного, археологического и этнографического материала, то второе – в большей степени было аналитиком. Поэтому лучшие учителя становились историками-профессионалами пусть не по роду своей основной служебной деятельности, а в силу личной увлеченности, талантливости и многолетнего самообразования. Однако следует заметить, что русскую историю в XIX – начале XX века и в центре и на местах писали все же поповичи со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Большое влияние на становление и развитие провинциальной исторической науки оказали центральные научные общества: Русское географическое общество, Московское археологическое общество, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском

университете, Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете и ряд других.

К сожалению, труды провинциальных историков и по сей день не востребованы в той степени, которой они заслуживают. Огромный массив созданных и опубликованных в провинции исторических, археологических и этнографических источников до сих пор не использованы исторической наукой. Этому в большой степени способствовал идеологизированный подход к исторической науке в советское время, выделение дворянского, буржуазного, революционно-демократического течений, по существу, оставляли в стороне от серьезного историографического анализа тысячи провинциальных исторических работ, не вкладывавшихся в заданные рамки.

Автор в данном труде в какой-то степени попытался ликвидировать создавшийся пробел, показывая основные закономерности становления и развития российской провинциальной исторической науки и роль ГСК в этом процессе. Работа не претендует на окончательное решение поставленной проблемы. В силу того, что мы стремились отразить лишь наиболее характерные аспекты формирования российской провинциальной исторической науки. Автор с благодарностью воспримет пожелания или критические замечания после прочтения нашего скромного труда.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Неопубликованные источники

Российский государственный архив древних актов

1. Ф. 1355 – Экономические примечания к генеральному межеванию.

Российский государственный исторический архив

2. Ф. 1278 – Государственная дума.

3. Ф. 1290 – Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел.

Архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук

4. Ф. 6 – Третий стол Департамента общих дел Министерства внутренних дел.

Архив Русского географического общества

5. Разряд 28 – Пензенская губерния.

Государственный архив Пензенской области

6. Ф. 5 – Канцелярия пензенского губернатора.

7. Ф. 7 – Старший чиновник особых поручений при пензенском губернаторе.

8. Ф. 9 – Пензенский губернский статистический комитет.

9. Ф. 81 – Дирекция народных училищ Пензенской губернии.

10. Ф. 269 – Пензенский церковный историко-археологический и статистический комитет.

Государственный архив Саратовской области

11. Ф. 407 – Саратовская губернская ученая архивная комиссия.

12. Ф. 421 – Саратовский губернский статистический комитет.

Государственный архив Тамбовской области

13. Ф. 63 – Тамбовский губернский статистический комитет.
14. Ф. 212 – Козловский Троицкий монастырь.

Опубликованные источники

15. Берг Л.С. Всесоюзное Географическое общество за сто лет. – М. – Л.: Наука, 1946. – 419 с.
16. Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. – М.: Новое литературное обозрение, 1990. – 196 с.
17. Березнеговский С.А. Некоторые исторические и статистические замечания о Тамбовской губернии; Замечания на некоторые места исторического описания Тамбовской губернии //Известия Тамбовской ученой архивной комиссии (ИТУАК). – Тамбов, 1913. – Вып. 55.
18. Березнеговский С.А. Село Пахотный Угол //Тамбовские губернские ведомости (ТГВ). – 1864. – № 36.
19. Березнеговский С.А. История Тамбовской епархии //Тамбовские епархиальные ведомости (ТЕВ). Прибавления к Тамбовским епархиальным ведомостям. – 1861. – Т. 1 – 2.
20. Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской истории как науки //Московское обозрение. – М., 1859. – Кн. 1.
21. Веселовский Б.Б. История земства. – СПб.: Наша жизнь, 1911. – Т 3.
22. Воскресенский Н.В. Исторический обзор деятельности Воронежского губернского статистического комитета. – Воронеж: Тип. губернского правления, 1896. – 82 с.
23. Гацкий А.С. Обзор деятельности Нижегородского статистического комитета за десятилетний период (1865 – 1875) //Сборник в память Первого русского статистического съезда 1870 года. – Н.Новгород, 1875. – Вып. 11.
24. Гейм И.А. Опыт начертания статистики главнейших государств по нынешнему их состоянию. – СПб.: Тип. императорской Академии наук, 1821. – 578 с.

25. Герман К.Ф. Историческое обозрение литературы статистики, в особенности Российского государства. – СПб.: Тип. императорской Академии наук, 1819. – 219 с.
26. Герцен А.И. Былое и думы. – Л.: Лениздат, 1946. – 492 с.
27. Герцен А.И. Собр. соч. – М.: Художественная литература, 1973. – Т. 14.
- Глинский Б.Б. Среди литераторов и ученых. – СПб.: Новое время, 1914. – 572 с.
28. Дубасов И.И. Жуковское городище Тамбовской губернии Спасского уезда //Древняя и новая Россия. – 1881. – № 2.
29. Дубасов И.И. Загадочная монахиня //Исторический вестник. – 1881. – № 3.
30. Дубасов И.И. Историко-этнографический очерк о мордве, населяющей Тамбовскую губернию //ТГВ. – 1880. – №№ 52, 53.
31. Дубасов И.И. Историческая записка о народном образовании в Тамбовской губернии //ТЕВ. – 1879. – № 15.
32. Дубасов И.И. Истребление Темниковских лесов в начале XIX столетия //Древняя и новая Россия. – 1877. – № 10.
33. Дубасов И.И. К биографии Тамбовского епископа Питирима и к истории местного церковного землевладения. – Тамбов, 1872.
34. Дубасов И.И. К истории Тамбовской духовной семинарии //ТЕВ. – 1876. – № 13.
35. Дубасов И.И. К истории Тамбовских духоборцев //Исторический вестник. – 1880. – № 2.
36. Дубасов И.И. К истории крепостного права //Древняя и новая Россия. – 1877. – № 4.
37. Дубасов И.И. К истории противоцерковных движений в Тамбовской губернии //Древняя и новая Россия. – 1878. – № 8.
38. Дубасов И.И. К истории инородческого землевладения в России (XVI – XVII в.) //Русское обозрение. – М., 1890. – № 3.

39. Дубасов И.И. К истории отжившего чиновничества: эпизод из губернаторства Г.Р. Державина в Тамбовской губернии //Русский архив. – 1878. – Январь. – Кн. 1.
40. Дубасов И.И. Крестьянские беспорядки в Тамбовской губернии в царствование Павла I //Древняя и новая Россия. – 1877. – № 3.
41. Дубасов И.И. Нечто о бывших городничих //Исторический вестник. – 1880. – № 1.
42. Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. – Тамбов: ТГПИ, 1993. – 443 с.
43. Дубасов И.И. Разбои в Тамбовской губернии в 1798 г. //Исторический вестник. – 1881. – № 10.
44. Дубасов И.И. Религиозно-нравственное состояние католичества в последние три века перед реформацией //ТЕВ. – 1871. – №№ 3, 4, 6.
45. Дубасов И.И. Тамбовские бытовые черты XVII века //ТГВ. – 1890. – № 87.
46. Дубасов И.И. Тамбовские пожары в 1815 г. //Древняя и новая Россия. – 1877. – № 2.
47. Дубасов И.И. Тамбовский край в конце XVIII – начале XIX столетий //Исторический вестник. – 1884. – № 8 – 10.
48. Дубасов И.И. Тамбовский губернатор Гавалей и его проект Моршанской железно-конной дороги //Древняя и новая Россия. – 1878. – № 8.
49. Дубасов И.И. Тамбовский губернатор Бахметев и отставные приказные //Исторический вестник. – 1882. – № 9.
50. Дубасов И.И. Училище земляного битного строения //Древняя и новая Россия. – 1879. – № 1.
51. Дубасов И.И. Холерный год в г. Тамбове 1830 г. //Русская старина. – 1875. – Декабрь.

52. Дубасов И.И. Церковные просветители Тамбовского края //ИТУАК. – Тамбов, 1897. – Вып. 41.
53. Дубасов И.И. Чума и пугачевщина в Шацкой провинции //Исторический вестник. – 1883. – № 7.
54. Евграфов Н.Р. Двадцатилетняя деятельность Пензенского земства. 1866 – 1890 гг. – Пенза: Тип. губернского земства, 1894. – 394 с.
55. Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. – Владимир: Тип. губернского правления, 1876. – Т. 1. – Вып. 1.
56. Журавский Д.П. Об источниках и употреблении статистических сведений. – М.: «Русская» типо-литография, 1836. – 84 с.
57. Здравомыслов К.Я. Сведения о консисториях архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях, с проектом «Правил высочайше утвержденной архивно-археологической комиссии при Святейшем Синоде» и «Положения церковно-археологических комитетах». – СПб.: Синодальная типография, 1908. – 36 с.
58. Зябловский Е.Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем его состоянии с предварительными понятиями о статистике и с общим обозрением Европы в статистическом виде. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1815. – 314 с.
59. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов, 1888. – Вып. 18.
60. Исторические и археологические сведения по Пензенской губернии (сост. А. Пульхеров) //Памятная книжка Пензенской губернии на 1889 год. – Пенза, 1888.
61. История русской литературы XIX века /Под ред. Д.Н. Овсянико-Куликовского. – М.: Тип. императорского театра, 1910. – Т. 3.
62. Каблуков Н.А. Статистика. – М.: Тип. Г.А. Лемана, 1915. – 182 с.
63. Кауфман А.А. Теория и методы статистики. – М.: Тип. печатный двор, 1912. – 84 с.

64. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (воспоминания 1881 – 1914). – Прага, 1919. – 270 с.
65. Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. – М.: Наука, 1977. – 214 с.
66. Костомаров Н.И. Город Петровск //Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. – Саратов, 1861.
67. Костомаров Н.И. Очерк истории Саратовского края от присоединения его к русской державе до вступления на престол императора Николая I //Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. – Саратов, 1858.
68. Костомаров Н.И. Поездка в Волгск //Саратовские губернские ведомости (СГВ). – 1857. – №№ 17 – 19.
69. Костомаров Н.И., Мордовцева А.Н. Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии //Летописи русской литературы и древностей. – СПб., 1862. – Т. 4.
70. Краткий этнографо-статистический очерк Пензенской губернии //Справочная книга Пензенской губернии на 1901 год. – Пенза, 1902.
71. Леопольдов А.Ф. Ахтубинские развалины //Журнал Министерства внутренних дел (МВД). – 1837. – № 4.
72. Леопольдов А.Ф. Взгляд на Заволжский край Саратовской губернии //Московский телеграф. – 1833. – Ч. 52; Северная пчела. – 1835. – №№ 289 – 291.
73. Леопольдов А.Ф. Древнее население Саратовского края //Саратовский справочный листок (ССЛ). – 1873. – №№ 103, 104.
74. Леопольдов А.Ф. Древности Саратовской губернии //Известия Императорского русского Археологического общества. – 1861. – Т. II.
75. Леопольдов А.Ф. Замечательный народный факт (о мордве) //СГВ. – 1851. – № 9; Самарские губернские ведомости. – 1854. – № 22.
76. Леопольдов А.Ф. Исторический очерк Саратовского края. Сочинение Андрея Леопольдова. – М.: Тип. С. Саливановского, 1848. – 196 с.

77. Леопольдов А.Ф. Краткое статистическое обозрение Саратовской губернии //Вестник Европы. – 1826. – Ч. 148. – № 14.
78. Леопольдов А.Ф. Местоположение Саратова //СГВ. – 1843. – № 35.
79. Леопольдов А.Ф. Моленья и поминки у мордлов Саратовской губернии //Журнал МВД. – 1844. – № 25; Московские ведомости. – 1844. – № 88.
80. Леопольдов А.Ф. Народные поверья //СГВ. – 1844. – №№ 12 – 14, 18.
81. Леопольдов А.Ф. Некоторые обыкновения простого народа в Саратове //СГВ. – 1850. – № 21.
82. Леопольдов А.Ф. Нечто о Саратовской пристани //СГВ. – 1842. – № 1.
83. Леопольдов А.Ф. Ошелководстве на Ахтубе //СГВ. – 1859. – №№ 8 – 9.
84. Леопольдов А.Ф. О нашествии Пугачева на Саратовский край //СГВ. – 1843. – № 30.
85. Леопольдов А.Ф. О Тамбово-Саратовской железной дороге //СГВ. – 1869. – № 122.
86. Леопольдов А.Ф. Отношение русских к киргизам //СГВ. – 1850. – № 43.
- Леопольдов А.Ф. Пассажирский вокзал железной дороги //СГВ. – 1870. – № 123
87. Леопольдов А.Ф. Птицеводство //СГВ. – 1843. – № 22.
88. Леопольдов А.Ф. Садоводство в Саратовской губернии //СГВ. – 1843. – № 43.
89. Леопольдов А.Ф. Садоводство в Саратовской губернии и особенно в городе Саратове //ССЛ. – 1869. – №№ 229, 230, 231.
90. Леопольдов А.Ф. Состояние пчеловодства в 1842 году в Саратовской губернии //СГВ. – 1843. – № 1.
91. Леопольдов А.Ф. Старинные наряды в Саратовской губернии //СГВ. – 1844. – № 50.

92. Леопольдов А.Ф. Статистическая записка о народах населяющих Саратовскую губернию //Московский телеграф. – 1833. – Ч. 52.
93. Леопольдов А.Ф. Статистическое описание Саратовской губернии: В 2-х ч. – СПб.: Тип. департамента внешней торговли, 1839. – 333 с.
94. Леопольдов А.Ф. Татары. //СГВ. – 1842. – № 35.
95. Леопольдов А.Ф. Шелковый сад при Ахтубе и добывание шелка //Журнал МВД. – 1837. – Ч. 25. – № 8.
96. Леопольдов А.Ф. Шелководство в Саратовском крае //ССЛ. – 1873. – №№ 103, 104.
97. Ломоносов М.В. Сочинения. – М.: Наука, 1957. – 836 с.
98. Лунин А.А. Историко-статистическое описание города Петровска //Саратовский сборник. – Саратов, 1881.
99. Лунин А.А. Очерки сел Вольского уезда //СГВ. – 1882. – №№ 64, 65, 96, 97, 98, 134, 149, 156, 179, 217, 221, 223.
100. Максимов С.В. Заметка по поводу издания народных сказок //Живая старина. – СПб., 1897. – Вып. 1.
101. Масловский А.И. Бунт Стеньки Разина в пределах Пензенской губернии //Памятная книжка Пензенской губернии на 1889 год. – Пенза, 1888.
102. Минх А.Н. Коленская волость Аткарского уезда //Саратовский сборник. – Саратов, 1881.
103. Минх А.Н. Материалы для истории Саратовской губернии //Саратовский сборник. – Саратов, 1881.
104. Минх А.Н. Саратовский уезд //Саратовский сборник. – Саратов, – 1882. – Т. 2.
105. Мордовцев Д.Л. Десятилетие русского земства. 1864 – 1874. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1877. – 523 с.
106. Мордовцев Д.Л. Политические движения русского народа: в 2-х томах. – СПб.: Тип. С. Звонарева, 1871. – Т. 1. – 416 с.; Т. 2. – 476 с.

107. Мордовцев Д.Л. Самозванцы и понизовая вольница: в 2-х томах. – СПб.: Тип. Н. Лебедева, 1886. – Т. – 326 с.; Т. 2. – 270 с.
108. Настоящее устройство местных административно-статистических учреждений в России //Журнал МВД. – СПб., 1861. – Ч. 60. – Кн. 2. – Отд. 2.
109. Нижегородский сборник. – СПб.: Тип. Центрального статистического комитета, 1906. – Т. 8. – Отдел 2.
110. Нижегородский сборник. – Н.Новгород: Тип. губернского правления, 1861. – Т. 8. – Одел 2.
111. Норцов А.Н. Археологические особенности Тамбовского края //ИТУАК. – Тамбов, 1901. – Вып. 45.
112. Норцов А.Н. Археологическая поездка по Темниковскому уезду //ИТУАК. – Тамбов, 1902. – Вып. 46.
113. Норцов А.Н. Древнейшая история Тамбовского края по греческим писателям //ИТУАК. – Тамбов, 1901. – Вып. 45.
114. Норцов А.Н. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии //ИТУАК. – Тамбов, 1905. – Вып. 50. – Ч.2.
115. Норцов А.Н. Краткий исторический очерк возникновения и деятельности Тамбовской ученой архивной комиссии 1884 – 1904. – Тамбов: Типо-литограф. губернского правления, 1905. – 37 с.
116. Норцов А.Н. Краткий обзор научной деятельности за 25 лет Тамбовской губернской ученой архивной комиссии (12 июня 1884 – 12 июня 1909 г.). – Тамбов: Типо-литограф. губернского правления, 1909. – 91 с.
117. Норцов А.Н. Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства //ИТУАК. – Тамбов, 1902. – Вып. 47.
118. Норцов А.Н. Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых с их ветвями. – Тамбов: Типо-литограф. губернского правления, 1904. – Ч. 1.

119. Норцов А.Н. Тамбовская и Козловская сторожевая черта //ИТУАК. – Тамбов, 1901. – Вып. 44.
120. О непременном и точном исполнении существующих по духовному ведомству постановлений относительно охранения в монастырях и церквях предметов древности: Определение Святейшего Синода 20 октября – 16 ноября 1890 г. № 1694 //Церковные ведомости. – 1891. – № 1.
121. О разборке архивных дел в духовных консисториях //Странник. Духовный учебно-литературный журнал. – СПб., 1869. – № 9.
122. Обзор Пензенской губернии за 1914 год. Приложение к отчету Пензенского губернатора. – Пенза: Тип. губернского правления, 1915. – 117 с.
123. Обзор статистической деятельности за 1874 – 1883 годы: а) губернских и областных комитетов; б) земских; в) городских и других общественных и сословных учреждений. – СПб.: Тип. Центрального статистического комитета, 1884. – 738 с.
124. Ободовский А.Г. Теория статистики в настоящем состоянии с присовокуплением краткой истории статистики. – СПб.: Тип. К. Вингебера, 1839. – 171 с.
125. Огарёв Н.П. Опыт статистического распределения Российской Империи //Московские ведомости. – М., 1847. – № 98.
126. Отчет о деятельности и занятиях Саратовского губстаткомитета в 1882 году. – Саратов: Тип. губернского правления, 1883. – 6 с.
127. Отчет о деятельности Тамбовского церковно-археологического комитета за 1912 год. – Тамбов: Типо-литограф. губернского правления, 1913. – 12 с.
128. Отчет Пензенского губернского статистического комитета за 1887 год. – Пенза: Тип губернского правления, 1888. – 5 с.
129. Отчет Саратовского губернского статистического комитета за 1890 год. – Саратов: Тип губернского правления, 1891. – 3 с.

130. Палимсестов И.У. Из воспоминаний о Костомарове //Русское обозрение. –1885. – Кн. VII.
131. Памятная книжка Пензенской губернии на 1864 год. – Пенза: Тип губернского правления, 1864. – 133 с.
132. Панчулидзе С.А. История кавалергардов: 1724 – 1799 – 1899. По случаю 100-летнего юбилея Кавалергардского ее величества полка. – СПб., 1899 – 1912. – Т. 1–4.
133. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV – XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). – М.: Тип. Н.А. Грачева, 1877. – 334 с.
134. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. – Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1887. – 440 с.
135. Петерсон Г.П. Исторический очерк Керенского края. – Пенза: ПГОКМ, 2002. – 96 с.
136. Петерсон Г.П. Исторические сведения об городе Инсаре и его уезде //Пензенские губернские ведомости (ПГВ). – 1887. – №№ 124 – 126, 128, 129, 142, 144, 145, 147, 148, 154, 156, 158, 160, 162, 188 – 190, 213, 314.
137. Петерсон Г.П. К истории учреждения в г. Пензе ученой архивной комиссии //Труды Пензенской ученой архивной комиссии. – Пенза, 1903. – Вып. 1.
138. П.Л.В. Рецензия на журнал Тамбовской губернской ученой архивной комиссии, 2 октября 1886 г. Тамбов, 1887 //Исторический вестник. – 1887. – № 5.
139. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание первое. – СПБ., 1835. – Т. IX, XII.
140. Поляков П. Село Боцманово //СГВ. – 1881. – № 1.
141. Попов А.Е. Церкви, причты и приходы Пензенской епархии. Пензенская губерния и епархия (Краткие исторические сведения). – Пенза: Тип губернского правления, 1896. – 272 с.

142. Попов В.П. Географический и топографический очерк Пензенской губернии //Памятная книжка Пензенской губернии на 1911 – 1912 годы. – Пенза, 1911.
143. Попов В.П. Исторические и статистические сведения о Пензенской губернии //Справочная книга Пензенской губернии на 1893 год. – Пенза, 1893.
144. Попов В.П. Краткий исторический очерк Пензенского края //Памятная книжка Пензенской губернии на 1911 – 1912 годы. – Пенза, 1911.
145. Попов В.П. Метеорологические народные замечания и поверья в Пензенской губернии //Справочная книга Пензенской губернии на 1901 год. – Пенза, 1901. – Ч. I.
146. Попов В.П. Столетие типографии Пензенского губернского правления (1804 – 1904). – Пенза: Тип губернского правления, 1904. – 83 с.
147. По поводу устройства при Саратовском епархиальном духовном просветительном союзе церковно-археологического музея //Саратовские епархиальные ведомости (СЕВ). – 1881. – № 3.
148. Порошин В.С. Критические исследования об основаниях статистики. – СПб.: Тип. Академии наук, 1838. – 134 с.
149. Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840/41 по 1890/91 гг. – СПб.: Синодальная типография, 1901. – 417 с.
150. Приглашение смоленского губернатора (1820 г.) //Переписка митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером Н.И. Румянцевым. – Воронеж, 1868. – Вып. 1.
151. Прозин Н.В. Выдержки из записок земского врача //ПГВ. – 1895. – № 22, 23, 31, 36, 41, 45, 51.
152. Прозин Н.В. Город Красносlobодск и Краснослободский уезд; Город Пенза //Приложение к Памятным книжкам Пензенской губернии за 1865, 1866 и 1867 годы. – Пенза, 1868.

153. Прозин Н.В. Город Кузнецк и его уезд //СГВ. – 1870. – №№ 62, 63, 64 – 68.
154. Прозин Н.В. Городищенский уезд и город Городище //Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии. Приложение к Памятной книжке за 1868 и 1869 годы. – Пенза, 1870.
155. Прозин Н.В. Заметка из народной медицины. О лечении рожи в Керенском уезде //ПГВ. – 1894. – № 48.
156. Прозин Н.В. Картины мордовского быта //ПГВ. – 1865. – № 39, 40; 1866. – №№ 23, 24; 1896. – № 244 – 247, 249, 252.
157. Прозин Н.В. Наш мелкий промышленник //ПГВ. – 1896. – № 178.
158. Прозин Н.В. Наш народный театр //ПГВ. – 1897. – № 153.
159. Прозин Н.В. О населении и народных училищах Городищенского уезда //Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии. Приложение к Памятной книжке за 1868 и 1869 годы. – Пенза, 1870.
160. Прозин Н.В. Очерки истории Пензенской губернии //ПГВ. – 1867. – № 7.
161. Прозин Н.В. Простонародные песни Краснослободского уезда //ПГВ. – 1865. – № 38.
162. Прозин Н.В. Саранский уезд и город Саранск //Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии. Приложение к Памятной книжке за 1868 и 1869 годы. – Пенза, 1870.
163. Прозин Н.В. Сперанский в бытность свою пензенским губернатором //ПГВ. – 1892. – № 269, 270.
164. Прозин Н.В. Татары и татарские деревни //ПГВ. – 1866. – №№ 30 – 32.
165. Прозин Н.В. Театральная клака //ПГВ. – 1897. – № 265.
166. Прозин Н.В. Чуваши в Кузнецком уезде //СГВ. – 1870. – №№ 107 – 111.
167. Пыпин А.Н. История русской этнографии. – СПб.: Тип. И.Д. Сытина, 1891. – Т. 2.

168. Радищев А.Н. О собирании статистических сведений //Литературное наследство. – М., 1941. – №№ 9 – 40.
169. Ратьков-Рожнов В.А. Вятский губернский статистический комитет (исторический очерк по подлинным документам). – Вятка: Тип. губернского правления, 1896. – 27 с.
170. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. Министерства народного просвещения, 1902. – 740 с.
171. Сведения о бывшем в г. Тамбове церковно-историческом комитете //ТЕВ. – 1878. – № 12.
172. Сацердотов И.И. Нижнеломовские духовные – уездное и приходское училища //ПЕВ. – 1884. – №№ 4 – 10.
173. Сацердотов М.И. Древнейшие учебные заведения Пензенского края //ПЕВ. – 1894. – №№ 7, 8.
174. Сацердотов М.И. Из рассказов духовного ветерана //ПЕВ. – 1891. – №№ 1, 5, 6, 21, 23, 24; 1892. – №№ 1, 5, 6.
175. Сацердотов М.И. Из судебных дел прошедшего столетия //Сборник Пензенского губернского статистического комитета. – Пенза, 1895. – Вып. III.
176. Сацердотов М.И. Император Александр I в Пензе //Исторический вестник. – 1893. – № 9.
177. Сацердотов М.И. Преосвященный Иоанн, епископ Пензенский и его заботы об образовании духовенства //ПЕВ. – 1885. – №№ 1, 2.
178. Сацердотов М.И. Преосвященный Амвросий (Орнатский) – епископ Пензенский и Саратовский //ПЕВ. – 1890. – №№ 13 – 16.
179. Сацердотов М.И. Указатель статей местного содержания, помещенных в «Пензенских епархиальных ведомостях» за 1888 – 1892 годы //Сборник Пензенского губернского статистического комитета. – Пенза, 1893. – Вып. I.

180. Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. – Казань: Тип. Казанского университета, 1895. – 385 с.
181. Смирнов И.Н. Юбилей Императорского Московского археологического общества и VIII археологический съезд. – Казань: Тип. Казанского университета, 1890. – 18 с.
182. Софинов П.Г. Из истории русской дореволюционной археографии. – М.: Наука, 1957. – 172 с.
183. Татищев В.Н. Рассуждения о ревизии поголовной и касающейся оной. – СПб.: Тип. Академии наук, 1738. – 74 с.
184. Терехин В.Н. Археологические раскопки и разыскания, произведенные в 1892 году в уездах: Краснослободском и Наровчатском //Сборник Пензенского губернского статистического комитета. – Пенза, 1893. – Вып. I.
185. Троицкий А.И. Народные песни Пензенской губернии //Сборник Пензенского губернского статистического комитета. – Пенза, 1905. – Вып. VI.
186. Труды Первого археологического съезда в Москве. – М., 1871. – Т. 1.
187. Труды Третьего археологического съезда в России. – Киев, 1878. – Т. 1.
188. Тюстин А.В. «В любви к Отечеству потомков назидая...». История пензенского церковного краеведения //Краеведение. – Пенза, 1997. – № 1.
189. Тюстин А.В. «Исполнен долг, завещанный от бога...». История пензенского церковного краеведения //Краеведение. – Пенза, 1997. – № 2.
190. Указ Синода о запрещении производить перестройку и заменять древнюю роспись старинных церквей //Охрана памятников истории и культуры в России XVIII – нач. XX вв. Сб. документов. – М., 1978.
191. Устав Тамбовского церковно-археологического комитета. – Тамбов, 1912.
192. Франк С.Л. Этика нигилизма //Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909.

193. Хитров Г.В. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. – Тамбов: Типо-литограф. губернского правления, 1861. – 342 с.
194. Хохряков В.Х. Материалы по истории г. Пензы //Сборник Пензенского губернского статистического комитета. – Пенза, 1894. – Вып. 2.
195. Хохряков В.Х. Материалы для истории города Пензы //Труды Пензенской ученой архивной комиссии. – Пенза, 1903, 1904, 1905. – Кн. 1 – 3.
196. Хохряков В.Х. О сторожевых чертах в Пензенской губернии (в XVI – XVII вв.) //Труды Пензенской ученой архивной комиссии. – Пенза, 1903. – Кн. 1.
197. Хохряков В.Х. Открытие, упразднение и восстановление Пензенской губернии //Сборник Пензенского губернского статистического комитета. – Пенза, 1901. – Вып. V.
198. Хохряков В.Х. Строельная книга г. Пензы //Сборник Пензенского губернского статистического комитета. – Пенза, 1899. – Вып. IV.
199. Церковно-археологические учреждения //Зодчий. – 1904. – Вып. 32.
200. Чекалин Ф.Ф. Два архивных документа к истории, сторожевых укреплений в пределах Пензенской губернии //ПГВ. – 1890. – № 73.
201. Чекалин Ф.Ф. Мещера и буртасы по сохранившимся памятникам. //Труды VIII Археологического съезда. – М., 1897. – Т. 3.
202. Чекалин Ф.Ф. Остатки древних земляных сооружений в пределах Кузнецкого уезда //Саратовский сборник. – Саратов, 1882. – Т. 2.
203. Чекалин Ф.Ф. Остатки древних земляных сооружений в пределах Кузнецкого уезда //Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. – Саратов, 1881. – Т. 2.
204. Чекалин Ф.Ф. Племенной состав и история населения Кузнецкого уезда //Сборник материалов для изучения Саратовской губернии. – Саратов, 1882. – Т. 2.

205. Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. – Саратов: Типо-литорграф. губернского правления, 1892. – 81 с.
206. Чекалин Ф.Ф. Статистика мануфактурной промышленности Кузнецкого уезда //Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. – Саратов, 1881. – Т. 1.
207. Черменский П.Н. Лицевой Синодик XVII века Лебедянского Троицкого монастыря //ИТУАК. – Тамбов, 1918. – Вып. 58.
208. Черменский П.Н. Старинные храмы г. Лебедяни //Известия археологической комиссии. – СПб., 1913.
209. Чернышевский Г.И. Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской епархии 1851 – 60 гг. //СЕВ. – 1882. – №№ 31 – 33; 36 – 40.
210. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. – СПб., 1771.
211. Чупров А.А. Очерки по теории статистики. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1909. – 307 с.
212. Янсон Ю.Э. Теория статистики. – СПб.: Тип. Л.М. Гольденберг, 1913. – 594 с.

Литература

213. Аленова В.А., Мизис Ю.А. История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). – Тамбов: ТГУ, 2002. – 438 с.
214. Аристов Н.Я. Разработка русской истории в последние 25 лет (1855 – 1880) //Исторический вестник. – 1880. – Т. 2.
215. Архангельский С.И. Локальный метод в исторической науке //Краеведение. – М., 1927. – Т.2.

216. Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 528 с.
217. Бердинских В.А. Русская провинциальная историография второй половины XIX века. – М.-Киров, 1995. – 312 с.
218. Богданов В.В. Задачи краеведения и история краеведения в России //Вопросы краеведения. – Н.Новгород, 1923.
219. Вульфсон Г.Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. – Казань: КГУ, 1974. – 276 с.
220. Гациский А.С. Очерк статистических съездов в России. – Н. Новгород: Тип. губернского правления, 1875. – 48 с.
221. Гозулов А.И. Очерки по истории отечественной статистики. – М.: Статистика, 1972. – 252 с.
222. Гошуляк Л.Д. Становление и развитие системы народного образования в Пензенской губернии //Очерки истории народного образования Пензенского края. – Пенза, 1997.
223. Грэвс И.М. История краеведения //Краеведческий альманах Отчество. – М., 1991.
224. Дружинин Н.К. Подушные переписи в русской переписи //Вестник статистики. – 1955. – № 5.
225. Захаров В.М., Захарова Т.А. Саратовская ученая архивная комиссия (1886 – 1920). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – 185 с.
226. Захаров В.М., Миронов В.Г. Первый краевед //У истоков саратовского исторического краеведения: Учебное пособие. – Балашов: БГПИ, 1991. – 37 с.
227. Захаров В.М., Миронов В.Г. У истоков саратовского исторического краеведения. А.Ф. Леопольдов (1800 – 1875) //Труды Саратовского историко-краеведческого общества. – Саратов, 1992.
228. Захарова Т.А. Из истории Саратовского краеведения. – Балашов: ИСО, 2003. – 61 с.

229. Клестов И.В. Федор Федорович Чекалин (Первый кузнецкий краевед) //Весь Кузнецк. – Кузнецк, 1927.
230. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 9.
231. Комарова И.И. Московское археологическое общество и его роль в развитии местных краеведческих организаций России //Археографический ежегодник за 1989 год. – М., 1990.
232. Комарова И.И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов //Археографический ежегодник за 1986 год. – М., 1987.
233. Комарова И.И. Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX – начала XX вв. //Археографический ежегодник за 1990 год. – М., 1991.
234. Комарова И.И. Предпроектные исследования в строительстве. – М.: Стройиздат, 1988 – 1990. – Вып. 1 – 3.
235. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. – М.: Эксмо-Пресс, 1993. – 618 с.
236. Кулатов А.А. Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера: Учебное пособие к спецкурсу. – Архангельск: АГПУ, 1992. – 42 с.
237. Лебедев В.И. Роль Пензенского губернского статистического комитета в развитии провинциальной культуры //Российская провинция XVIII - XIX веков. Материалы III Всероссийской научной конференции. – Пенза, 1996. – Кн. 2.
238. Лебедев Г.С. История отечественной археологии. – СПб.: ИКПА, 1992. – 320 с.
239. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. – М.: Наука, 1971. – 351 с.
240. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1890 – 1917 годах. – М.: Мысль, 1981. – 285 с.
241. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. – Н.Новгород: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1991. – 186 с.

242. Миронов Б.Н. Русский город в 1740 – 1860-е годы. – Л.: Наука, 1990. – 271 с.
243. Миронов В.Г. А.Н. Минх – историк крестьянского движения в Саратовском Поволжье //Историографический сборник. – Саратов, 1999. – Вып. 18.
244. Миронов В.Г. У истоков Саратовской археологии. Очерки истории отечественной археологии. – М.: Наука, 1998.
245. Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. – СПб.: М. Меркушева, 1909. – Т. 4.
246. Первушкин В.И. Издательская деятельность губернских статистических комитетов (на примере Пензенской губернии) //Исторические записки. Межвуз. сб. науч. статей. – Пенза, 2004. – Вып. 8.
247. Первушкин В.И. Краевед по неволе //Исторические записки. Межвуз. сб. науч. статей. – Пенза, 2005. – Вып. 9.
248. Первушкин В.И. Приходское духовенство в Пензенском краеведении во второй половине XIX – начале XX века //Исторические записки. Межвуз. сб. науч. статей. – Пенза, 2002. – Вып. 6.
249. Первушкин В.И. Роль Н.В. Калачева в становлении провинциального краеведения (на примере Тамбовской, Саратовской и пензенской губерний) //Исторические записки. Межвуз. сб. науч. статей. – Пенза, 2006. – Вып. 10.
250. Первушкин В.И., Голоштанова Н.Е. Отчеты Пензенского губернского статистического комитета как исторический источник //Актуальные проблемы науки в России. Материалы научно-практической конференции. – Кузнецк, 2003. – Вып. 1.
251. Петерсон Г.П., Сацердотов М.И. Решение Статистического комитета о результатах разборки Саранского архива //ПГВ. – 1895. – № 22.
252. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. – М.; Л.: Госиздат, 1928. – 148 с.

253. Пинчук Ю.А. Исторические взгляды Н.И. Костомарова: Критический очерк. – Киев: Наукова думка, 1984. – 190 с.
254. Плошко Б.Г., Елисеева И.И. История статистики. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 212 с.
255. Присенко Г.П. Тульская провинциальная историография конца XVIII – начала XIX в. в истории отечественной культуры //Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции. – Пенза, 1996. – Кн. 2.
256. Птуха М.В. Очерки по истории отечественной статистики. – М.: Госстатизат, 1936. – 206 с.
257. Птуха М.В. Очерки по истории статистики XVII – XVIII вв. – М.: Госполитзат, 1945. – 138 с.
258. Савин О.М. Живая память. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. – 176 с.
259. Севастьянова А.А. Историография русской провинции второй половины XVIII века (к постановке проблемы) //История СССР. – 1991. – № 1.
260. Севастьянова А.А. Историческая наука в российской провинции в начале XIX века //Культура и наука в жизни российской провинции. Методика преподавания вопросов культуры и науки в высшей и средней школе. – Рязань, 1996. – Ч. I.
261. Севастьянова А.А. Источники в сочинениях провинциальной историографии России второй половины XVIII в. //Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. – М., 1991.
262. Собрание сочинений, выбранных из «Месяцесловов» на разные годы. – СПб., 1790. – Ч. VI.
263. Спицын А.А. Мои научные работы //Семинарий Кондакова. – Прага, 1928. – Т. 2.

264. Станько А.И. Официальная газетная печать в литературно-общественной борьбе 1840-х годов //Ученые записки Горьковского университета. Серия. Историко-филологическая. – Горький, 1996. – Вып. 78.
265. Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России //Археографический ежегодник за 1974 год. – М., 1975.
266. Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. – М.: НИИК, 1990. – 112 с.
267. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. – М.: Просвещение, 1961. – 184 с.
268. Черменский. П.Н. Краеведческая работа в Тамбовской губернии в дореволюционное время //Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. – Тамбов, 1925. – № 1.
269. Шишлов С.Л. Музей Пензенского статистического комитета – первый краеведческий музей Пензенской области и его руководитель В.П. Попов // Российская провинция XVIII – XIX веков. Материалы III Всероссийской научной конференции. – Пенза, 1996. – Кн. 2.
271. Щапов А.П. Неизданные сочинения //Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1926. – Т. 33. – Вып. 2/3.
272. Щапов А.П. Новая эра //Собрание сочинений. Дополнительный том. – Иркутск, 1937.
273. Щапов А.П. Сочинения. – СПб., 1906. – Т. 1.
274. Эймонтова Р.Г. Профессора старые и новые на рубеже 50 – 60-х годов XIX в. //Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. – М., 1981.
275. Юрченков В.А. Григорий Павлович Петерсон (1839 – 1909) //Петерсон Г.П. Страницы истории. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. – 288 с.

Энциклопедическая и справочная литература

276. Василёв И.И. Пензенские губернские ведомости. Первое пятидесятилетие. 1838 – 1887. Систематический свод статей, относящихся к Пензенскому краю, хронологический и алфавитный указатели. – Пенза: Тип. губернского правления, 1889. – 311 с.
277. Григоровский М.П. Указатель статей, помещенных в «Неофициальном отделе Тамбовских губернских ведомостей» за 1870 – 1877 гг. – Тамбов: Типо-литограф. губернского правления, 1878. – 74 с.
278. Забродина Н.И. Пензенские губернские ведомости (1888 – 1917 гг.). Библиографический справочник. – Пенза: ПГУНБ, 1994. – 107 с.
279. Межов В.И. Библиографические монографии: Труды Центрального и губернских статистических комитетов: Библиографический указатель. – СПб.: Тип. Центрального статистического комитета, 1873. – Т.1. – 128 с.
280. Мордовия: Энциклопедия: В 2 т. Саранск: Мордов. Кн. изд-во, 2004. – Т.1. – 576 с.; Т. 2. – 704 с.
281. Пензенская энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. – 759 с.
282. Соколов С.Д. Саратовцы писатели и ученые //Труды Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). – 1915. – Вып. 30, 32.
283. Хованский Н.Ф. Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет её существования //25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886 – 1911 г. – Саратов: Типография союза печатного дела, 1911.
284. Хованский Н.Ф. Указатель статей неофициальной части «Саратовских губернских ведомостей» //Труды СУАК. – Саратов, 1893. – Т. IV. – Вып. 1.
285. Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). – Саратов: Приволжское кн. изд-во, 2002. – 688 с.

Диссертации и авторефераты

286. Бердинских В.А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860 – 1890-х годов. Дис. ... док. истор. наук. – М., 1994.
287. Захарова Т.А. Саратовская губернская ученая архивная комиссия в 1886 – 1920 годах. Дис. ... канд. истор. наук. – Пенза, 2003.
288. Миронос А.Е. Ученые подразделения в системе административного управления России в первой половине XIX века: задачи, структура, эволюция. Автореф. дис. ... док. истор. наук. – Н.Новгород, 2000.
289. Первушкин А.В. Население провинциального города второй половины XIX – начала XX вв. Историко-демографический анализ (на примере городов Пензенской губернии): Дис. ... канд. истор. наук. – Пенза, 2006.
290. Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Автореф. дис. ... док. истор. наук. – СПб., 1993.
291. Сиволап Т.Е. Охрана памятников старины в России в конце XIX – начале XX в. Дис. ... канд. истор. наук. – СПб., 1997.
292. Старчикова Н.Е. Историко-краеведческая деятельность губернских статистических комитетов России во второй половине XIX – начале XX века (на примере Пензенской губернии). Дис. ... канд. истор. наук. – Пенза, 2004.
293. Щербаков В.В. Население заштатного города в 1801 – 1870 гг. Историко-демографический анализ (на примере города Троицка Пензенской губернии): Дис. ... канд. истор. наук. – Саранск, 2000.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аквилонов П.В. – 56.
Александр I – 17, 142.
Александр II – 45.
Аленова В.А. – 14, 15, 51, 123, 125, 153.
Андреевский А.Е. – 57.
Анучин Д.Н. – 108.
Арапов П.Н. – 80.
Аристов Н.Я. – 25, 26, 74.
Архангельский С.И. – 11.
Ауновский В.А. – 129.

Бай Иосиф-Август де – 96.
Бакалей Д.И. – 81.
Барсов В.Е. – 81, 108, 129.
Барсов Н.П. – 76, 107, 118.
Бартольд В.В. – 80, 81.
Бартольд В.Е. – 80, 81.
Бекетов А.Н. – 26, 77.
Бекетов И.Н. – 77.
Берг Л.С. – 103, 108.
Березнеговский С.А. – 34, 37, 38, 41, 115, 143, 145.
Бердинских В.А. – 12, 16, 17, 18, 20, 113, 116, 129.
Бердяев Н.А. – 30, 65.
Бестужев-Рюмин К.Н. – 19, 20.
Блудов Д.Н. – 18.
Богданов В.В. – 11, 167.
Богословский Н.Г. – 129.
Борисов В.М. – 125.
Булыгин Ф.Я. – 80.
Буслаев Ф.И. – 48, 80.

Бэр К.М. – 103, 108.

Вайнберг А.Б. – 11.

Василёв И.И. – 83.

Веселовский Б.Б. – 19.

Вигель Ф.Ф. – 80.

Викторова М.А. – 80.

Воейков Л.А. – 47.

Волков А.Н. – 46, 94.

Воскресенский Н.В. – 11.

Вульфсон Г.Н. – 21.

Вырубов В.Н. – 96.

Вяжлинский Д. – 34.

Вяткин В.А. – 81.

Вячеслов Н.Н. – 129.

Гаршин В.М. – 98.

Гациский А.С. – 11, 102, 127., 129

Гвоздев И.П. – 80.

Гейм И.А. – 7.

Герман К.Ф. – 8, 10.

Герцен А.И. – 8, 22, 132.

Глаголев П. – 117.

Глинский Б.Б. – 172.

Гозулов А.И. – 10.

Голоштанова Н.Е. – 14.

Гошуляк Л.Д. – 24, 148.

Гревс И.М. – 11.

Григорьев И.Е. – 29.

- Демчинский Н.А. – 80.
Дружинин Н.К. – 10.
Дубасов И.И. – 47, 51, 104, 105, 108, 115, 117, 129 – 134, 138, 148, 153, 159.
Дьяков В.Н. – 117.
Дюбур А.Ф. – 96.
- Евграфов Н.Р. – 156.
Европеус Д.П. – 100.
Елисеев И.И. – 10.
Ефименко П.С. – 129.
- Жукова М.С. – 168.
Журавский Д.П. – 8.
- Забелин И.Е. – 79.
Забродина Н.И. – 83.
Загоскин М.Н. – 80.
Захаров В.М. – 14, 96, 130, 132.
Захарова Т.А. – 14.
Здравомыслов К.Я. – 60, 61.
Зелинский И.И. – 57.
Зябловский Е.Ф. – 7.
- Инсарский В.А. – 80.
- Каблуков Н.А. – 9.
Кавтасъкин Л.С. – 104.
Калачов Н.В. – 100, 103, 108, 137.
Каптерев П.Ф. – 148.
Карамзин Н.М. – 32, 38, 144.

Кауфман А.А. – 9.
Киевский М.С. – 115, 119.
Кизеветтер А.А. – 29.
Кириллов И.К. – 7.
Киселев А.Г. – 28.
Клестов И.В. – 165.
Ключевский В.О. – 25, 47, 81, 140, 167.
Кожевников М.Л. – 168.
Комарова И.И. – 12, 44, 81, 109.
Корнилов А.А. – 42.
Коровин П.И. – 60.
Косич А.И. – 150.
Костомаров Н.И. – 14, 26, 81, 84, 103, 108, 109, 113, 167 – 171, 178.
Кудрявцев М.А. – 29.
Куратов А.А. – 12.

Ламанский В.И. – 102, 103, 108.
Ланской В. – 116.
Лебедев В.И. – 13, 16.
Лебедев Г.С. – 86.
Левитов А.И. – 98.
Лейкина-Свирская В.Р. – 20, 21, 27, 28, 140.
Лермонтов М.Ю. – 149.
Леопольдов А.Ф. – 38 – 41, 103, 108, 115, 129 – 134.
Логвинов Н.Х. – 160.
Ломоносов М.В. – 7.
Лунин А.А. – 78, 117, 142 – 145.
Лятошинский А.Ф. – 29.

Майков Л.Н. – 103.

- Макарихин В.П. – 30.
- Максимов С.В. – 98.
- Максимович М.А. – 38, 144.
- Масловский А.И. – 81, 115.
- Межов В.И. – 111.
- Мельников П.И. – 98.
- Мешков Г.И. – 76, 118.
- Мизис Ю.А. – 14, 15, 35, 51, 123, 125, 153.
- Миллер В.Ф. – 103, 108.
- Миловский Н.Н. – 57.
- Минх А.Н. – 78, 115, 117.
- Миронов Б.Н. – 162.
- Миронов В.Г. – 130, 132.
- Миронос А.Е. – 12.
- Михайловский Н.К. – 167.
- Мордвинов И.С. – 28.
- Мордовцев Д.Л. – 84, 115, 129, 167 – 172, 178.
- Надеждин Н.И. – 103.
- Нарышкин Э.Д. – 47, 123, 131.
- Никитин В.А. – 47.
- Никитин Н.Т. – 114.
- Николай I – 19, 39, 116.
- Норцов А.Н. – 77, 115, 117, 152 – 155.
- Ободовский А.Г. – 7.
- Огарев Н.П. – 9.
- Околович Н.А. – 60.
- Ольденбург С.Ф. – 103.
- Остромецкий Н.К. – 158.

- Палимсестов И.У. – 168.
- Панчулидзе А.А. – 43, 46.
- Панчулидзе С.А. – 152, 153.
- Пасхалова-Мордовцева А.И. – 103, 169.
- Первушкин А.В. – 162.
- Первушкин В.И. – 14.
- Перетяткович Г.И – 167, 172, 173, 178.
- Петерсон Г.П. – 48, 69, 72, 115, 118, 134, 157 – 160.
- Петр I – 165.
- Пиксанов Н.К. – 11.
- Пинчук Ю.А. – 168, 169.
- Пискарев П.И. – 51, 115.
- Плошко Б.Г. – 10.
- Полевой Н.А. – 38, 144.
- Поливанов И.И. – 37.
- Полторацкая А.А. – 115.
- Полубояров М.С. – 169.
- Поляков П. – 51, 102.
- Помяловский Н.Г. – 98.
- Пономарев И.А. – 57.
- Попов А.Е. – 63.
- Попов В.П. – 29, 73, 75, 115, 118, 129, 130 – 134.
- Порошин В.С. – 8.
- Преображенский И. – 140.
- Присенко Г.П. – 12.
- Прозин Н.В. – 40, 41, 48, 51, 65 – 71, 82, 83, 89, 104, 108, 112, 115, 129, 157, 159.
- Птуха М.В. – 9.
- Пульхеров А.И. – 80.

Пыпин А.Н. – 26, 27, 99.

Радищев А.Н. – 8.

Раевский А.Г. – 37.

Ратьков-Рожков В.А. – 10, 11.

Рождественский С.В. – 147.

Романов Н.Н. – 117.

Савин О.М. – 96, 104.

Самбикин Д.И. – 47, 51, 56.

Самоквасов Д.Я. – 81, 90.

Сацердотов И.И. – 141, 142.

Сацердотов М.И. – 142, 153.

Севастьянова А.А. – 12, 37.

Селиванов А.В. – 129.

Селиванов А.Ф. – 45, 75, 79, 80, 115, 118.

Сементовский А.М. – 129.

Серафим Саровский – 77.

Сиволап Т.Е. – 12.

Скопин Н.Г. – 36.

Слепцов А.Т. – 153.

Смирнов А.Н. – 129.

Смирнов И.Н. – 86, 95, 159.

Смолин-Степанов Д.Г. – 29.

Соколов А.И. – 90, 131.

Соловьев Е.Т. – 129.

Соловьев М.С. – 172.

Софинов П.Г. – 74.

Спасский Н.А. – 129.

Сперанский М.М. – 17, 37, 41.

Спицын А.А. – 11, 81, 95.

Стенько А.И. – 18.

Старчикова Н.Е. – 14.

Степанов А.П. – 39.

Степанский А.Д. – 12.

Строганов С.Г. – 91, 124.

Строев П.М. – 37.

Татищев В.Н. – 7.

Терехин В.М. – 60, 76, 95, 96, 115, 118.

Тихонравов К.Н. – 129.

Токмаков Н.Ф. – 47.

Триротов В.Г. – 102, 115.

Троицкий А.И. – 106, 107, 108, 118.

Уваров А.С. – 81, 87, 128.

Унковский А.М. – 19.

Успенский Г.И. – 98.

Фармаковский Б.В. – 169.

Федорович Ф.Ф. – 76, 114.

Формозов А.А. – 12, 125.

Франк С.Л. – 22, 23.

Хитров Г.В. – 56, 63.

Хованский Н.Ф. – 83, 114, 143, 150, 151.

Холмогоровы В.И., Г.И. – 76, 118.

Хохряков В.Х. – 51, 76, 115, 118, 149, 150, 174.

Чекалин Ф.Ф. – 76, 96, 115, 117, 162 – 165.
Черменский П.Н. – 114, 153, 154, 155, 167, 174, 175.
Чернышевский Г.И. – 63.
Чернышевский Н.Г. – 22.
Чичерин Б.Н. – 26.
Чубинский П.П. – 129.
Чулков М.Д. – 7.
Чупуров А.И. – 9.

Шахматов А.А. – 103, 108, 115, 117.

Шелгунов Н.В. – 22.

Шишлов С.Л. – 13, 118, 125.

Щапов А.П. – 26, 31 – 33, 178.

Щекатов А.М. – 38, 144.

Щербаков В.В. – 162.

Эймонтова Р. Г. – 26.

Юрченков В.А. – 158, 161.

Якушкин Е.И. – 108.

Янсон Ю.Э. – 6, 9, 10, 44.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ	17
I.1. Российское общество 1830 – 1900-х годов	17
I.2. Первые опыты историко-краеведческих описаний	34
I.3. Губернские статистические комитеты в системе российских научных обществ	42
I.4. Краеведческие учреждения русской православной церкви	51
ГЛАВА II. ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕНЗЕНСКОГО, САРАТОВСКОГО И ТАМБОВСКОГО СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	64
II. 1. Исторические работы и исследования	64
II.2. Археологическая деятельность статистических комитетов	85
II.3. Зарождение провинциальной этнографии	97
II.4. Издательская деятельность губернских статистических комитетов	109
II.5. Роль губернских статистических комитетов в пропаганде и охране памятников истории и культуры	119
ГЛАВА III. ИСТОРИКИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	127
III.1. Секретарь губернского статистического комитета как организатор научных исследований в губернии	127
III.2. Историки из духовенства	139
III.3. Историки из учительской, журналистской и чиновничьей среды	147
III.4. Историки из врачей и юристов	156
III.5. Вклад профессиональных историков в развитие краеведения ..	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	176
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	203

Федеральное агентство по образованию и науке Российской Федерации
Пензенский государственный педагогический университет
им. В.Г. Белинского

Владимир Иванович Первушкин

Монография

**ГУБЕРНСКИЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ КОМИТЕТЫ И
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА**

Редактор – О.В. Ягов

Корректор – Э.В. Филиппова

Компьютерная верстка – А.В. Первушкин

План университета 2007 г. (поз. 25).

Лицензия на издательскую деятельность ПГПУ им. В.Г. Белинского
ЛР № 021348 от 18 июня 1999 г.

Сдано в набор 14.02.07.

Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. 12, 32.

Уч. изд. 13,25.

Тираж 500.

Подписано в печать 20.11.06.

Печать RISO

Цена с. 17.

Заказ 17/07.

Издательство ПГПУ им. В.Г. Белинского.

446002, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37.

Корпус 5, комн. 466.

Типография ПГПУ им. В.Г. Белинского.

446002, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37.

Корпус 8, комн. 311.